

Александр Финогеев

Александр Финогеев

КРУГИ НА ВОДЕ

Рассказы

A black and white illustration of a lighthouse situated on a rocky cliff overlooking the sea. Several seagulls are shown in flight around the lighthouse. The water in the foreground features concentric ripples, suggesting a stone has been thrown in. The overall style is minimalist and graphic.

Николаев
«Илион»
2017

УДК 821.161.1
ББК 84-4
Ф 60

На обложке – фото Галины Гавриловой

Письменник Олександр Фіногеев, який прослужив лікарем у рядах ВМФ більше чверті століття, продовжує свою розповідь, розпочату в збірках оповідань «В ті дні в морях дороги наші були» (2008 р.), «І життя, і море, і любов» (2009 р.), «По місцях стояти!» (2013 р.), «В житті не повірю!» (2014 р.), «Міражі туману» (2015 р.). У драматичній формі з відомою часткою гумору і вигадки він розмірковує про життя.

Книга адресована масовому читачу.

Финогеев А.

Ф 60 Круги на воде : рассказы / Александр Финогеев. — Николаев : Илион, 2017. — 336 с.

ISBN 978-617-534-391-1

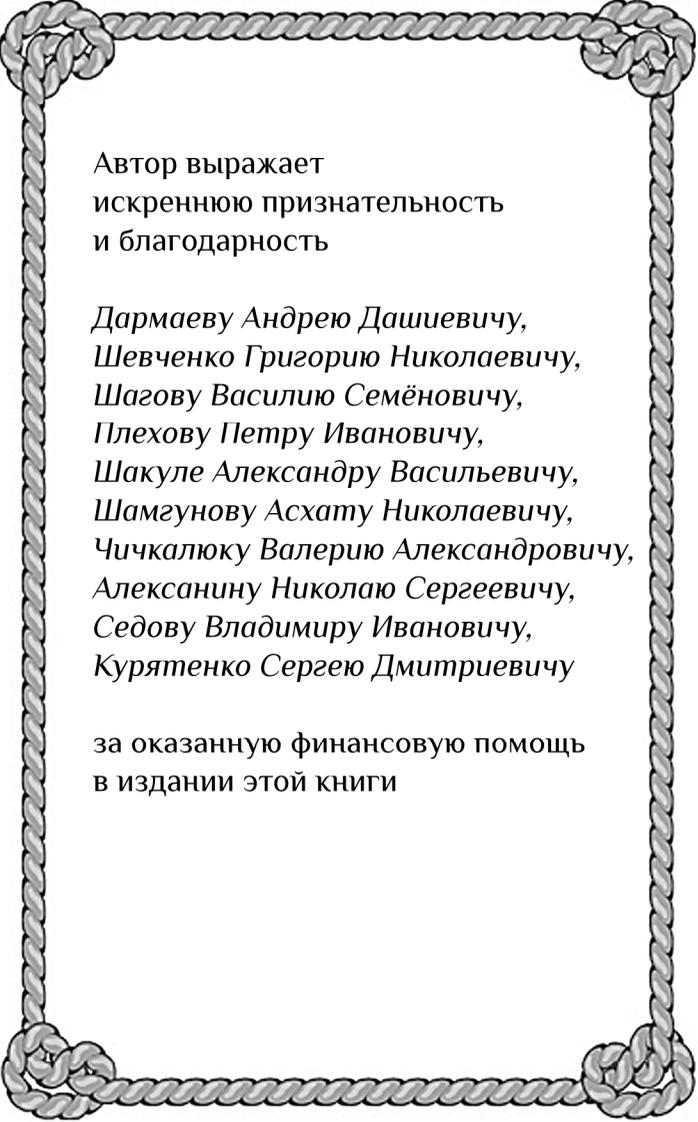
Писатель Александр Финогеев, прослуживший врачом в рядах ВМФ более четверти века, продолжает своё повествование, начатое в сборниках рассказов «В те дни в морях дороги наши были» (2008 г.), «И жизнь, и море, и любовь» (2009 г.), «По местам стоять!» (2013 г.), «В жизни не пове-рю!» (2014 г.), «Миражи тумана» (2015 г.). В драматичной форме с известной долей юмора и вымысла он размышляет о жизни.

Книга адресована массовому читателю.

УДК 821.161.1
ББК 84-4

ISBN 978-617-534-391-3

© Финогеев А., 2017

Автор выражает
искреннюю признательность
и благодарность

*Дармаеву Андрею Дашиевичу,
Шевченко Григорию Николаевичу,
Шагову Василию Семёновичу,
Плехову Петру Ивановичу,
Шакуле Александру Васильевичу,
Шамгунову Асхату Николаевичу,
Чичкалюку Валерию Александровичу,
Алексанину Николаю Сергеевичу,
Седову Владимиру Ивановичу,
Курятенко Сергею Дмитриевичу*

за оказанную финансовую помощь
в издании этой книги

МОРСКАЯ ДУША

Предисловие

У меня в руках новый, ещё не изданный, сборник рассказов николаевского прозаика Александра Витальевича Финогеева. Это его шестая книга. По прочтении подумалось вот о чём. В своё время великий Лев Толстой, размышляя о будущем литературы, пришёл к такому выводу: «Писатели, если они будут, будут не сочинять, а только рассказывать то значительное или интересное, что им случилось наблюдать в жизни».

Первую свою книгу «В те дни в морях дороги наши были» Александр Финогеев написал в 2008 году, когда ему уже было пятьдесят пять лет. После окончания Военно-медицинской академии в городе Ленинграде он отслужил военным врачом на кораблях и в частях Черноморского флота двадцать шесть лет, а после службы работал в гражданском здравоохранении. В жизненном багаже – уникальный опыт, пытливые наблюдения, духовная зрелость.

Потом у Финогеева книги посыпались как из рога изобилия. В 2009 году – «...И жизнь, и море, и любовь...», в 2012 – «Віра, Надія, Любов» (в сборнике), в 2013 – «По местам стоять!», в 2014 – «В жизни не поверю!», в 2015 – «Миражи тумана». И это не двадцать, не пятьдесят страниц, а триста и более! Такому обилию жизнен-

ных впечатлений, такой работоспособности и упорству можно только позавидовать. И от количества книг их литературное качество только возрастает. Финогеев становится мудрее, а его произведения осмысленнее. Акценты же неизменны – дружба и любовь, правда и добро, поступки и чувства, достойные Человека.

Многие врачи (вспомним: Антон Чехов, Владимир Даль, Михаил Булгаков, Григорий Горин, Василий Аксёнов, Викентий Вересаев, Станислав Лем, Конан Дойль и многие другие), оставив свою основную профессию, стали писателями. Почему? Наверное, труд врача располагает к большому пониманию философии жизни, знанию психологии человека и огромному опыту общения с людьми. И конечно же, талант, заложенный Богом. Финогеев тоже, ступив на писательскую стезю, стал «врачевателем души».

В одной из передач на николаевском телевидении Александра Финогеева назвали «Наш николаевский Чехов!» Я с таким гиперболическим утверждением согласен. И совсем не потому, что мне хочется причислить своего друга к когорте великих. Тут важен творческий посыл. В его рассказах присутствует и мягкий юмор, и человеческая трагедия, и тонкие психологические наблюдения, и зрелые мысли. А главное – стремление рассекретить глубинные мотивы событий, поступков, чувств.

Ещё его называют мастером диалога. В них он раскрывает и облик, и характер героя, его взаимоотношения с окружающим миром и суть происходящего. Кто знает Финогеева лично, может смело узнать в нём любого из его героев. И язык его живой, невыдуманный, народный, лексика богата и изысканна.

Когда встречаешь Сашу Финогеева и видишь его радостное, улыбающееся лицо – это к удачному дню и хорошему настроению. Из него позитивная энергия буквально бьёт фонтаном. Поговорим на темы, далёкие от официальных. А говорить с ним можно буквально обо всём. Он многое видел, многое знает. И умеет слушать и присматриваться. Потом всё интересное, причудливо трансформируясь и обобщаясь, обогатит его литературный опыт.

И всё же за его весёлостью и непринуждённостью проглядывается долгая, не всегда радостная жизнь. Жизнь, посвящённая людям, – как врачом, так и писателем.

Учитывая, что он военный врач, в большей части его рассказов, особенно ранних, события связаны с военно-морской службой. Его герои – моряки и офицеры. Он эту жизнь знает не понаслышке. Поэтому романтика моря описывается ярко и пронзительно. Он обращается к нашей потаённой искренности и к несбывшимся мечтаниям. Это дорогого стоит.

Свою новую книгу Финогеев начинает с повествования под названием «Дождь», где есть и радость встречи, и большая любовь, и неисчерпаемое горе, и смерть... Трагедия жизни. Трагедия любви. Фатальный исход. У меня – невольная слеза.

А вот второй рассказ – «Пятница, тринадцатое» – юмористическая коллизия. Умом понимаешь, что в жизни такого не может быть, хотя именно такие жизненные виражи и запоминаются, и увлекают.

Это стиль Финогеева, где юмор тесно переплетён с сентиментальностью и драмой. Он мастерски описывает безбрежность моря, бескрайность степей, природу и быт своих героев, которые сразу предстают в воображении читателя. Р.-М. Рильке подсказал: «Художник – это человек, который пишет с натуры».

Галерея образов, палитра мыслей, калейдоскоп коротких и длинных сюжетов создают атмосферу лёгкости, доступности и, я бы сказал, крылатости.

В отличие от предыдущих своих книг, Александр Витальевич ввёл новый раздел – «Дети». Это не подражание миниатюрам К. И. Чуковского, а, скорее, развитие благодатной темы детской наивности и непосредственности. Читается с удовольствием и улыбкой.

И в конце книги его мысли-афоризмы, философские и поучительные, – о сущности нашего бытия.

Безусловно, окончательную оценку поставит читатель. Именно ему жить с героями этих повествований, с ними ему смеяться и грустить. Только ему решать – жить произведению или остаться в забвении. Но я уверен – эта книга найдёт своего читателя.

*Александр К. Иванов,
профессор, писатель*

1

Алексей, преодолевая мощную стену воды, падающую с неба, спотыкаясь о стремительно бегущие по асфальту потоки, задыхаясь, как мог быстро бежал к остановке, держа в руке фуражку, прикрывая ею удостоверение личности. Его форма промокла насквозь, а в полуботинках противно хлюпала вода, из-за которой ноги очень тяжело было оторвать от асфальта. Буквально на расстоянии вытянутой руки ничего не было видно. Всё это придавало какую-то фантастическую и сказочную таинственность. Алексей сильно замёрз, и очень хотелось спрятаться куда-то в тепло.

Перебегая дорогу, он буквально врехался в стоящую у обочины легковую машину. Дверка открылась.

– Молодой человек, присаживайтесь, – через пелену дождя до него донёлся приятный женский голос.

Алексей наклонился. За рулём сидела симпатичная девушка с длинными золотистыми волосами и в короткой юбочке.

– Извините, – он слегка порозовел и пожал плечами, – но у меня нет денег. А потом, я такой мокрый, что мгновенно затоплю вашу чудесную машину. Спасибо, я доберусь на чём-нибудь...

– Настоящий моряк не может отказать, если его просит симпатичная девушка. Ну, прыгайте быстрее! А насчёт денег не волнуйтесь, они мне не нужны. И машина не растает, не сахарная. Хотя... – она весело рассмеялась, – может, я некрасивая? Тогда это в корне меняет дело. Или вам нравится мокнуть? В таком случае вы остаётесь на улице и продолжаете принимать холодный душ, а я буду сидеть в сухой машине.

– Ну что вы такое говорите? – Алексей снова покраснел. – Вы очень даже симпатичная.

– А раз симпатичная, то быстрее прыгайте в машину, а то вода всё равно летит в салон и скоро я стану такой же, как и вы.

Сильно стукнувшись головой о верхнюю часть дверного проёма машины, Лёша сел на первое сиденье, растирая место ушиба.

– Берегите голову. Она вам ещё пригодится.

Вскоре сиденье стало мокрым насквозь, а под ним образовалась огромная лужа воды.

Машина тронулась. Девушка включила обогрев, и скоро в салоне стало тепло.

– Положите удостоверение на приборную доску, пусть просыхает.

– Куда мы едем? – спросил Алексей, видя, что машина едет совершенно в другом направлении.

– Домой.

– У меня как бы и дома нет. Мне на корабль, в Черноморский завод.

– Зато у меня есть. А ваш авианосец из завода уйдёт еще не скоро, поэтому волноваться не следует. Вы с Севера?

– Так точно. Но если я не появлюсь вовремя – меня накажут. И на берег я сойду вместе с белыми мухами.

– Не накажут, обещаю вам.

– Вы добрая волшебница?

– Нет, я просто учусь. А теперь давайте знакомиться. Меня зовут Лена. А вас?

– Алексей. Алексей Корнилов.

– Настоящая морская фамилия! Вы не потомок легендарного адмирала Владимира Алексеевича Корнилова? Между прочим, Корнилов служил и в нашем городе, Николаеве, на строящемся

фрегате «Флора», а затем линейном корабле «Двенадцать Апостолов». Это – значимая фигура российского флота. Я не буду много рассказывать о его судьбе, думаю, вы знаете больше, чем я, но скажу одно: Корнилов организовал оборону Севастополя в 1854 году от англо-французских войск, где особо ярко проявился его талант военного руководителя. Командуя гарнизоном, он показал пример умелой организации активной обороны, за что по праву считается основоположником позиционных методов ведения войны.

Алексей глядел на Елену с затаённой улыбкой. Он поражался такими доскональными знаниями женщины, которых он и сам не знал.

– Адмирал Корнилов, – продолжала она, пристально глядя вперёд и не обращая никакого внимания на Алексея, – погиб в Севастополе на Малаховом кургане в октябре 1854 года во время первой бомбардировки города англо-французскими войсками. Владимир Алексеевич был похоронен в склепе Морского собора святого Владимира рядом со своим учителем – адмиралом Лазаревым. Вскоре место подле них заняли убитые там же адмиралы Нахимов и Истомин. Так вы не потомок Корнилова?

– Отрицать или утверждать не буду. Правда, папа как-то говорил, что наша ветвь идёт якобы от сына Владимира Алексеевича, Алексея Владимировича, который фамилию отца сильно замарал. А что и как – не знаю. Да и правда ли это? К подобному разговору больше никто и никогда не возвращался. А по большому счёту, мы все родственники, даже вы и я.

– Это вы про Адама и Еву?

– Приятно, когда женщина понимает тебя с полуслова. Скажите, а откуда у вас столь обширные знания про Корнилова, оборону Севастополя?.. И ещё вы оперируете такими терминами, которые знают только военные тактики и стратеги.

– За пять минут вы хотите знать обо мне всё. Женщина всегда должна немного недоговаривать, оставаясь загадкой для мужчины. А у вас много было женщин? Кстати, вы женаты?

– На какой вопрос отвечать? – улыбнулся Алексей.

– Желательно на оба.

– Учитывая мой достаточно юный возраст, то не много. И на второй вопрос отвечу кратко – нет. С этой службой разве можно

найти даму сердца на всю жизнь? Если ты хочешь связать свою судьбу с человеком, с которым собираешься прожить целую жизнь, его надо хорошо узнать: характер, привычки, поведение, хороша ли хозяйка... Короче, рассмотреть её душу. Не красота в этом деле важна, а то, какой она будет женой и матерью, тем более женой моряка, которая больше ждёт мужа, чем с ним живёт. У меня перед глазами – образ матери, которая гуляла, как хотела и с кем хотела, когда папа уходил в море. Мне было стыдно, горько и противно. Отец у меня настоящий мужик! Человек слова и чести. И поступать с ним так, как это делала она, я не позволил и рассказал ему об этом. Мне тогда было уже семь лет. А на суде заявил, что с этой женщиной жить не буду, только с отцом, а если оставят – сбегу от неё.

– Какой вы серьёзный человек! И сколько же вам лет?

– Двадцать семь.

– В таком возрасте формируются и характер, и уклад жизни, и манера поведения. Лёша, если такое возможно, то давай перейдём на «ты».

– Я только за.

– Папа женился второй раз?

– Нет. Сказал, что замену матери мне искать не будет. Живёт и служит сейчас в Санкт-Петербурге в штабе Ленинградской военно-морской базы. Между прочим, тоже адмирал.

– А вот мы и приехали.

Алексей сквозь потоки льющейся по стеклу воды пытался что-то разглядеть за окном, но, кроме огромной вывески «Автосервис», ничего не видел.

– Ты здесь живёшь? – удивлённо спросил он.

Лена рассмеялась:

– Я подумала, что в таком виде машину оставлять жалко. Надо, чтоб помыли её и хорошо высушили. А то...

Щёки Алексея снова стали пунцовыми.

– Ёлки, сколько хлопот я тебе принёс!

– Ничего страшного. Это вода. Она имеет свойство испаряться. А здесь ей помогут быстрее это сделать. Машину сдадим и поедем на такси.

– Мне так неудобно... И на корабль надо.

– Дался тебе этот корабль. Обещаю, что тебя никто пальцем не тронет, а ещё и похвалят.
– Верится с трудом.
– Вот увидишь. Если я что-то говорю, значит, так оно и будет. Никогда не вру.

2

Пока Лена занималась сдачей машины, Алексей стоял в стороне и дрожал как осиновый лист. Он замёрз так, что посинели губы и зуб на зуб не попадал.

Увидев это, Елена обомлела.

– Вот дура! – взволнованно сказала она. – Надо было вначале завезти тебя домой, положить в горячую ванну, а уж потом заниматься машиной. Мальчики! – крикнула она внутрь помещения. – Поставьте молодого человека под горячий воздух, а то он у меня, не дай Бог, заболит.

Скоро Алексей согрелся, но вот ног под собой он почти не чувствовал, до того они замёрзли.

Вскоре пришло такси, и они минут за десять доехали до улицы Адмиральской. А дождь лил и лил не переставая.

Открыв дверь на третьем этаже, Лена велела Алексею быстро раздеться, пустила горячую воду в ванной и, налив целый стакан «Зубровки», заставила выпить её, дав закусить жгучую жидкость солёным огурцом.

– А сейчас быстро в ванну, а я дополнительно стану греть воду на плите. И без стеснения! Буду ходить туда-сюда и носить тебе горячую воду. Вперёд! – произнесла она повелительно. – Надо, чтоб ты хорошо распарился.

Алексей блаженно лежал в ванне, наполняющейся горячей водой. Вскоре он почувствовал приятную вибрацию и пощипывание в стопах.

– У тебя сердце не больное? Тебе можно в горячем сидеть? – Лена принесла кастрюлю, из которой валил пар.

– Нет, всё в порядке.

– Это хорошо. Сейчас ещё принесу, грейся, – и она счастливо засмеялась.

– Леночка, если можно, вскипяти мне, пожалуйста, чай. И завари его липой, если она есть, конечно. Бабушка мне всегда так делала.

– Будет исполнено! Только у меня липы нет, есть листочки клубники с малиной, это почти то же самое.

– Я весь в твоей власти! – крикнул, улыбаясь, Алексей.

– Наконец-то мои благие намерения оценены.

– Причём очень высоко!

– Спасибо, добрый человек. Коль прозвучала столь высокая оценка, сейчас принесу папины тапочки и халат.

Алексей сидел долго, пока вода его не скрыла по шею.

– Ты здесь жить собираешься? Милосердие не может продолжаться вечно. Вставай, вытирайся, а то и правда станет плохо. На столе тебя ждёт горячий чай и наше радушие.

3

Вскоре распаренный и раскрасневшийся Алексей вошёл на кухню. Лена сразу налила ему в чашку вкусно пахнущий малиной и клубникой чай.

– Хлебушек я тебе маслом намазала, сыр с колбаской положила. Сахар на столе. Ты оздоравливайся, а я пока позвоню кое-кому.

Она придвинула к себе стационарный телефон и стала крутить диск. Наконец на том конце провода ответили.

– Здравствуйте, Леонид Макарович. Лена Зиминая беспокоит. Вы можете уделить мне две минутки?

– Леночка, здравствуй! – послышался бас в трубке. – Какими судьбами вспомнила о старике? – на том конце рассмеялись.

– Леонид Макарович, не напрашивайтесь на комплимент, лучше ответьте мне, какие у вас отношения с гордостью Николаевского судостроения и флота и его командованием. Я имею в виду авианосец.

– Прекрасные. Позавчера с его командиром и замполитом парились в сауне. А что тебя интересует?

– Леонид Макарович, просьба великая. Пообещайте исполнить.

– Для тебя хоть звезду с неба.

– Мне надо, чтобы вы позвонили командиру на корабль и сказали ему, что старшего лейтенанта Алексея Корнилова, вашего

племянника по линии жены, вы послали дней на пять в совхоз. Оттуда он привезёт КАМАЗ овощей на корабль. Область же может сделать добрый жест и выделить кораблю машину витаминов? Я сообщу, когда офицера посадить в кабину. И ещё пообещайте, что через день-два к ним доставят сто пятьдесят хороших книг. Между прочим, вам приготовлена подписка Джека Лондона и все поступления «Из жизни замечательных людей». Только, Леонид Макарович, Корнилов не смог связаться с кораблём, и вы их уведомляете об этом.

– Вот ты лиса. Диктуй фамилию. Это жених твой?

– Корнилов Алексей.

– Записал. Сейчас свяжусь. Так жених или нет?

– Я его сегодня всего мокрого подобрала в потоке летящей воды на проспекте и сейчас отогреваю в ванной.

В трубке послышался добродушный смех:

– Значит, всё-таки жених. Не забудь на свадьбу позвать.

В трубке послышались гудки.

– Вот и решился твой нерешаемый вопрос.

– А кто этот всемогущий дядя?

– Ты опять торопишься. Сейчас принимаешь таблетку аспирина и ложишься спать. Пока ты спишь, я постираю твою одежду и она к утру высохнет.

Алексей попытался что-то сказать.

– Спорить бесполезно, постель уже разобрана.

– Слушаюсь!

4

Алексей лёг спать, а Елена, бросив в стиральную машинку его рубашку, трусы и платочек, побежала в магазин, что на первом этаже дома, решив покорить гостя своими кулинарными способностями.

Дождь закончился, небо стало проясняться. Выглянуло долгожданное солнышко.

– Ой! А ботинки его, фуражка... Они же мокрые, – вспомнила она.

Лена вымыла его обувь и поставила на лоджии под лучи солнца, направив на них мощный поток воздуха от вентилятора,

фуражку прикрепила двумя прищепками к натянутой верёвке, а удостоверение личности положила на подоконник.

Достав из машинки чистое и почти сухое бельё, она повесила его на спинки стульев, положив стирать брюки и носки. Елена обратила внимание, что это ей делать приятно.

«Славный молодой человек! – думала она, натирая специями курицу, чтобы запечь её в духовке. – Самое главное, что на жизнь смотрит трезво и серьёзно. Будет прекрасный муж и отец. Не красавец, но и не урод... Очень даже симпатичный. По крайней мере – мне нравится. И ведёт себя свободно, поговорить умеет, не замкнут и не выпячивает своё «Я». Интересно, а что он думает обо мне? Конечно, пока я для него загадка. Но не должен же он делать из-за этого вывод, что я плохая. А с другой стороны, я не имела права оставлять его на улице. Это и безрассудно, и не гуманно. Оставить человека под таким дождём?..»

Кухня наполнялась ароматом запечённой курицы. Помыв овощи и сделав салат, она почистила картошку и стала её жарить. На стол поставила бутылку хорошего красного вина, привезённого отцом из Германии.

Вдруг ей почудилось, что Алексей зовёт её. Сбросив передник, она быстро подошла к спальне и тихонечко открыла дверь. Алексей лежал, закутавшись в одеяло. Его лицо было алым, по нему струился пот. Губы высохли и обветрились, изо рта вырывалось свистящее дыхание. Голова была настолько горячеей, что можно обжечь руку.

– Пить! – простонал он.

Лена быстро влетела на кухню и налила полный бокал минеральной воды. Вбежав в спальню и приподняв голову Алексея, стала медленно вливать ему воду в рот, беспрестанно повторяя:

– Миленький мой, да что же такое с тобой случилось?

Дав ещё таблетку аспирина и положив на голову полотенце, смоченное холодной водой, она вызвала «скорую помощь».

5

Врач, мужчина преклонного возраста, приехал быстро, минут через десять. Он прошёл к больному, измерил температуру и долго слушал его, потом что-то писал на листке.

– Сделайте больному литическую смесь, – сказал он медицинской сестре. – Вы кто ему? – спросил он Елену.

– Жена, – соврала Лена.

– У вас есть водка и уксус?

– Конечно.

– Сейчас разведите их один к одному и хорошо оботрите этим составом его тело, особенно паховые области, подмышки, ну и всё остальное. У него температура 40 и 2 десятых градуса.

Лена бросилась на кухню делать то, что сказал доктор.

Растерев молодого человека, она устремила свой взгляд на своего спасителя.

– Сейчас температура должна упасть, но не в ней дело, – произнёс доктор. – Состояние вашего мужа тяжёлое, ему требуется стационарное лечение. У него двухстороннее воспаление лёгких.

– Как?! Ведь только сегодня он попал под дождь.

Доктор развёл руками:

– На всё воля Божья. Так вы едете?

– Куда? – глупо спросила она.

– В больницу, разумеется.

– Он военный.

– Что же вы мне голову морочите? Звоните в госпиталь! Пусть приезжают и забирают.

– Доктор, миленький, – она сунула ему в карман пятьдесят гривен. – Помогите нам, – и Елена зарыдала.

– Хорошо, одевайтесь, мы подождём вас в машине.

– Скажите, а ему можно в халате, а то форма ещё не высохла.

– Можно. Только документы не забудьте.

– Какие?

– Паспорт. Или у них что-то другое вместо него?

– Удостоверение. А больше ничего не надо?

– Нет. И поторопитесь, – врач и сестра вышли.

Лена быстро накинула на себя платье и, бережно одев Алексея, осторожно держа под руку, стала медленно спускать его по лестнице вниз.

6

Госпиталь при поступлении больного сразу ожил, рабочий день ещё не закончился, и все были на месте.

Сделав Алексею рентген, его немедленно положили в реанимацию, поставили капельницу и сделали укол.

– Девушка, сейчас его лучше не тревожить, тем более в реанимацию посторонние не допускаются, – подошёл к Лене заведующий отделением. – Так что ступайте домой и не волнуйтесь. А завтра приходите. Хорошо? – он улыбнулся.

– Хорошо, – сказала Лена, – Только скажите...

– Все ответы на ваши вопросы завтра. Сейчас судить обо всём очень и очень рано.

7

И ничего не изменилось.

Лена вышла на улицу. Куда-то не торопясь шли люди, смеялись влюблённые, неистово горланили птицы, парни пили пиво, одна за другой ехали машины.

– Почему мне так не везёт? Встретила хорошего человека, а он взял и заболел. Ничего, такое с каждым может случиться. Всё будет хорошо. Помогите ему, Господи, – Лена перекрестилась.

Она медленно шла домой пешком, огибая по дороге огромные лужи, в которых купалось бездонное небо, а солнце, отражаясь в них, слепило до слёз глаза.

Вдруг Лена почувствовала, что сильно хочет есть. И от этого ощущения вздрогнула, она ведь не выключила духовку! Остановив машину, через пять минут была возле дома. Бегом поднявшись на свой этаж и впервые пожалев, что дом без лифта, быстро открыла дверь и вбежала на кухню. Нет, всё было выключено. Наверное, она машинально это сделала. В спешке всё и не упомнишь.

Елена равнодушно переделась, опять включила духовку, чтобы курица не испортилась, открыла вино, налила полный бокал и выпила его. Потом разложила гладильную доску и стада гладить форму Алексея. Голова была пуста, мысли в ней отсутствовали.

Закончив работу, она села на диван, положив на колени телефон, и начала крутить диск. Долго шли гудки. Наконец на том конце ответили.

– Марина, это Елена Васильевна. С завтрашнего числа меня оформишь в отпуск.

– Что случилось, Елена Васильевна?

– Об этом потом. Если столичное начальство будет спрашивать, соври им что-нибудь страшное. Вместо меня назначь Перельмана. До свидания, – и она положила трубку.

Нехотя встав, пошла на кухню, выключила духовку и выпила стакан холодной воды. Есть уже не хотелось, да и не было сил.

Не раздеваясь, Елена легла на диван. Несколько раз подолгу звонил телефон, но она его не слышала, а если и слышала, то не хотела брать трубку.

Проворочавшись всю ночь, она задремала только под утро.

8

Лучик солнца ласково прилёг на лицо Лены. Она открыла глаза. Часы показывали без пятнадцати минут десять.

– Пропала! – вскочила она как ошпаренная.

Быстро приведя себя в порядок, Лена выпила стакан кефира и, остановив на улице машину, быстро поехала в госпиталь.

Госпиталь жил своей размеренной жизнью, как живут все лечебные учреждения. Медицинский персонал, дежуривший вчера, сменился и ушёл домой. Перед Еленой предстали новые лица.

Она твёрдой походкой направилась в сторону реанимации.

– Женщина, вы куда? – остановила её постовая медицинская сестра. – У нас посещение больных после шестнадцати часов.

– Извините, у меня вчера муж поступил в реанимацию. Я хочу выяснить его состояние.

– Мы справок никаких не даём. Спрашивайте у докторов.

– Скажите, а где их найти?

– Лично мне они не докладывают о своём местонахождении. Сядьте у ординаторской и ждите. Придут и всё вам скажут.

– Какое вопиющее равнодушие! – Елена развернулась и пошла в сторону ординаторской.

– Гражданочка! Вы выбирайте слова, а то позвоню сейчас на проходную – и вас вышвырнут отсюда! – грозно прокричала ей вслед медсестра.

Лена никак не отреагировала на это хамство. Она быстро пошла к ординаторской, но в ней никого не оказалось. Сев на стул, терпеливо стала ждать. Часы будто застыли на месте. Часа через полтора к ней подошла пожилая женщина с ведром и шваброй.

– Дочка, ты кого ждёшь? – спросила она.

– Врача. А вы кто?

– Санитарка. Сама к нему пришла, или лежит кто?

– Мужа вчера в реанимацию положили. Сестра сказала здесь ждать, врач придёт и всё скажет.

– Так нет этих врачей и не будет сегодня. Начальник в Севастополь уехал, а тот, кто вас принимал, дежурил вчера и сменился, а второй заступил на дежурство. Он сейчас в приёмном покое. Туда иди. А медсестра сегодня суцая змея. Ей бы на живодёрне работать, а она сестрой милосердия числится. А как фамилия мужа? – спросила она.

– Корнилов.

– Плох он, дочка, бредит, в себя не приходит. Его надо либо в Москву, либо в Петербург, в академию ихнюю. Будут предлагать ехать в Севастополь, не соглашайся. Иди, дочка, в приёмный покой. Там всё с доктором и согласишь. Леонид Степанович его зовут. Хороший врач, с понятием. С ним можно порешать любые вопросы. А когда всё решите, можно и к начальнику госпиталя идти. Он принимает ответственные решения.

И только сейчас, обняв санитарочку, Елена зарыдала в голос, осознав всю полноту трагедии.

– Поплачь, моя хорошая, поплачь. Со слезой боль из души уходит. Пойдём, я тебя провожу.

9

Елена постучала в дверь дежурного врача и вошла. За столом сидел приятный мужчина в белом халате, сорока с небольшим лет, и что-то писал, а напротив, на кушетке, лежал голый по пояс матрос.

– Вы ко мне? – поднял голову доктор. – Подождите одну минуточку в коридоре. Сейчас отправлю матроса в отделение и займусь вами.

Лена вышла. Глаза блуждали по наглядной агитации, развешенной по стенам, напоминающей о мытье рук перед едой, что

надо беречься от случайных половых связей и о бдительности: враг не спит...

– Людмила Александровна, – послышалось за дверью, – отведите больного в лор-отделение. Заходите! – крикнул он.

Елена снова вошла.

– Присаживайтесь, – показал врач на стул. – Слушаю вас. И давайте договоримся сразу: слёзы в глазах высушить. Как вас зовут?

– Лена.

– А отчество у вас есть?

– Просто Лена. Давайте без сентиментальностей.

– В таком случае, Леночка, я готов вас выслушать.

– Я жена Корнилова.

Лицо доктора сразу приобрело серый оттенок и мгновенно сделалось старым.

– Пойдёмте, выйдем на улицу. Я покурю, а вы... воздухом подышите. Может, вы тоже курите? – спросил Леонид Степанович.

– Нет.

– Это правильно!

Он открыл флакон и намочил из него ватку. В кабинете сразу запахло нашатырным спиртом.

– Держите, – доктор протянул ей ватку.

– Зачем?

– Нюхать периодически будете. Вдруг вы у меня захотите в обморок упасть... – он натянуто улыбнулся. – Тогда мне придётся делать дыхание «рот в рот». А такое может понравиться и пациенту, и доктору. Но шутки в сторону.

Они вышли на улицу, сели на скамейку за приёмным отделением. Леонид Степанович закурил, глубоко вдохнул горьковатый дым и тяжело выдохнул.

– А теперь о вашем муже. У него двухсторонняя молниеносная, абсцедирующая, тотальная пневмония тяжёлой степени, осложнённая гнойным плевритом. Коматозное состояние. Вы понимаете, о чём я говорю?

Лена кивнула головой. Она сделалась бледной, слёзы ручьём потекли из глаз.

– Ваточку к носу поднесите и подышите. Хорошо дышите. Короче, состояние его очень тяжёлое.

– И что теперь делать, доктор?

– Его немедленно надо отправить в специализированное отделение – либо в Центральный военно-морской клинический госпиталь в Купавну, что под Москвой, либо в Военно-медицинскую академию в Санкт-Петербург. Этот больной не нашего уровня. Правда, сейчас решается вопрос о его транспортировке в Севастополь, в 1472-й Военно-морской клинический госпиталь Черноморского флота. Но это...

– У него отец в Питере, в штабе служит. Адмирал! Давайте его туда.

– Извините, но я такие вопросы не решаю. На это есть начальник госпиталя. Но всё надо делать не то что быстро, а стремительно. Только время в этом случае ваш союзник.

Лицо Елены сделалось каменным.

– Готовьте больного, мы летим в Питер. Сейчас я решу этот вопрос. С вашего телефона можно позвонить?

– Пожалуйста, без вопросов.

Лена решительно села к столу и набрала номер. На удивление ответили сразу.

– Здравствуйте, Леонид Макарович, Лена опять вас беспокоит.

– Ленуся, привет. Докладываю: своего племянника в совхоз я отправил, – он залиvisto рассмеялся. – Жду дальнейших распоряжений!

– Беда, Леонид Макарович.

– Что случилось?

– Этот парень попал в госпиталь с тяжелейшим воспалением лёгких. Он умирает. Помогите переправить его в Петербург. На коленях прошу, Леонид Макарович. Спасите! Только вы это можете сделать. Там отец его, адмирал, в штабе служит.

– Ну и задачи ты мне задаёшь, день ото дня всё сложнее и сложнее. Скоро с тобой я всем Военно-морским флотом буду командовать. Жди, только телефон мне продиктуй, где ты, я свяжусь с нашей знаменитостью, генералом Сикваровым, и позвоню тебе. В панику не впадай, сейчас что-нибудь придумаем. Данные твоего возлюбленного у меня есть. Потом продиктуешь всё о его отце. Мы обязаны найти его и оповестить.

В трубке слышались короткие гудки.

– Леонид Степанович, а в Истории болезни данные о его отце есть?

– Должны быть. А вы что, не знаете ничего о своём тесте?

– Знаю, – покраснела Елена, – но немного. Мы позавчера расписались, а через месяц собирались поехать в северную столицу.

– Поздравляю, – доктор набрал номер. – Елена Максимовна, посмотрите, есть ли в Истории болезни Корнилова данные о родственниках? Хорошо, жду. Записываю. Спасибо. Как он? А температура? В себя не приходил? Ясно. Всё, приготовьте его к транспортировке. Сумку укомплектуйте, кислород... Наверное, мы с вами будем сопровождать его. По всей видимости, в академию, в Петербург. Не ахайте, а занимайтесь делом. Вернёмся назад самолётом. Всё!

– Как Лёша? – встревоженно спросила Елена.

– Пока без изменений. Вы побудьте в коридоре. Как только вам позвонят, я непременно позову. Вот данные о его отце, но здесь только домашний адрес и телефон.

– Спасибо, – Лена встала.

Не успела она дойти до двери, как раздался звонок.

– Вас, – протянул трубку доктор.

– Лена, через полтора часа с военного аэродрома «Кульбакино» летит транспортный самолёт на Вологду. Он заберёт вас с собой в Питер. Чтобы не было проволочек, я позвонил начальнику госпиталя. Удачи вам и всего доброго. Не забудь меня информировать.

– Спасибо, Леонид Макарович. Дай вам Бог всего хорошего за вашу доброту и внимание.

– Диктуй данные отца.

Елена скрупулёзно прочитала всё с листа.

10

Почти через пять часов они были на военном аэродроме под Петербургом. Полёт прошёл благополучно.

Лена всё это время сидела возле Алексея, держа его за руку, а медики продолжали свою работу.

К трапу подъехали реанимобиль и чёрная «Волга», из которой вылез представительный мужчина. Его сходство с Алексеем было очевидным.

Врачи, а за ними и санитары с носилками поднялись по трапу в самолёт. Вскоре Алексея стали перегружать в спецмашину. Отец подошёл к сыну, наклонился и поцеловал его. Плечи его задрожали.

– Здравствуйте, Алексей Владимирович, я Лена, – она немного задумалась, – невеста Лёши.

Её бледные щёки слегка порозовели.

– Здравствуй, дочка. Спасибо тебе за заботу и участие в судьбе Алёшеньки. Не спорь, мне уже всё доложили. Только почему-то сказали, что ты его жена. Видно, перепутали.

Елена снова покраснела.

– Я просто всем так представилась, Михаил Владимирович. Иначе с поездкой сюда были бы большие проблемы.

– Ещё раз спасибо тебе большое, – он вытер глаза, притянул её к себе за плечи и трижды поцеловал. – Садись в мою машину. А с Лёшей поедут только врачи.

Лена подбежала к трапу самолёта, на котором стояли Леонид Степанович и Елена Максимовна.

– Спасибо вам за всё большое! Храни вас Господь! – поклонилась она. – Именно на доброте и милосердии держится земля! До свидания.

– И у вас пусть всё будет хорошо. Поправляйтесь, – замахали они руками.

Лётчик закрыл дверь, и самолёт, взревев турбинами, начал выруливать на взлётную полосу.

11

Алексея и Лену разместили в отдельной палате и даже на время организовали там круглосуточный пост медицинской сестры.

Первоначальное лечение дало заметный результат. Алексей оживал на глазах. Температура упала. Несмотря на то, что в боках стояли дренажи, он стал вставать, самостоятельно ходил в туалет, появился аппетит... Они с Леной без умолку болтали обо всём на свете. Она читала ему вслух книги, вместе смотрели телевизор. Но телевизор – враг общения и взаимопонимания, поэтому он сразу отошёл на второй план. За всё это время, а были они здесь уже две с половиной недели, Лена ни разу не выходила на улицу.

Дни становились всё короче, за окном было серо, хмуро и темно, шёл затяжной и нудный дождик. Наступала промозглая осенняя пора. В палате постоянно горел свет.

– Ленуся, хочу тебе сказать, что я не люблю дождь. Он всегда приносит мне какие-то несчастья. В детстве во время дождя я неудачно поскользнулся и упал. Результат – сложный перелом левого плеча. После восьмого класса тоже упал во время дождя. Сотрясение головного мозга. Учась на третьем курсе в училище, из-за того же дождя опоздал на экзамен, и как результат – пересдача. Хорошо хоть, что не исключили. А это – последствие николаевско-го ливня, – и он развёл руками. – И когда умерла моя бабушка...

– Хватит, что за пессимизм! – строго произнесла Елена. – А ну, выше голову, товарищ старший лейтенант! Никогда ничего нельзя пророчить себе, да и другим тоже. Я читала в книжке, что, проснувшись, надо написать число и то, что ты сегодня здоров, а завтра будешь здоровее, чем был сегодня. С завтрашнего дня начнём это делать. Ишь, осень ему не нравится! У природы нет плохой погоды... Выше голову, сударь! Что нам сказал доктор? Не на улицу смотреть, а шарик надувать, лёгкие разрабатывать. Вперёд! – и она зашторила окно.

– Подожди. Я тебе кое-что расскажу.

– Опять про дождь, как вши про баню? – насупилась Елена.

– Не сердись, не про дождь. Я же не рассказывал тебе, что после папиного развода жил долгое время с бабушкой в посёлке Беково Пензенской области. Там остался дом. Мой, между прочим, дом! Правда, он уже обветшал, но всё равно в нём пахнет детством. Там даже живут мои родственники, тётя Люда Трофимина, она местный стоматолог. Удивительной красоты и такта женщина. Ты, между прочим, на неё чем-то похожа. А в соседнем районе, в Колышлее, живёт другая моя тётя, тётя Рита. Она тоже врач, только детский. Очень умный и сильный педиатр. За её плечами тысячи спасённых детских жизней. Мы обязательно с тобой туда поедем. Там дивные места... Река Хопёр!.. Воздух... А трели соловья... А лес... Правда, комаров тоже много. Они размером почти с воробья, – засмеялся он. – А на минуту представь себе, как осенью лес на взгорье окрашивается во все на свете цвета! Красота – просто

неописуемая! И вообще, Пензенский край богат на таланты. Но это я расскажу тебе потом. А сейчас начинаем надувать шарик. Надо папе сказать, чтобы купил со свистком. Надул – воздух выходит, а он свистит.

– Ты работай, а я немного хозяйством займусь. Надо кое-что простирнуть, посуду помыть и так, по мелочам.

И всё вроде бы шло хорошо, но к вечеру у Алексея снова поднялась температура, опять стала собираться гнойная жидкость в плевральных полостях, в лёгких появились новые абсцессы.

Казалось, что весь медперсонал буквально выворачивается наизнанку, делает всё возможное и невозможное, а положительного результата мало. Алексей сильно похудел, лицо его заострилось, заросло густой рыжеватой щетиной и приобрело землистый оттенок. По утрам и вечерам его мучили приступы кашля. Но все отмечали, что его дыхание становится свободным и ровным, одышка стала значительно меньше.

Лена круглые сутки крутилась как волчок. В её многочисленные задачи входило: помыть и покормить больного, если требует состояние – подложить «утку», постоянно взбивать подушку, расправлять простынь, по утрам и вечерам делать лёгкий вибрационный массаж спины, следить, чтобы не было пролежней... При её постоянной и хронической усталости она всегда была весела и жизнерадостна, что давалось ей уже с большим трудом.

Отец приезжал каждый вечер, привозил с собой фрукты, соки, воду и ещё что-то вкусненькое. Он долго сидел, склонившись над сыном, беседуя с ним о жизни, флоте, общих знакомых. Лена им не мешала, она в это время выходила в коридор и ходила по нему взад и вперёд, разминая уставшие ноги. Михаил Владимирович относился к Лене очень доверительно и уважительно, всегда называя её «дочкой».

После посещения он вставал, трепал сына по голове, корил за небрежный внешний вид, предупреждал, что Лена разлюбит его, и непременно говорил: «Крепись, казак! До завтра». Повернувшись к Елене, приглашал проводить его: «Доченька, проводи меня. Пусть кавалер немного поскучает и поревнует. Это ему только на пользу пойдёт».

Уже за дверью Лена подробно рассказывала ему о состоянии Алексея и его лечении. Было видно, как он светлел от хороших новостей и тускнел от горьких.

Прощаясь, он в обязательном порядке лез в свой неизменный портфель и доставал оттуда либо интересную книгу, либо золотое колечко или серьги, либо ещё что-то дорогое и красивое.

Поначалу Лена отнекивалась, но Михаил Владимирович был настойчив и даже обижался, сетуя на то, что купил вещь, пришедшую ей не по вкусу.

12

Время тянулось очень медленно. Казалось, что день растянут на неделю.

В это утро Лена проснулась как никогда поздно. Часы на тумбочке показывали двадцать минут десятого.

– Боже, проспала! – Елена вскочила с постели. – Как ты, мой ненаглядный? – взглянула она на Алексея и не узнала его.

Он сидел на кровати гладко выбритый, причёсанный и улыбался. На его щеках проступал румянец, которого не было со дня его заболевания.

– Спи, спи, я уже позавтракал.

– Как я рада видеть тебя в таком состоянии. Как ты себя чувствуешь?

– Замечательно! Абсолютно ничего не беспокоит. Готов к выполнению новых заданий Родины.

– Ишь, как расхрабрился, – улыбнулась Елена и тут же заплакала. – Как же я ждала, милый, этой минуты и проспала её, – улыбнулась она сквозь слёзы. – Обход уже был?

– Рано ещё. Врач, правда, заходил... А обход после десяти. Перестань, пожалуйста, упрекать себя, и не надо плакать. Всё хорошо. Твой чай уже остыл, а манная каша превратилась в железную массу. И только яйцо сохранилось в скорлупе, – засмеялся он. – Ты умывайся, а я тебе буду задавать вопросы. При положительном ответе ты киваешь головой и говоришь «угу», а при отрицательном – только мотаешь головой. Договорились?

– Угу.

– Скажи мне, пожалуйста, если бы спустя какое-то время я предложил тебе руку и сердце, ты согласилась бы выйти за меня замуж?

– Угу!!! – закивала она головой, ибо её рот был полон пасты.

– Спасибо, Леночка! Я тебя люблю!

Она быстро прополоскала рот и, встав перед ним на колени, поцеловала руки, сказав тихо:

– И я тебя очень люблю, родной мой, желанный! – и она положила голову на его колени.

– Встань немедленно! Сейчас кто-нибудь войдёт.

– Ну и пусть входит. Мне стесняться нечего.

В это время открылась дверь и вошла медсестра.

– Больной, готовим попу. А вы почему на коленях стоите, потеряли что-нибудь?

– В любви признаюсь.

– У современного мужчины скоро отомрут все чувства. Надо же, теперь женщины перед ними встают на колени...

– Это я признаюсь, а она отвечает.

– Коль так, уже хорошо. Ватку прижмите, кровь немного пошла. Бывайте здоровы.

– Спасибо, – дуэтом ответили Лена и Алексей.

– Леночка, милая, у меня к тебе просьба великая.

– Слушаю и повинуюсь, – улыбнулась она.

– Вначале скажи: у тебя деньги есть?

– Конечно. Папа дал. Десять тысяч. Но если быть честной, полторы я израсходовала на туалетную бумагу, газеты, журналы и покупала ещё какое-то лекарство...

– Не переживай по пустякам. Этого тебе вполне хватит съездить в Москву и вернуться обратно. Умоляю, поезжай сейчас на Невский проспект, а там найди любое кафе, их много. Именно там и продаётся самое вкусное мороженое на свете! Купишь его и привезёшь сюда. А мы его здесь... – и он с наслаждением потёр руками.

– Хвастун!

– Попробуешь и согласишься со мной. Возьми побольше. Так сильно хочу его, просто сил нет терпеть! Только попроси в столовой для этого кастрюлю. Мы мороженым отпразднуем сегодня нашу помолвку.

– Хорошо, любовь моя, я мигом. А кастрюльку я куплю в магазине. Уж в этом городе, наверное, всё есть.

Лена стала переодеваться. Потом вдруг остановилась.

– Ты чего?

– А обход? Я должна на нём присутствовать! Вдруг скажут что-то важное, а я это не услышу.

– Езжай. Я услышу и всё тебе расскажу. И что нового в этом обходе? Посмотрят все с умным видом и уйдут. Тем более, мне стало значительно лучше. Хочется жить, творить и наслаждаться!..

– Творец ты мой любимый! – Лена наклонилась и сладко поцеловала его в губы. – Уговорил, еду, – и, помахав рукой, она вышла, а Алексей счастливо улыбался.

Через некоторое время распахнулась дверь и вбежала Елена.

– Ты чего? Забыла что-то?

– Зонт надо взять. Небо хмурится.

– Это точно. В это время года без него здесь никто не ходит.

– Лёша, подумай, может, я во время тихого часа съезжу?

– Тогда у меня может пропасть желание.

– Всё, меня нет. Поеду на такси. Города не знаю, и чтобы не заблудиться и не плутать...

– Удачи. С нетерпением жду.

– Будь умницей! – и дверь за ней закрылась.

13

– Девушка, – посмотрел на неё пожилой таксист, – я вижу, вы не местная. И, скорее всего, здесь впервые. Давайте я немного вам покажу наш город.

– Вы совершенно правы. Я бы с удовольствием. Но у меня муж лежит в академии, тяжело болеет и попросил съездить на Невский проспект и купить мороженое. Знаете, где это?

– Дочка, я здесь всё знаю. Тридцать лет за рулём. И всё-таки за полчаса я тебе кое-что покажу. Потом купим самое вкусное мороженое, и я верну тебя назад.

Лена широко раскрытыми глазами смотрела на красоты северной Пальмиры. Её завораживало буквально всё: и архитектура домов, и широкие проспекты, и причудливый рисунок ограды мостов, и многочисленные памятники, и огромная Нева...

«Ну, не такая уж она и широкая, – как патриотка Николаева подумала она. – Наш Южный Буг шире будет».

Пошёл дождь.

– С погодой у нас плоховато. Осенью эта вода целыми днями льёт с небес. Ну ничего, что-нибудь да увидишь. Муж вылечится, потом с ним детально всё посмотрите. Я поеду не спеша и буду тебе всё рассказывать. Сейчас мы едем к Неве. Впереди, справа, гостиница «Ленинград», а на той стороне стоит легендарная «Аврора». Рядом с ней находится Нахимовское училище, видишь здание цвета морской волны? Сейчас мы поедем через мост Свободы на Петроградскую сторону. Впереди будет Петропавловская крепость. Слышала про такую? Ты откуда приехала?

– Из Николаева.

– «Кругом родные всё места...», – улыбнулся он и закурил, вспоминая свою далёкую юность. – В Николаеве я полгода проходил учёбу в учебном отряде у Варваровского моста. После неё служил в Севастополе на эскадренном миноносце «Благородный» в спецсвязи. Боевой корабль был. У стенки не любил стоять, море ему подавай. Сейчас едем по Кировскому мосту, за ним будет памятник Суворову. Да-а-а... Николаев, значит... Сколько тогда было моряков...

– Мой муж тоже там служит на строящемся авианосце.

– Эко!.. В наши годы такого не было. Дочка, ты по сторонам смотри, а не на меня, во мне уже ничего интересного не осталось. Вот раньше... Слева Летний сад, справа Марсово поле, дальше будет памятник Петру I.

– Медный всадник?

– Нет, тот немного в другом месте. А этот поставил прадеду Павел. Как тебя величать?

– Лена.

– А я Виктор Павлович. Давай, Леночка, договоримся так. Муж выпишется, вы мне позвоните, я номер телефона дам, и покатаю вас по всем историческим местам. Договорились?

– Спасибо большое. Договорились.

– А вот и Невский проспект. Через пару домов будет кафе, которое вы ищете.

– Виктор Павлович, – смутилась Лена, – я еще кастрюльку должна купить, куда мороженое складывать.

– Разве это проблема в нашем городе? И кастрюлю купим, и ведро, если потребуется.

14

Исполнив, наконец, заказ любимого, Елена снова села в машину, и они по Литейному проспекту быстро поехали в клинику. Время на это заняло не более десяти минут.

А дождь всё усиливался. Лена даже умудрилась промочить туфли.

Скинув в вестибюле плащ и стряхнув его, она быстрым шагом, по стеночке, чтобы никому не мешать, хотя коридор был на удивление пуст, пошла к палате.

– А вот и я с твоим любимым мороженым! – радостно произнесла она, входя в палату.

Но в ней никого не было. Скомканная постель Алексея валялась на полу, а на простыне и подушке виднелись большие пятна крови. Из её дрожащих рук с грохотом выпала кастрюля, и мороженое рассыпалось по полу. Но этого она не заметила.

Лена в ужасе зажала себе рот, её глаза наполнились слезами. Она стояла в дверях как вкопанная, боясь сделать шаг. Вдруг ноги перестали слушаться, и она по стенке сползла на пол.

– Почему всё так? И где Лёша? – прошептала она задыхаясь. – И что здесь произошло, наконец? Кто мне скажет?

Сзади послышался скрип открывающейся двери. Лена повернула голову. Вошла санитарка с ведром и шваброй.

– Где Лёша? – дрожащим голосом спросила девушка.

– Ты сядь, дочка, на свою кровать. Негоже на холодном полу сидеть. Давай я тебе помогу, – санитарка аккуратно взяла её за руку и помогла приподняться. – Пойдём, моя хорошая, потихонечку.

Она посадила её на кровать.

– На, попей водички, – женщина подала ей стакан, Лена с жадностью выпила. – А теперь приляг на подушечку. Давай я тебе туфельки сниму. Ба, да у тебя ноги мокрые. Снимай колготки, а я одеялом накрою, чтоб не простыла.

Лена слова слышала, но они до неё не доходили, она не понимала их значения, и что с ней делают, тоже не понимала.

– А где Лёша? – наконец прошептала она.

– Ушёл Лёша, нет его.

– Как ушёл, куда ушёл? Почему меня не дождал? Мы же всегда вместе.

– Так Бог распорядился.

– А обход был?

– Был, дочка, был. И обход, и всё остальное...

– И что сказали? Мне обязательно нужно знать. Может, лекарства какие необходимы?

– Закрой, милая, глазки, может, поспишь, а я посижу возле тебя, сон твой поохраняю. Тебе силы нужны. Ой как нужны! Ты сейчас как в забытьё, не понимаешь ничего, а сердце чувствует... Может, это и к лучшему.

Санитарочка гладила её по голове, а Лене и правда сильно захотелось спать. Она закрыла глаза и мгновенно провалилась в бездну. Но через секунду опять была на ногах.

– Где Лёша?! – закричала она, и глаза её округлились. – Вы мне можете сказать? И почему в палате такой бардак? Откуда взялась кровь на постельном белье?

– Посиди, милая, я сейчас доктора позову. Он тебе всё и расскажет. А я человек маленький, – она скатала матрас Алексея вместе с подушкой и бельём и не спеша направилась к выходу.

– Куда вы это уносите? На чём он спать будет?

– Не волнуйся. Я всё поменяю и принесу.

Лена не знала, что ей делать. Наконец она подошла к окну, отодвинула шторы и стала смотреть на улицу. Было видно, как непрерывающийся дождь срывал листочки с деревьев в парке.

Вот и осень. Время хоть и медленно тянется, а всё идёт своим чередом. Плохо, что дождь постоянно идёт...

– Здравствуйте, Елена Васильевна, – вошёл врач. – Пойдёмте в ординаторскую, там спокойнее.

– Мне переодеться в больничное или в платье можно?..

– Можно и в платье, – вздохнул доктор.

Лена ничего не понимала, и ей казалось, что всё происходящее она видит со стороны.

В ординаторской у окна сидел сгорбленный старичок с красными глазами, в морской форме и адмиральских погонах.

– Здравствуйте, Михаил Владимирович. Вы сегодня пришли так рано. А Лёша...

– Иди сюда, дочка, садись рядом. И вовсе не рано я пришёл, а слишком поздно, – и он, притянув Лену к себе, беззвучно заплакал.

Было странно видеть такого солидного человека рыдающим.

– Я ничего не понимаю, – Елена всех удивлённо осмотрела. – Что происходит? Мне кто-то может ответить?

– Ваш муж, Елена Васильевна, умер, – грустно произнёс доктор.

– Извините, не поняла. Как умер? О чём вы говорите? Он утром так хорошо выглядел, побрился, даже румянец на щеках выступил... Улыбался, смеялся и буквально силой меня заставил поехать на Невский за мороженым. Я отсутствовала около часа, – она залилась слезами. – И всё этот проклятый дождь!..

– Не корите себя, вы ни в чём не виноваты. Обход заканчивался, когда из его рта хлынул поток крови. Скорее всего, лопнул мощный лёгочной сосуд. Дождёмся вскрытия и узнаем причину смерти. Буквально в одно мгновение его не стало. Мы были бессильны что-либо сделать.

– Этого не может быть! Этого не может быть! – истерически кричала Лена. – Как же я теперь буду без него? Где он?! Я хочу его видеть!

– Леночка, дочка, успокойся. Теперь слезами горю не поможешь. Нам предлагали делать операцию, мы тебе об этом не говорили, решили подождать. Тем более хирурги гарантии тоже никакой не давали, слишком сильно у него были поражены лёгкие. А не говорили, чтобы не расстраивать.

– Где он? – опять заголосила Елена, разрывая на себе ворот платья. – Пустите меня к Алексею!

В ординаторскую со шприцем в руках вошла медицинская сестра.

– Лена, подними подол, я укольчик сделаю – и тебе легче станет.

– Не надо мне ничего делать!

– Доченька, докторов надо слушаться, сделай, что они говорят, успокойся немного – и поедem домой. Теперь нас ждут другие дела и проблемы. А Лёша в морге. Туда никого не пускают.

– В палате вещи, – всхлипнула Лена.

– Все вещи в машине. А туда мы уже не пойдём.

Адмирал встал. Поднялся и врач.

– Извините нас, товарищ адмирал.

Михаил Владимирович горестно похлопал доктора по плечу.

– Все мы смертны, – тяжело произнёс он, выходя вместе с Леной.

16

После похорон и поминок Михаил Владимирович и Лена пришли домой. Оба долго молчали, не зная, что делать и что друг другу сказать. Наконец хозяин достал из бара коньяк и поставил его на стол.

– Леночка, открой холодильник, – сказал он, – возьми всё что нужно и приготовь закуску. – Помянём нашего дорогого и любимого Алёшеньку.

Лена машинально что-то резала, вскрывала банки, ставила рюмки и фужеры под сок...

Вскоре стол был сервирован.

– Дочка, порежь яблоки дольками, а я мандаринки почищу и шоколад принесу.

Они сели за стол. Говорить не хотелось. Адмирал разлил коньяк, поднял рюмку, помолчал и выпил. Выпила и Елена.

– Закусывай, доченька, пьяным быть нельзя. Поминки не повод для пьянки.

Они посидели немного и снова выпили.

– Леночка, я сейчас буду говорить, а ты слушай меня и не перебивай. И всё сделай так, как я прошу. Алёшенька одобрил бы меня за такие действия, – глаза его увлажнились. Он бросил взгляд в окно. – Посмотри, дождь закончился, солнышко выглянуло, и его лучик упал на наш стол. Это Лёша нам свой свет с небес посылает, значит, я всё правильно делаю. Так что я хотел сказать. Живу я,

как ты видишь, один-одинёшенек в шикарной трёхкомнатной квартире, в тридцати минутах езды до центра, – он нервно закурил. Было видно, как дрожат его руки. – Скоро и мне надо к Алексею собираться.

Лена попыталась что-то возразить.

– Я прошу тебя выслушать, а уже потом высказывать свои мысли. Так вот. Я написал завещание, – Михаил Владимирович положил на стол кожаную папку и твёрдо придавил её своей волевой рукой, – в котором эту квартиру, машину, дачу, денежные сбережения и всё прочее своё имущество завещаю тебе. Не отдавать же всё это государству. Альтруизм у нас не в цене. Я предполагаю, что ты мне ответишь. Но жить в Питере и Николаеве – две большие разницы. В нём по служебным обязанностям я бывал несколько раз. Прекрасный город, город-труженик, со своими прелестями и обычаями. И тем не менее... Ты там большая начальница. Поверь, пока я всесилен, ты тут тоже не будешь кассиром или водителем трамвая работать, хотя эти профессии нужны и почётны, а люди, работающие на них, достойны всяческого уважения. Давай сделаем здесь филиал твоей фирмы. Такое же возможно? Я думаю, родители твои, вернувшись из-за границы, одобряют такое решение. И Алексей рядом...

Лена опять что-то пыталась сказать.

– Подожди, я не договорил. Я несколько не буду стеснять тебя в чём-то и не прошу оставаться старой девой. Ты молода и красива. И ещё встретишь и полюбишь прекрасного человека, к которому я тоже буду относиться, как к родному. Ты родишь мне внука и внучку, – он впервые засмеялся. – Должен же я, в конце концов, чем-то заниматься на пенсии. Ну, – он снова наполнил рюмки, – земля пухом нашему Алёшеньке, но жизнь не остановить. Мы будем хранить память о нём в наших сердцах. Так как моё предложение? В любом случае завещание переписываться не будет! Хочу сейчас выпить за твоё правильное решение. Я уверен, что Лёша всё, что я сейчас предложил, одобрил бы без обсуждения.

Михаил Владимирович, чокнувшись с Леной, выпил и с аппетитом начал жевать бутерброд с колбасой.

– А теперь говори ты.

– Ваши предложения, Михаил Владимирович, настолько неожиданны, что взять и сказать что-либо – просто невозможно. Я благодарна вам за всё, и за это тоже, но поймите меня правильно: взвизгнуть от радости и прыгнуть на вашу грудь – значит показать себя душой. У меня бизнес...

– Хорошо. Тогда ответь мне на такой вопрос. Если бы всё сложилось хорошо, ты бы вышла замуж за Алексея?

– Да, конечно.

– Если так, то Лёша через год обязательно поступил бы в академию и остался здесь служить. Это я говорю вполне официально. В этом случае где бы ты жила? Там или здесь? Или разошлись бы как в море корабли?

– Ну что вы такое говорите? Здесь, конечно.

– А бизнес свой куда бы дела?

Елена пожала плечами:

– Скорее всего, продала бы.

– А я тебе предлагаю лучший вариант: создать здесь филиал, дочернее предприятие или... – он задумался. – Короче, что-то эдакое. Не знаю я теперь ваших замысловатых слов. Может, с мамой сейчас поговоришь или с папой?

– Нет, не надо. Они будут на вашей стороне. Поймите и вы меня, Михаил Владимирович, пожалуйста. Наш мир состоит из одних завистников. В людях доброта стала рудиментом. И тут появляюсь ниоткуда я, вся такая красивая, умная, независимая...

– А у вас там все друг другу ручки целуют?

– Не целуют... Но всё равно... Воздух родины...

– Люди везде одинаковы. В них Бог заложил при рождении звериную сущность. Оттого и зависть, и ненависть, и коррупция, и, если хочешь, войны. Копейку нищему никто не подаст, зато на удовольствия тратят тысячи долларов. Но если вдруг у кого-то проснулась «совесть» и он помог приюту, школе или детскому дому, об этом кричат со всех сторон средства массовой информации. Благодетеля показывают во всех ракурсах! Но давайте разберёмся: от доброты и милосердия ли это? Отнюдь! Все эти «дорогие» подарки делаются не от бескорыстия, это продуманный расчёт. Просто с прибыли он не платит налоги государству. А все эти

подношения покупаются за границей за копейки, а у нас цена этих товаров возрастает в десятки раз. Миллионерами за год становятся! – Михаил Владимирович нервно закурил, глубоко затянулся. – Где это видано?! – он уже почти кричал. – У нас побеждает тот, у кого не ум и знания, а кулаки с голову пионера, у кого денег куча, у кого клыки острее! Зачем я тебе рассказываю прописные истины, ты это и сама всё знаешь. И в нашей системе то же самое, – он немного помолчал. – Извини, дочка, я немного начал ораторствовать. Власть обязывает, – грустно улыбнулся он.

– Я с вами согласна на все сто процентов и сказать против ничего не могу. Всё так, как вы говорите.

– А коль так, план на завтра: подписываю у нотариуса завещание, делаю тебе новый паспорт, старый дашь мне, и прописываю тебя здесь. На неделе я подошлю к тебе хорошего юриста, обговорите с ним детали создания здесь твоего филиала.

– Я же...

– Это моя забота. Тебе требуется лишь сфотографироваться. Ты когда в Николаев собираешься?

– Сорок дней Алексею справим...

– Очень хорошо! А обратно?

– Через месяц-полтора, не раньше. Такие дела за пять минут не решаются.

– Понимаю. Но постарайся побыстрее... – он вытер накатившуюся слезу. – Муторно мне без тебя здесь будет, – и он снова закурил.

17

Решение всех вопросов на месте у Лены заняло почти три месяца. Вопрос создания дочернего предприятия был принят положительно на всех уровнях. О своих текущих делах она каждый вечер докладывала Михаилу Владимировичу, получая порой от него ценные предложения по решению тех или иных проблем.

Жил он скучно и однообразно, готовился через семь месяцев демобилизоваться по выслуге лет. Жаловался, что стало беспокоить сердце. Как-то поделился с Еленой: «Об одном прошу Бога, чтобы забрал меня к себе в одночасье. Быть обузой для других,

нести страдания, проклятья и желание скорейшей твоей смерти – не лучшая перспектива старости». Лена ответила, что этими словами он хочет обидеть её, и если она ещё раз услышит подобное, то приедет и не будет с ним разговаривать. Он посмеялся и извинился за старческое брюзжание.

Наступал день отъезда. Был уже взят билет. Она позвонила Леониду Макаровичу.

– Леонид Макарович, здравствуйте. Зимина. Уезжаю я. Вы мне не уделите вечером час? Вы так много сделали для меня... Хочу пригласить вас на прощальный ужин.

– С удовольствием, хотя, если честно, жалко с тобой расставаться. Ты всегда мне доставляла много хлопот. Кто теперь это будет делать? Народу много будет?

– Почти никого, вы и я.

– А где?

– Здесь уже выбор за вами.

– Тогда приходи ко мне в девятнадцать часов. Здесь и решим, что нам делать дальше.

18

Через четыре дня самолёт, на котором летела Лена, приземлился в Санкт-Петербурге, в аэропорту «Пулков». Офицеры авианосца подарили ей в память об Алексее огромный макет авианосца, на котором он проходил службу, а ещё флаг и гюйс этого корабля.

Михаил Владимирович с огромнейшим букетом роз в одной руке и шерстяной громадной шалью в другой встречал Лену. Он был одет в тёмный костюм и дублёнку.

– Ну наконец-то! – прокричал он басом на весь зал, растопырив руки. – Я никогда никого так не ждал, как тебя!

Елена радостно улыбалась. Она со всех ног бросилась на грудь Михаила Владимировича и расцеловала его. Он растрогался до слёз.

– Прости, дочка, совсем сентиментальный стал, чуть что – и в слёзы. Видно, в старика превращаюсь.

– Михаил Владимирович, что вы на себя наговариваете. Вы ещё как исполин, во всех смыслах этого слова.

– Исполин так исполин. Набрость вот эту шаль, сегодня её для тебя специально купил. Вчера у нас дождина лил как из ведра, а сегодня минус девять. А это розы. Тоже тебе, – протянул он Лене букет. – Я сегодня у командующего выходной попросил. Сейчас получим вещи – и домой. Я индейку в духовке запёк. Потом приготовил ещё один сюрприз. Думаю, что он тебе понравится.

– Спасибо большое.

Они прошли в зал для получения багажа.

– А вот мой чемодан и коробка.

– Какая тяжёлая! Что в ней?

– Офицеры корабля, в память о Лёше, подарили макет авианосца, гюйс и флаг.

– Как трогательно. Молодцы! Пойдём потихонечку на стоянку. Чтобы никого не беспокоить, я сегодня на своей машине приехал. Будь внимательна, смотри под ноги, сегодня очень скользко.

19

– Я первый раз вижу вас за рулём, – сказала Лена, когда они поехали.

– Честно говоря, я за руль сажусь редко, только когда свободная минутка выпадает. А на службе таких минут почти не бывает.

Он прибавил газу, и машина пошла быстрее.

При повороте на Пулковское шоссе автомобиль сильно занесло, и он на полной скорости врезался в осветительный столб. После мощного удара машину боком вынесло на дорогу, прямо под колёса грузового транспорта.

«А ведь сегодня дождя нет...» – была последняя мысль Елены.

* * *

Был ли во всей этой истории и правда виноват дождь, или Судьба так распорядилась их жизнями, ведя каждого своей дорогой к гибели, не известно.

И почему счастье порой оборачивается горем? И где проходит грань между бедой и радостью?

Если бы на все эти вопросы были ответы, учёные давно бы закрыли подобные темы.

1

«Здравствуй, дочка! Пишет тебе отец твой, Степан Иванович! Сегодня стал разбирать комод и случайно нашёл твою открытку с обратным адресом, что ты присылала нам к Первому мая двенадцать лет назад. Я уж позабыл, как ты и выглядишь. Укатила от нас после школы с этим заезжим шофёром двадцать один год назад, только тебя и видели. От лихих людей так убегают. Мы же в тебе души не чаяли. А получили от тебя только одну открыточку. И на том спасибо, дочка, тебе: хоть вспомнила о нас, родителях своих. Вот и решил я отписать тебе о житье нашем горемычном, авось почтальонша и найдёт тебя. Вона по телевизору показывают, как люди ищут и находят друг друга. Они там плачут, и я плачу. Нервный какой-то стал. Старею... Авось и мы встретимся... Как хочется душу родную обнять.

Погоди, глаза вытру, слезиться стали, буквы расползаются, писать не могу.

Полтора года назад померла мамка твоя, а моя жинка, Серафима Прокофьевна. Ковырялась в огороде и не заметила, как и дождь пошёл холодный. Вымокла вся и захворала... Температура за сорок

была. Так в бреду и померла, грешница. Всё тебя звала. Да, видно, не услышала ты её. Хоронило всё село. Спасибо, председатель помог, дай ему Бог здоровья. И гроб сколотил, и поминки в клубе справил. Столы со скамейками там расставили...А вот варили где – и не знаю. Хорошая женщина была, добрая, работающая. Худого слова отродясь никогда никому не говорила. А как уехала ты даже не простившись, так сразу совсем голову опустила, как колокольчик, не разговаривала почти ни с кем и платочек на голову повязала. Ночами всё плакала, тихо так, чтоб я, значит, не слышал. А какой весёлой была!.. А песни пела... Так что теперь её нет. Да и я свой век доживаю. Ступни болят сильно, еле передвигаюсь. Глаза плохо видят, и сердечко барахлит. Ходил к фельшарице, она капель каких-то прописала. Пью их, а толку никакого и нет. Откуда ему взяться, этому толку? Всю жизнь на колхоз ишачил как проклятый, и что? А ничаво... Пенсию дали – два раза в магазин сходить, хлеб купить. Да мне много и не надо.

Домик наш тоже покосился. На кухне во время дождя с потолка стало течь. А крышу перекрыть некому. И нанять не могу. Денег-то нет. А ещё на «чёрный» день скопить надо... Зимой, что греха таить, тепло. Газовый котёл стоит.

На дворе почти ничего не держу: пять курочек, Рыжик бегаёт и лает – всё ж голос в доме, да два кота, но они дома почти не бывают: знают, что, кроме хлебушка, ничего не получают. Витька Нефёдов, новый сосед наш, помог картошку на огороде посадить и зелень кое-какую. И я сам рассаду помидор с огурцами на подоконнике вырастил да натыкал, как мог. Растут. Скоро свежие огурчики подрастут.

Вишенка в этом году хорошая должна уродиться, но я её только внизу и могу собрать. Голову вверх задеру – кружиться начинает, боюсь упаду. Яблочки растут, груши. Как нападают, я их натру на тёрке и ем. Сладенько, вкусно. И ещё режу их и сушу. Зимой, милое дело, компотик с сухариками. А картошку варю в «мундирке» или запекаю в духовке. Удобно очень, а всё равно пюрешки хочется. Соседи балуют меня. Кто солёных помидорчиков с огурчиками даст, а кто и вареница не пожалеет. Так и живу: ни себе, ни людям в радость. У Бога смерть прошу, а он мне её не даёт.

Забыл сказать: курочки у меня молодцы, яйца мне несут, а в этом году клушка вывела мне пятнадцать цыплят. Бегают по двору. Такие забавные. Чем только зимой кормить их буду? Осенью зерноотходы выпишу. Главное, чтоб морозов сильных не было.

Где ты топереча, дочка? Неужели не тянет в родные края? Здесь ты родилась, жила, училась... Чего тут не хватало? Здесь твой дом, как-никак наследство. И на тебе... Я ведь тоже не жилец... Мать на тебя сберегательную книжку завела. На ней, поди, уже тысяча десять-пятнадцать, аль поболее, гривен набежало. Будет на что и дом поправить, и по нужде что купить. Возвращайся, Люсенька. Здесь же рай! Мы только этого не понимаем. Можно только на гусях и утках, речка-то сразу за огородом, миллионером стать, руки только немного приложить требуется...

Погоди, доченька, Рыжик на кого-то сильно ругается, пойду гляну – не дай Господь укусит...»

2

Степан Иванович аккуратно положил на комод письмо, а сверху него – ручку и вышел на крыльцо. Подслеповато прищурив глаза, пытался рассмотреть тех, кто стоял за калиткой. Зрение фиксировало только силуэты мужчины и женщины.

– Старик, угомони собаку. Если она попытается меня укусить, я ей хребет вот этим колом перешибу, – и мужик приподнял над забором здоровенный дрын.

– И кто это у нас там такой грозный да храбрый? Я тебя сюда не звал, посему проваливай подобру-поздоровому. А будешь бузить, у меня за забором участковый живёт. Он враз пыл с тебя собьёт.

– Пап, открывай, это я, Люся, дочь твоя.

– Господи ты Боже мой, кто приехал! Бегу. Щас, только галоши надену.

Степан Иванович быстро посадил пса на цепь возле будки и, шаркая галошами, посеменял к калитке.

– Проходите, гости мои дорогие. А я, Люсенька, сел тебе письмо писать, – он обнял дочь и по-старчески чмокнул её в щёку.

– Куда письмо-то отправлять собирался?

– Ты открыточку присылала к празднику. А там и адрес есть.

– До чего вы все здесь наивные. Когда это было, при царе Горохе? Я за это время тысячу мест сменила. А чего я мамы не вижу? Где она?

– Нет нашей мамы. Вот уж как полтора года схоронили. Не дождалася она тебя, – отец рукавом рубашки вытер глаза. – А у меня, дочка, дома шаром покати. Хоть бы словечко отписала, что приедешь тогда-то и тогда-то.

– Ничего, батя, у нас на этот счёт всё с собой имеется. Это потом начнёшь мощной трясти. А пока гуляем! – произнёс стоящий рядом с ней мужчина.

– Люсь, это мужик твой? Чаво не знакомишь?

– Как тебе сказать, пап... Живём мы с ним, но не расписаны.

– Это не тот шофёр?

– Нет, не тот. О нём забыть надо. Знакомься, это Лерик.

– Кто? – не понял отец.

– Лерик. Валера, значит.

– Вон оно как у вас сейчас мудрено. Ле-рик... – хмыкнул отец. – А тебя теперь как звать?

– Мне всё равно. Хоть Васей.

– А где ж ты работаешь? По какой специальности?

– Специальность у меня тонкая, ювелирная... Ты нас до ночи решил у забора держать? Может, в дом пригласишь?

– Ой, и вправду, старый дурак... Проходите, проходите, гости дорогие, в дом.

– Бани нет у тебя, отец? – нахально оглядывая двор, спросил Лерик.

– Была. А ноне... Я прямо щас схожу, попрошу Филиппенко протопить баньку.

– Успокойся, отец, не велики баре, и под краном можем помыться.

– А чего обязательно под краном? У нас здесь тоже кое-какая цивилизация имеется. И газ есть, и горячая вода... Всё честь по чести. Вещей-то у вас сколько! Давайте я помогу что-нибудь нести.

– Мы сами, папа, – недовольно ответила Люся. – Веди уже. А то и правда, торчим здесь, как геморрой в заднице.

Все направились к дому.

– Дочка, а ты не болеешь случайно? Извини меня, дурака старого, за такой вопрос. Выглядишь нездорово. Лицо отёчное, мешки под глазами, губы синие и волосы, как воронье гнездо, – он хохотнул от собственной шутки.

– Похмелиться ей надо, отец. И вся болезнь как рукой снимется, – засмеялся Лерик.

– Рот свой поганый закрой. Ты на святого даже сзади не похож. Шевели клешнями, Лерик, – на последнем слове она сделала акцент.

Отец сокрушённо покачал головой, но ничего не сказал.

Они вошли в дом.

– Вот, дочка, здесь ты и жила. Заноси вещи в свою спальню. Там мы с мамой с тех пор, как ты уехала, ничего и не трогали, всё ждали, что ты вот-вот вернёшься назад, только пыль протирали.

– Давай этот вопрос не будем больше обсуждать и сразу закроем эту тему. Мы сейчас переоденемся, а ты на стол тарелки ставь, вилки, рюмки...

– Люся, может, картошку поставить варить?

– Не надо. Сегодня без неё обойдёмся.

3

Минут через двадцать из комнаты вышли Люся и Валерий. На Людмиле были надеты белые шорты и светлая футболка, на которой во всю грудь красовалось солнце с пальмами на песке, а внизу синей краской написано: «Сочи». На Валере были только шорты. Его левое плечо украшал силуэт корабля на фоне якоря, на правом – выколот цветок с оторванным лепестком, на спине – мать Божья с младенцем на руках, а на левой груди – сердце, пронзённое стрелой.

Степан Иванович аж ахнул от увиденного.

– Зачем это тебя так разукрасили, Валерик?

– Жизнь, батя, так разрисовала. На это дело она красок не жалеет.

– Ты, случаем, за колючкой не сидел?

– Оно тебе надо? Дыши спокойно и радуйся.

– Пап, время к обеду, – оборвала их разговор Люся. – На тебе денег, сходи в магазин, купи две булки чёрного хлеба и пару

батонов. И ещё возьми бутылки две минеральной воды с газом, а я пока на стол накрою.

Когда Степан Иванович вернулся домой и взглянул на стол, его глаза поползли вверх от увиденного им изобилия. Горой возвышались помидоры и малосольные огурчики, в глубокой тарелке нарезан салат, дымились только что сваренные сардельки, а рядом лежала толсто порезанная колбаса. Были открыты рыбные и мясные консервы и ещё что-то, о чём он не имел ни малейшего понятия. В вазе на лавке лежали фрукты, многие из которых Степан Иванович не только не пробовал, но и видел впервые.

В центре стола красовались две огромные бутылки водки, одна из которых была раскрыта и уже на четверть неполная.

– «По-соль-ска-я», – наклонился и прочитал он по складам, боясь такую невиданную бутылку брать в руки. – Ишь ты, название какое придумали. Не то что раньше было: «Водка» и «Столичная». А сейчас какой тока нет. И всё, небось, наливают из одного крана, – горько подытожил он.

– Лерик, режь хлеб – и садимся.

– Вы зачем столько наготовили, кто всё это есть будет?

– День большой, отец. До вечера стол будет чист. Обещаю тебе. Воду в холодильник надо поставить. Её ночью пить будем.

– Пап, а у нас когда-то были стаканы. Где они?

– В сенях на полке. Зачем они тебе?

– Из этих рюмочек, что ты поставил, только корвалол пить. Я уберу их, а стаканы достану и помою.

4

Степан Иванович пьянел быстро. Он видел, как пьют дочь и её друг, но они оставались трезвыми, а ещё и курили одну за другой – будто грозовое облако от табачного дыма висело над пирующими.

Откуда-то появилась третья бутылка.

«Как же так, – думал Степан Иванович, – вот я утром Люське писал письмо, а она взяла и прикатила, сейчас сидит рядом со мной. Аж смех берёт. А вот о матери ни слова ни полслова, будто её и не было никогда. И на могилку не сходили, сразу водку жрать сели. Мы своих родителей почитали. А сейчас...» – он с горечью плюнул под стол.

– Ты чего, пап, устал? Иди ляг поспи.

– Ты надолго ко мне приехала? – устало спросил он, не обращая внимания на её предложение.

– Об этом, папа, потом поговорим. А сейчас отдыхаем с дороги. Все интересующие тебя вопросы завтра, на трезвую голову.

– В моём возрасте голова теперь всегда пьяная.

– Тем лучше. Но всё равно завтра. Кушай больше.

– Ты мне всё равно сейчас скажи... Давай только сначала выпьем, а потом поговорим.

Степан Иванович осилил треть стакана, сунул колбасу в рот и долго жевал передними зубами.

– Люсенька, сначала хочу спросить тебя: где ты сейчас живёшь, детки твои где?

– Живёт она, отец, где приютят. А детей по детским домам разбросала, – захохотал Валерий.

– Закрой свой вонючий рот! Сегодня правда из тебя так и прёт наружу. Старику надо знать про это? Папа, не слушай его, это он спьяну несёт всякую хрень. Живу я в Сумах, а детей у меня нет. Ты-то здесь как поживаешь?

– Что я? Смерти жду, а она где-то задержалась. Плохо всё, дочка, – из его глаз покатались слёзы. Он выпил ещё немного. – А скажи, дочь: у тебя что-то человеческое осталось? Приехала с этим уркаганом, водку, как квас, пьёте, а о родной матери ни словечка не спросила. Как жила, чем болела, как померла, где похоронена... Совесть у тебя хоть маленькая есть? А она тебе каждый месяц деньги на сберегательную книжку откладывала, вон она в комодке со всеми её документами лежит, – он опять надолго задумался. – Знаете, убирайтесь отсюда оба! И чтоб я вас здесь больше не видел, бессовестные. Не нужна мне такая дочь!..

– Старик, угомонись и не дёргайся, – заскрипел зубами Лерик, – иначе «хлеборезку» я тебе мигом набок сверну! Ты понял меня, кнур вонючий? Раздухарился тут, страх потерял...

– Кто страх потерял, я потерял? – Степан Иванович, опершись руками о стол, тяжело приподнялся, взял бутылку за горлышко, намереваясь ударить обидчика. – Я таких, как ты...

– Я сказал – сядь, гнида!

Глаза Валерия налились злобой, и он со всего маху ударил Степана Ивановича в лицо. Тот вместе с табуреткой рухнул навзничь, ударившись затылком об угол дверного проёма, что вёл в зал. Раздался противный хруст, и на полу мгновенно образовалась большая лужа крови.

– Что ты наделал, сволочь? – Людмила бросилась к отцу, потрогала пульс на шее. – Он не дышит, и пульса нет. Ты убил его! – зарорала она. – И что теперь? Ты по зоне опять заскучал? Здесь пятёрочкой не отделаешься, минимум пятнадцать, если не пожизненно. Весело погуляли, идиота кусок, – и она заплакала.

– Молчи, стерва, а то и тебя положу здесь. Одно к одному. Терять уже нечего.

Людмила подошла к столу, налила себе стакан водки, выпила и ушла в спальню. Вскоре туда пришёл и Валерий.

– Слушай, что я предлагаю. Нас здесь никто не видел, поэтому и опознать никто не сможет. Если старик и ляпнул где-то, что дочь приехала, всё равно тебя ни одна живая душа не помнит, а живёшь ты давно по поддельному паспорту. Делаем так. Ты забираешь на всякий случай все документы на мать вместе со сберкнижкой, а я подготовлю из наших вещей всё необходимое, чтоб налегке уйти. Дождёмся глубокой ночи, подожжём дом и... ищи ветра в поле. Дверь пойдёшь запри.

Людмила вошла в зал, подошла к комоду. Её внимание привлёк листок бумаги, лежащий на нём. «Здравствуй, дочка! Пишет тебе отец твой, Степан Иванович! – начала она читать. – Сегодня стал разбирать комод и случайно нашёл твою открытку с обратным адресом, что ты присылала нам к Первому мая двенадцать лет назад. Я уж позабыл, как ты и выглядишь. Укатила от нас после школы с этим заезжим шофёром двадцать один год назад, только тебя и видели. От лихих людей так убегают. Мы же в тебе души не чаяли. А получили от тебя только одну открыточку. И на том спасибо, дочка, тебе: хоть вспомнила о нас, родителей своих. Вот и решил я отписать тебе о житье нашем горемычном, авось почтальонша и найдёт тебя. Вона, по телевизору показывают, как люди ищут и находят друг друга. Они там плачут, и я плачу. Нервный какой-то

стал. Старею... Авось и мы встретимся... Как хочется душу родную обнять...»

Она читала дальше, а тело тряслось от рыданий.

– Ты чего? – выглянул из спальни Лерик.

– Ничего, – всхлипнула она, – давай выпьем. Не чокаясь.

Она налила два полных стакана.

Выпили молча. Валерий захрустел огурцом.

– Ну, я пойду складывать вещи, пока светло. Свет зажигать в доме не будем.

– Иди, иди... Я забыла кое-что...

Он обернулся, а она изо всей силы воткнула в его живот большой кухонный нож. А потом ещё несколько раз. Он, не издав ни звука, упал на колени, а потом повалился на бок.

– Так будет справедливо, – пьяно проговорила она, толкнув его ногой.

Положив за бюстгальтер письмо, она взяла бутылку, стакан, два яблока и вышла на крыльцо.

5

Ранним утром женщины, гнавшие коров в стадо, увидели во дворе Степана Ивановича лежащую в огороде женщину, а рядом – пустую бутылку водки. Женщина оказалась мёртвой.

Разбирательство было недолгим.

Степана Ивановича похоронили рядом с его женой, а тела двоих неизвестных отвезли в район, где их след и затерялся.

1

Знатоки утверждают, что нет ничего лживее, извортливее и лукавее истории и статистики. В них можно разглядеть только маленькую частичку правды, и то если это касается, скажем, эпохи. Но она и тут порой сильно извращается.

Кто занимается этим вплотную, прекрасно знает: одну и ту же проблему каждый человек расскажет по-своему, потому что ему это так мнится. Ведь не зря же умные люди утверждают, что каждый видит свою радугу. Наверное, они правы.

Кто как увидел, тот так и истолковал. А если об этом только услышали?.. Испорченный телефон получается.

Мы же эту историю соберём по крупичкам из разных источников и постараемся описать её со скрупулёзной точностью, ибо она произошла не так уж давно – в первой половине XXI века.

Анатолий Агеев давно собирался навестить родителей, живущих далеко, за сотни километров от места его теперешнего проживания, и, наконец, собрался. Если говорить честно, надоело ему на диване у телевизора штаны протирать. Захотелось развеяться немного, себя показать и на других посмотреть.

Когда-то флотская служба приучила его к кочевому цыганскому образу жизни, и долгое пребывание на одном месте начинало действовать на нервы, внутри что-то ныло и свербело. Только служба командиром артиллерийской боевой части на крейсере «Октябрьская революция», а затем и старшим помощником на нём, он за двадцать с лишним лет службы почти девять провёл в море. И он не ныл, не скулил, не проклинал всё и вся. Нравился ему этот безбрежный край, это бушующее море, эти трудности и лишения...

Долго раздумывать он не любил. Купив билет, Агеев быстренько собрался и двинулся в дальний путь. И хотя время было не подходящее для поездок, середина осени, это его нисколько не смутило.

– Зато не жарко и не пыльно, – резюмировал он.

А путешествовать он очень любил. И если бы не служба на военных кораблях длиной в четверть века, он обязательно был бы путешественником, на худой конец, лошадью Пржевальского. Чем плохо? Идёшь себе и идёшь, по сторонам смотришь и травку жуёшь. Красотища! Где-то он даже читал, что Пржевальский был отцом Сталина.

«И чего сейчас у нас не пишут... – хмыкнул он. – Отец Ленина – их домашний доктор Иван Покровский, Ломоносова – Пётр I... А вдруг и у меня где-то родился гениальный сын. Историки потом докопаются, и я сразу стану знаменитым!»

Эта идея Агееву очень даже понравилась, но заикливаться на ней он не стал. Сейчас на это не было времени.

Он как-то даже и не обратил внимания на число, когда уезжает. Просто брал билет с таким расчётом, чтобы выехать в пятницу, а дома быть в воскресенье. А то приедешь и примешься целовать замок родного дома. Такое уже случалось.

Чтобы в дороге не сорвать живот, запас съестного у Агеева всегда был постоянен. Он включал в себя четыре картошки, сваренные в «мундире», два солёных огурца, шесть яиц «вкрутую», два кусочка чёрного хлеба, сухое печенье, чай, сахар и соль. И еще полуторалитровая бутылка хорошей минеральной воды.

Что-что, а кое-какой толк в «минералке» он знал и на практике убедился, что гейзеры «Ессентуки» не бьют из каждого фонтана.

Как-то у его хорошего приятеля женился сын и Толю позвали помочь загрузить воду прямо из цеха, где она и производилась. Так дешевле. Свадьба всегда в копейку выливается, а в наше время... и представить страшно! Такой бы дорогой и крепкой семья получалась. А то поживут полгода и разлетаются в разные стороны. А денежки уже никто не вернёт. Плакали они горячими слезами.

Приехали они в какое-то замызганное помещение. Но тут всё строго, по-настоящему, внутрь не пускают – «санитарная» зона. К ним вышел грязный представитель солнечного Закавказья.

– Кто хозяин? – по-деловому спросил он.

– Я, – подошёл к нему Толин друг.

– Это у тебя тридцать двухлитровых бутылок воды заказано?

– У меня.

– Хочу с тобой согласовать, – сказал он значимо, явно подчёркивая свой акцент, – какие этикетки на бутылки клеить: чтоб за столом красиво было?

И тогда Анатолий воочию оценил прозорливость слов Ильфа и Петрова, которые ещё в прошлом веке сказали сакраментальную фразу: «Всю контрабанду делают в Одессе, на Малой Арнаутской улице».

После этого случая он никогда не верил в качество дешёвого товара и старался потерпеть, но купить стоящую вещь.

К большому удивлению Анатолия, вагон был заполнен наполовину. Это успокоило, потому что он предпочитал комфорт и тишину. Когда-то он летал самолётами или ездил в купе и СВ. Теперь времена не те, теперь копейку надо считать и во многом себя урезонивать. Теперь вершина комфорта – плацкартный вагон. Плацкартный же вагон можно сравнить лишь с одесским Бессарабским рынком, где все говорят одновременно, начиная от многочисленных продавцов и кончая редкими покупателями, а точнее, не говорят, а орут, не слыша себя и других.

Что ещё ненавидел Толя в наших поездах, так это миллиметровой толщины, в буграх и комках матрацы, постоянно сползающие на пол, и неимоверно жёсткие подушки. За двое суток пути пассажиры умудрялись нажать себе долго не заживающие пролежни.

По мере движения поезда вагон стал заполняться пассажирами. Становилось шумно.

Анатолий перекусил, принял таблетку снотворного и лёг спать. Он знал, что если не уснёт сразу, то потом окружающая обстановка ему это сделать не позволит. Вскоре он задремал. Но такое блаженство продолжалось недолго. Из соседнего купе стали доноситься громкие голоса мужчин. Видно, новые пассажиры только что сели, потому было слышно, как они раскладывают вещи. Стало ясно: спать они не собираются, а значит, вместе с ними и Толя будет бдеть до глубокой ночи, а может, и утра. Вскоре по вагону разнёсся запах котлет, жареной курицы, лука и ещё чего-то очень вкусного. «Пить будут, – горестно подумал Агеев. – Хорошо, если у них одна бутылка. Тогда угомонятся быстро. А если у каждого?.. Видимо, придётся бодрствовать. Алкоголь блокирует слуховые нервы, значит, говорить будут громко и все сразу. Надо было не скупиться, а брать место в купейном вагоне. Теперь мучайся».

После одного довольно-таки досадного приключения молодости Толя в дороге никогда не пил. А было это летом. Он возвращался из отпуска на корабль. На одной из станций стоянка поезда планировалась целых двадцать минут. С попутчиком, старшим лейтенантом авиации, они решили сбегать в привокзальный ресторан. Время вполне позволяло. Взяв по стакану водки и паре котлет с овощным салатиком, они не торопясь приступили к трапезе. Выпив и закусив, довольные офицеры вышли на привокзальную площадь. Каково же было их удивление, когда они увидели хвост своего уходящего поезда. Из-за опоздания стоянку, как потом выяснилось, сократили на пять минут. Вот тогда сердце действительно ёкнуло. Хорошо, что деньги и документы были при себе. Но что ожидало их впереди, даже представить было трудно. Но им повезло, если подобное слово подходит к этому случаю. Через двадцать минут их поезд пропускал грузовой состав, везущий строительный лес. На повороте тот сошёл с рельсов, повредив железнодорожные пути. Восемь часов ремонтные бригады расчищали и восстанавливали сдвинутые рельсы.

Поймав машину и посулив водителю бешеные деньги, они добрались до своего поезда. С тех пор Агеев в пути спиртное не употреблял.

А в соседнем купе обмывали рождение внучки.

– Коля, давай выпьем вначале за твою дочку, которая подарила тебе внученьку. А внучка пусть растёт здоровой, красивой и умненькой, – пробасил мужик.

Все дружно выпили и стали с аппетитом закусывать.

– И надо же было так постараться, чтоб умудриться родить именно в пятницу, да ещё тринадцатого.

– Ведунья будет, прорицательница... И правда, в такой день!.. Врежем за неё по полной...

Послышалось вновь кряхтенье, потом чавканье.

– Да, для кого-кого, а для меня точно пятница, да ещё тринадцатое. Как я забыл про это сочетание? – зло завертелся Анатолий.

А за стенкой, забыв о рождении внучки, плавно перешли на мистическое число.

Конечно, в жизни нет ни одного человека, который не верил бы в приметы и привидения. Верил в них и Агеев: и в чёрную кошку, и женщину с пустым ведром, и если что-то забыл и возвращался домой, то обязательно глядел на себя в зеркало... А сколько он переплевал через левое плечо... А сколько раз стучал по дереву...

Помогало это или нет, сказать трудно. Конечно, что-то и сбывалось, а что-то и нет.

Жена всегда предупреждала: «Не взбалтывай чай в чайнике – накликаешь ссору». И сбилось! Тёща, что живёт на параллельной улице, в гости пришла, а он задумался и по привычке перебулькал чайник – к вечеру в доме все так переругались, что никто полторы недели друг с другом не разговаривал. А как-то собрался он с товарищами в ресторан сходить, запирает каюту, а ключи из его рук на палубу падают. А это к беде, он точно знал и в ресторан не пошёл – так пьяных друзей патруль в комендатуру забрал. Как тут не поверишь в эту примету? Говорят, что посуда к счастью бьётся. Брехня. Всегда из-за этого скандал в доме получается. А ещё где-то он вычитал, что если ногти обрезать во вторник или пятницу – будут водиться деньги. Тоже неправда. Тысячу раз пробовал. И ни фиги. Тесть ломал ногу тринадцатого, а ровно через сутки, четырнадцатого, – сын Вовка. И что характерно – поскользнулся на том же месте. Это как объяснить? Девятого мая Петьку Климаченко задавило оторвавшимся балконом. Не тринадцатого же. Брехня это всё.

Один дурак нагонит жути, а второй поверит и передаст третьему. Так и идёт эта дурь по цепочке. Теперь они эту хрень до утра будут нести, а я завтра полдня буду ходить как варёный.

«Ничего, будет пересадка, на вокзале выплуюсь. А здесь сегодня всё равно спать не придётся», – решил Агеев, лёг на спину и волей-неволей собрался слушать мистические байки.

– А знаете, мужики, откуда...

– Подожди, Миша, тема серьёзная, долгая и опасная. Сегодня мы должны ко всему быть готовы. Произойти может всё что угодно, даже самое невероятное. Чтобы дьяволу мы могли мужественно смотреть в глаза, для этого следует выпить. Предлагаю опять по полной.

– Молодец, Степан! Хорошо сказал. Давайте выпьем стоя.

Было слышно, что голоса уже пьяные.

– А сейчас закусуваем и слушаем Мишку. Он молодец, знает много и рассказывает интересно. Говори, Миша.

– Мою бабу Ньюру все помнят?

– А чё же её не помнить. Богомольная старуха была.

– Вот и я о том же. Когда я был маленький, она читала мне религиозные книжки и истории разные рассказывала. На Тайной Вечере, как вы знаете, принимали участие тринадцать человек: Иисус Христос и его двенадцать учеников, среди которых был Иуда, предавший Христа за тридцать сребренников. А тринадцатого числа Иисуса Христа распяли. Наверное, отсюда и идёт число тринадцать несчастливым. Именно в пятницу тринадцатого, так в Библии написано, Каин убил брата своего Авеля.

– Миша, погоди. А помнишь, у американцев космический корабль «Аполлон-13» во время старта взорвался. Там с цифрой тринадцать что-то очень много было связано...

– Да. Год их полёта не помню, но в память врезалось, что они стартовали тринадцатого апреля в тринадцать часов тринадцать минут...

– Лёха, а твой кум не в пятницу тринадцатого под лёд ушёл на зимней рыбалке?..

– Алё! – раздался басовитый голос в хвосте вагона. – Если я ещё услышу голос хоть одного из вас, то сегодняшняя пятница будет

вам всем точно тринадцатой. Тихо разделись и очень быстро уснули! Всё ясно? Не слышу!

– Ясно. Извините. И правда увлеклись.

Голоса за стенкой сразу перешли на шёпот, затем послышалась возня переодевания, а вскоре оттуда донёсся дружный, в четыре голоса, храп.

Это тоже для Анатолия была пытка. Лишь под утро его сморил сон.

2

Ближе к обеду поезд подошёл к столице, где предстояло сделать пересадку. Москва встретила Анатолия хорошей погодой. Было по-осеннему сумрачно, но тепло.

«Хоть с погодой повезло», – радостно подумал он и направился в билетную кассу.

Везло как в сказке. Очереди у кассы не было. Через двадцать минут он держал в руке три билета: один домой и два обратно – до Москвы и дальше.

Переезд с вокзала на вокзал не занял много времени. Чтобы не тащиться на метро с увесистой поклажей, Анатолий решил прокатиться на такси. Дороговато, зато с ветерком!

До отхода поезда оставалось менее трёх часов. Он сел в дальний угол зала ожидания, достал свой скромный провиант и решил перекусить. А чтобы потом не уснуть, купил толстенную газету и принялся её листать. Вскоре его голова непроизвольно начала падать на грудь.

«Э-э-э, так дело не пойдёт. Ещё мгновение – и я усну богатырским сном», – подумал он и, неохотно собрав вещи, пошёл на перрон.

К его удивлению, поезд уже подали, и Анатолий не торопясь, чтобы разогнать дремоту, пошёл по платформе в поисках своего вагона.

Вагон, хоть тоже плацкартный, поразил его красотой убранства, чистотой и белизной заправленных постелей. «Всё-таки приятно иногда осознавать себя человеком, а не последней скотиной! – отметил Анатолий. – Почему мы до сих пор не научились уважать и любить себя? Когда мы начнём понимать, что плохо – это плохо, а хорошо – это хорошо».

Толя переоделся, убрал под сиденье вещи, заварил крепчайший чай, положил подушку под спину и, сев поближе к окну, продолжил чтение газеты, понимая спинным мозгом, что сейчас ложиться спать ни в коем случае нельзя, ибо ночь тогда точно будет тоже бессонной.

Потихонечку вагон стал заполняться. И всё это без лишнего шума, крика и гама. Видимо, атмосфера порядка влияет на поведение и психику человека. Это в свинарнике можно вести себя по-свински. А в такой обстановке не хочется тревожить красоту.

Наконец и в купе к Анатолию тоже вошли пассажиры. Это была женщина примерно семидесяти – семидесяти пяти лет, в длинном, достаточно истёртом драповом пальто цвета пролитого на асфальт какао, фасона семидесятых годов. Её седые волосы клоками вылезали из-под чёрной фетровой шапочки в форме просроченной таблетки, со следами укуса моли. Шею элегантно облегал газовый грязно-розовый шарфик, приблизительно тех же годов выпуска. Руки, спрятанные в потерявшие форму и изуродованные временем чёрные кожаные перчатки, держали ридикюль, перешедший ей, по-видимому, от прабабушки. Ноги женщины украшали полусапожки из добротной кожи, на устойчивом квадратном каблуке. Она не походила на нищенку, но её скупость во всём выпирала наружу. И ещё от неё терпко пахло давно забытыми духами «Ландыш». Чтобы закончить её «светлый» образ, надобно сказать, что глаза у неё были подведены чёрной тушью, губы подкрашены ядовито-красной помадой, а в уголках верхней губы красовались довольно пышные усы, из подбородка прутьями торчали жёсткие белые волоски. С нею было двое детей: мальчик лет десяти и девочка чуть постарше. Провожал их высокий, слегка сутулый мужчина пятидесяти с небольшим лет, в красной нейлоновой куртке, чёрной шляпе и малиновом галстуке на зелёной рубашке. Он быстро рассовал вещи, поцеловал мать, детей и, пожелав счастливого пути, убежал, сославшись на то, что опаздывает на лекцию.

– Здравствуйте, – довольно недружелюбно сказала женщина, заглатывая букву «р». – Лилия Марковна, работала в аппарате Леонида Ильича Брежнева. А это мои внуки Софа и Лёва. Дети, здоровайтесь с дядей.

– Здравствуйте, – хором сказали дети.

– Здравствуйте, – ответил Толя.

– Вы кто? – поинтересовалась Лилия Марковна.

– До сегодняшнего дня был человек, сочувствую анархистам и идеям Нестора Ивановича Махно, – с издёвкой ответил Агеев.

Он заметил, как щека женщины от его ответа конвульсивно передёрнулась.

– Чем изволите заниматься?

– Дегустатор технического спирта.

Агееву тема их беседы начинала надоедать.

– А что это такое? – с интересом спросил Лёва.

– Тебе подобное не следует знать. Я сколько раз говорила, что когда разговаривают взрослые, дети должны молчать.

– Хорошо, бабушка.

– Как вас зовут? – опять спросила Лилия Марковна. – А впрочем, это не имеет никакого значения. Вы спите наверху?

– Нет, внизу.

– Вам придётся уступить нам место. Лёвочка ночью может упасть. Хотя бы это вы должны понимать?

– Уважаемая, если вы переведёте взгляд с меня на верхнюю полку, то заметите два поручня, которые не позволят это сделать вашему внуку. Поэтому эту тему мы закрываем. А если потребуются, то я его там привяжу ремнями.

– Какая бескультурщина и распущенность! Куда страна катится? Угораздило нас ехать в одном купе с хамом.

– Мамаша, – в голосе Агеева уже слышались злые нотки, – вы тут будете оскорблять и разводить гнилую философию или начнёте переодеваться? Унижать себя я вам не позволю! Ясно?! Вас одной уже становится слишком много! Делайте уже что-нибудь и не стойте надо мной истуканом. А то мы уже десять минут как едем. И за окном темнеть начинает.

Анатолий вышел в тамбур. Колёса выстукивали свой вечный ритм дороги. Он приложил лицо к стеклу. Причудливые клочья сгустившихся сумерек пролетали мимо окон, а луна по небу неистово гналась за поездом.

Так Агеев долго стоял, скрестив на груди руки. Забирающийся под спортивный костюм холодок приятно будоражил кровь.

Толя не курил вот уже три года. И получилось это как-то само собой. В один момент взяло и отвернуло. А курил ровно тридцать лет, причём не вынимая сигареты изо рта.

Окончательно промёрзнув, он зашёл в вагон. На него сразу пахнуло извечным «ароматом» поезда, который ни с чем нельзя сравнить.

В его купе счастливая семейка ужинала. Лилия Марковна, в замызганном байковом халате цвета опавших от мороза листьев, удобно восседала на его подушке. Все с аппетитом ели хумус, проще говоря, гороховую кашу с чесноком, лимонным соком и паприкой, приготовленной из сладкого красного перца. Посередине стола возлежала огромная курица. После этой гремучей смеси ночью вагон должен был в обязательном порядке угореть, вплоть до летального исхода.

– Это что? – ткнул Анатолий пальцем в сторону своей постели. – Почему ваша грязная задница сидит на моей чистой подушке?

– Моя задница, как вы выразились, молодой человек, чище, чем ваш поганый рот.

– Немедленно перейдите на своё место! – заорал Анатолий, его трясло. – Я буду ложиться спать.

– Безобразия! Какая бескультурщина! И такое говорить взрослому человеку при детях. Вы, вероятно, русский?! Хотя зачем я это спрашиваю, если на лице всё и так написано. Может, вы ещё и пьяны?

Она кряхтя пересела на свою полку. Дети подвинулись ближе к окну.

– Если вы еврейка, то верхом культуры считаете дозволенность воссесть на чужой подушке? А делать вам замечание считаете безнравственным? И это тоже ваша культура – сидеть в общественном месте в таком затрапезном халате и источать зловонный запах? Я чистую постель забираю сверху, а эту распределяйте между собой в качестве первого приза, – он натянуто засмеялся.

– Какая всё-таки сволочь едет с нами. Кушайте, детки, кушайте. Утром этого человека мы больше не увидим.

Анатолий свернул свой застеленный матрац и швырнул его на вторую полку, взяв оттуда чистую постель.

– Что вы хулиганите? Я сейчас вызову бригадира поезда.

- Меняю грязное на чистое.
- Там же ребёнок будет спать.
- Ничего страшного. Он привык к подобной среде обитания, будет, так сказать, ближе к домашней обстановке.

Агеев, не снимая спортивного костюма, лёг, накрылся одеялом и отвернулся к стенке. Прошлая бессонная ночь дала о себе знать, сон мгновенно сморил его.

Проснулся Анатолий от неимоверного шума. В купе толпился народ и орал благим матом. Понять, о чём говорили в общем гвалте, было невозможно.

- Что здесь происходит?
- А, проснулся. Мы уж думали, ты помер.
- Почему?
- Святой человек!
- Чего это я должен умирать?

- Посмотрите на этого человека... Наверное, в его жилах течёт марсианская кровь! Весь вагон, накрытый плотным облаком удушающего сероводорода, медленно отходит в мир иной, а он спит. Ему хоть бы хны! Не перевелись в миру богатыри! Для него этот дух, что пчеле запах черёмухи. Ты разве не чувствуешь, мил человек, чем тут воняет?! – распаялся маленький мужичок. – Твоя соседка решила нас всех здесь удушить...

- Вы решили сделать из меня посмешище?

Все опять обернулись на сидевшую на полке Лилию Марковну, волосы которой торчали во все стороны, как иголки у воинствующего ежа.

- У вас что, ни у кого из здесь стоящих не отходят газы? Это естественный физиологический процесс. Все так делают. И вы, и вы... – она тыкала на стоящих пальцем, – и даже у таких великих людей, как Давид Ойстрах, Михаил и Раиса Горбачёвы, Филипп Киркоров, это происходит. Помню, как перед очередным Пленумом ЦК КПСС у Леонида Ильича Бре...

- Хватит нести всякую ересь! – заверещала крупная женщина. – До прибытия поезда на конечную станцию ты не спишь! Осталось без малого два с половиной часа. И как только у тебя приближается естественный физиологический процесс, ты прыжками несёшься в

тамбур. Поняла!!! Увижу, что легла, – побью, несмотря на твой преклонный возраст. Дома будешь расслабляться. А здесь...

В это время Анатолий достал из пакета дезодорант и начал неистово брызгать во все стороны.

– Что вы себе позволяете? У Лёвочки на парфюмерию аллергия, он может начать задыхаться.

– Мы не задохнулись, и с ним ничего не сделается! – грозно произнесла женщина. – Ты всё поняла, что я сказала?

– Не тыкайте мне, я...

– Я спросила: «Ты всё поняла»? Или мне повторить ещё раз? Только попробуй лечь и уснуть... Да закройте уже кто-нибудь тамбурные двери. Хватит проветривать. Холодно в вагоне стало. Расходимся, товарищи. Можно ещё немного вздремнуть. Всем, кроме провинившейся леди.

Пассажиры стали расходиться по своим местам, и вскоре только стук колёс опять нарушал тишину в вагоне.

3

Эти двое сумасшедших суток изрядно утомили Анатолия, и он с превеликим удовольствием вышел на знакомой до боли станции.

Родина встретила Агеева морозящим дождём, холодным ветром и огромными лужами на дороге. Воздух отечества почему-то тоже не тревожил душу. А ностальгия резко прошла с выходом из вагона на перрон. Кроме него, на этой Богом забытой станции его родного посёлка больше желающих выйти не нашлось.

Толю никто не встречал, потому что он о своём визите никому не сообщал, а принял решение преподнести сюрприз.

«Что-что, а сюрприз, кажется, удался на славу», – недовольно подумал он, приподнимая воротник куртки и натягивая на голову шапку. Он с превеликим удовольствием сейчас бы спрятался под зонтик, но, к сожалению, обе руки были заняты.

Оторвав от платформы весьма увесистые чемодан и сумку, а идти надо было порядка двух с небольшим километров, он, согнувшись в три погибели и съёжившись от ненастной погоды, медленно побрёл по знакомой дороге в сторону дома. Такси, рикши и кучерские повозки в этих краях отродясь не водились.

Вначале он пытался обходить лужи, но это оказалось так утомительно, что, плюнув на всё, пошёл напрямик. Вскоре его ноги стали мокрыми и тяжелыми. Идти было невыносимо трудно.

Полоса неудач просто преследовала Анатолия. Невольно пришла мысль о пятнице тринадцатого числа. «Но сегодня же пятнадцатое и воскресенье. Должно всё давно закончиться».

Недалеко от центра он неожиданно споткнулся о скрытый под водой камень и со всего маху упал в лужу, подняв несметное количество брызг. Вещи разлетелись во все стороны, шапка, зачерпнув воды, быстро затонула. Теперь он с ног до головы был мокрый.

В таких случаях все нормальные люди ругаются матом. Не был исключением и Агеев. Он со злым наслаждением отводил душу, вспоминая свою лихую флотскую службу. Наконец кряхтя Анатолий поднялся. Страхивать с себя воду было бессмысленно. Она лилась с него ручьём. Он повёл глазами, ища какое-либо питейное заведение, понимая, что если не выпьет сейчас, то наверняка заболит. Напротив красовалась вывеска «Кафе «Незнакомка». «Какое интригующее название, – хмыкнул он. – И как оно сейчас кстати».

Он напялил шапку, схватил вещи и широким шагом устремился туда. Вышедшая женщина, оглядев его с ног до головы, брезгливо распахнула перед ним дверь.

Поставив вещи возле двери, Толя, оставляя за собой потоки воды, направился к стойке бара.

– Мужчина, мужчина, вы куда в таком виде? С вас вода на пол, как из крана, течёт! Вы тут нас затопите, – слышался сзади женский голос.

– Извините. Я только что поскользнулся и упал в лужу. Если вы хотите, чтобы я простыл и умер, можете вышвырнуть меня за дверь, – бросил он не оборачиваясь. – Двести водки, стакан горячего чая и пару котлет. Чай – чтобы кипятком был, а то я и правда заболелю.

Барменша, даже не взглянув на него, быстро подала всё, что он просил.

Агеев отошёл к краю стойки. Выпив водку и съев котлеты, принялся с наслаждением пить обжигающий чай. Средних лет женщина протирала шваброй пол.

– Можно вас на секундочку? – позвал он её.

- Слушаю вас.
 - Как вас зовут?
 - Клавдия Петровна.
 - Клавдия Петровна, вот вам пятьдесят рублей, найдите мне машину. Ехать недалеко: по переулку Белинского почти до трассы. Промок я весь, – он горестно улыбнулся. – Идти сил нет.
 - А чей ты, милоч, будешь и откуда едешь? Лицо мне твоё знакомо, а признать не могу.
 - От табора я отстал. Детали потом. Сейчас срочно машина нужна.
 - Смотри-ка, цыган, а на цыгана вовсе не похож. Чемоданы твои? А табор далеко ушёл? – сыпала она вопросы, надевая плащ.
 - В небо!
 - Как же ты его теперь догонишь?
 - Далеко от меня не уйдут. У меня чемодан и сумка с их деньгами. Казна цыганская.
 - Батюшки! – всплеснула она руками. – И не страшно тебе?!
 - Я очень сильно вооружён.
 - Спаси и сохрани, – побледнела она и перекрестилась.
 - Вы за машиной идёте или...
 - Бегу, бегу, – и она вылетела в двери.
- Не успел Анатолий допить чай, как в кафе вбежала Клавдия Петровна.
- Товарищ цыган, машина вас ждёт у выхода, – задыхаясь, скороговоркой протараторила она.
 - Живо! Вот вам ещё пятьдесят рублей за проворство!
 - Что вы, не надо...
 - Надо, надо. Только помогите отнести и погрузить мои вещи.
 - С удовольствием, – она схватила сумку, чемодан и на согнутых от тяжести ногах потащила их к выходу. – А как зовут вас? Вы у них не барон? Тяжёлые вещи. Видно, денег много лежит.
 - Забаром меня кличут в таборе. Жена Рада, – бессовестно плёл Агеев всё то, что помнил из фильма. – Восемь детей у нас. И все мальчики.
 - И где же они работают?
 - Ты что, женщина! Цыгане не работают. Они у меня поют и пляшут в эстрадном ансамбле. А ансамбль называется «Яв кэ мэ»,

что по-русски – «Иди ко мне». Слышала про такой? – Анатолий учился в школе и даже сидел за одной партой с цыганёнком Сашкой Васнецовым, а от него набрался много цыганских слов.

– Вон оно что, – хотела всплеснуть руками Клавдия. – Вот так все и поют?

– Вот так все и поют. А барона нашего вороны чёрные повязали за кражу коней. Поэтому короновать будут меня, аккурат на Новый год! Приглашаю. Со всего света приедут цыганские бароны. А денег – никто и не знает, сколько их здесь хранится: может, миллионов семьдесят будет, а может, и поболее. Всё в долларах, евро и золотых царских червонцах.

– Ой! Я не понесу такую сумму. Мне жутко!

– Вперёд, Клавдия! Я рядом! Если что, прикрою.

– Страхи-то какие!

Они вышли на улицу.

– Вот машина, что у входа стоит. Извините, что не иностранная.

– Да мне лошадь ближе.

– У нас их, поди, и нет. Вы, товарищ Забор, в кабинку садитесь, на переднее сиденье, а я вещи ваши в багажник положу.

– Не Забор, а Забар, – хмыкнул Анатолий.

– Простите меня бабу-дуру. Присаживайтесь, товарищ Забар. Счастливой вам дороги и побыстрее свидеться с табором.

Последних слов Агеев не разобрал.

– Давай, дружище, поехали скоренько к дому. Переулок Белинского, за Садовой второй дом по правой стороне, а то я замерзать начинаю. И печку, пожалуйста, включи, – Толя краем глаза посмотрел на водителя, молодого парня.

– А вы что, правда цыган?

– Кто? Я? Нет. Я двоюродный дядя Гарри Поттера. Слышал о таком?

– Приходилось. Кажется, приехали. Я тут встал?

– Тютелька в тютельку. Держи, – Толя протянул водителю двести рублей.

– Много даёте.

– Нормально. Только помоги мне багаж до дома донести. А то у меня уже сил никаких нет. Ты веришь в пятницу, тринадцатое число?

– Не очень, а что?

– До сегодняшнего дня я тоже не очень верил. Пошли, а то у меня зуб на зуб не попадает.

4

Анатолий с негнущимися руками и ногами из-за набухшей от влаги одежды буквально ввалился в дом.

– Мать, быстро иди сюда! Посмотри, кто к нам приехал. Недаром, значит, у меня нож из рук упал, – пробасил отец, обнимая сына. – А чего ты такой мокрый?

– Вспотел, пока дошёл до вас... Упал я, батя. Споткнулся и упал прямо в лужу. Мама, быстро набирай горячую воду в ванну. А ты, папа, раздевай меня. Сам снять одежду я уже не смогу, она вся прилипла к телу.

– Горе-то какое! – всплеснула руками мать. – У нас уже второй день как нет воды. И что теперь делать?

– Маша, ты помоги ему, а я сейчас из бочки на улице воды наберу и быстро нагрею. Мой длинный переходник в сарае?

– Я его не брала.

– Сейчас будет вода. Не обещаю её чистоту, но горячей сделаю точно, – и он, накинув фуфайку, вышел.

– Да, – заглянул он в дверь, – перцовки ему налей. Пушай вначале изнутри прогреется. А я сейчас ещё и газу прибавлю, в хате жарко враз будет.

5

Через час Анатолий, распаренный в горячей ванне, крепко спал под пуховым одеялом в жарко натопленном доме. Храп стоял такой могучий, что во всех окнах дребезжали стёкла.

В ванной в стиральной машине мать стирала вещи сына, которые все были мокрыми и грязными. Под вентилятором сушились документы. Месиво из печенья, сушек и вафель отдали собаке, а слипшиеся конфеты отец положил в бутылку, залив их тёплой водой. Потом самогон можно будет выгнать.

– Миша, а как это ты так быстро воду горячей сделал? – спросила мужа супруга.

– Этого тебе знать не дано.

– Что за секреты такие? – оскорбилась жена. – Прямо как шпион какой, что не спросишь, ответа не услышишь, – и она от обиды поджала губы.

– Сделал мощным кипяtilьник. Пятнадцать минут – и почти кипяток, – с гордостью похвалился муж.

– Так, наверное, и убить могло?

– Могло, но не убило.

– Ты когда-нибудь доиграешься...

В это время в дверь постучали и вошёл полицейский.

– Здравствуйте. Здесь проживают Агеевы?

– Да. А в чём дело? – из ванной вышла мать.

– К вам сегодня кто-нибудь приезжал?

– Да. Сын приехал. А дело-то в чём?

– Он сам где?

– Спит. Пока шёл с поезда, в лужу упал. Весь насквозь мокрый пришёл. И вещи из чемодана и сумки такие же. Вон всё стираю. А его в горячей ванной напарили, перцовки налили и в постель. Не дай Господь, простынет. А так...

– Документы его можно посмотреть?

– Вон они под вентилятором сушатся. Может, он натворил что-нибудь? Почему вы им интересуетесь?

– Пока ничего, – полицейский внимательно полистал его паспорт. – А денег с ним много было?

– Вот они лежат рядом с кошельком, сорок две с половиной тысячи и мелочь какая-то.

– А других денег у него при себе не было? Валюты, золота?..

– Откуда у него, пенсионера, валюта, а тем более золото? Скажите, наконец, что произошло-то?

– А дело в том, что ваш сын наплёл в кафе, что он цыган, почти барон, а в его багаже хранятся несметные богатства. Я ему оставлю повесточку, пусть он ко мне завтра заглянет во второй половине дня. Не пугайтесь только, ничего страшного в этом нет, мы с ним просто побеседуем, и не больше. До свидания.

Он, аккуратно притворив дверь, вышел.

– Миша, что сейчас было?

– А я почём знаю? Слышал всё то же, что и ты. И чего он им сочинил про цыган?.. Вот вечно Только от своего языка страдает. Помнишь, он тогда на пятом курсе учился, так в электричке представлялся контролёром и штраф собирал? Срамота. Из него такой же цыган, как из меня китаец, – и отец сипло засмеялся.

6

Утром Анатолий проснулся бодрым, здоровым и жизнерадостным. Он взглянул на висевшие на стенке часы. Они показывали десять минут одиннадцатого.

– Ничего себе, обед скоро, а я сплю. Подъём! – подал он себе команду. – Ну что, родители, гостя кормить будете или начнёте морить голодом?! – прокричал он из спальни. – Спал как младенец в люльке. Сто лет так не отдыхал. Вот как дорога вымотала. Пятница...

В спальню вошла мать.

– Как чувствуешь себя, сынок? Ничего не болит? Чего ты пятницу вспомнил? Сегодня понедельник с утра был. Заговариваться стал. Головой не стукнулся вчера, температуры нет? – она коснулась губами его лба и поцеловала сына.

– Всё нормально, мама.

– А раз нормально, вставай, мойся и за стол. Всё давно готово. Борщ разогреть?

– В обязательном порядке! А что ещё есть?

– Курицу запекла, картошку сварила... С чем её будешь есть с кислой капустой или солёными грибами?

– Положи того и другого.

– Отец ночью ходил на рыбалку. Тебе пожарить рыбу или котлеты сделать?

– Пожарить! Много поймал?

– С десяток есть.

– Крупные?

– Два сома с руку будут, щучка килограмма на полтора, остальные – чуть больше ладони.

– Мам, на вечер ухи свари. Окуней нет?

– Ни одного. Тогда в кастрюлю рыбы побольше положу, она наваристая и будет. Яичницу сейчас пожарить?

– Не надо, а то лопну.

– А вон и отец идёт, вместе и позавтракаете. Точнее, ты позавтракаешь, а он пообедает.

– Проснулся, Будулай! – затрясся от смеха отец. – Весь посёлок только об этом и говорит.

– Батя, ты перепутал, не Будулай, а Забар, – тоже засмеялся Анатолий.

– О чём это вы? – спросила мать. – Оказывается, говорят все, а я, как всегда, ничего не знаю.

– Сынок наш, мать, цирк вчера в посёлке устроил. Зашёл весь мокрый в кафе и сказал там, что он цыганский барон и в чемодане с сумкой несёт несметное количество денег. Клавка Осипова, знаешь ты её, Степана Фёдоровича дочь, она в том кафе уборщицей работает, от страха чуть заикаться не начала. Весь посёлок гудит. На барона хочет посмотреть. Не каждый день такие высокие люди к нам заглядывают, – опять захохотал отец.

– Папа, надо только таксу установить. На шару такое мероприятие не должно пройти. Ты будешь стоять в дверях и билеты продавать, а мама деньги собирать. И бумагу с ручкой приготовьте, вдруг автографы начнут брать...

– Толька, и откуда в тебе всё это берётся? Уже седина в башке, а он всё в игрушки играет. Полицейский к нам заходил по этому поводу. Тебя, кстати, в милицию вызывают после обеда. Не посадили бы дурака, – она перекрестилась и вытерла глаза. – Где записка, отец, что он оставил?

– Я на комод положил под коробку с нитками.

Мать опять перекрестилась.

– Что ты начинаешь... Кто посадит, за что? Не бери дурного в голову. Где записка?

– На, читай, – протянула мать.

– Капитан Морозов Б. П., – прочитал он. – Не лейтенанта к барону послали, а целого капитана! – поднял Анатолий палец. – Это уважение. А вы тут в панику впали. Меня сегодня кормить будут, или в вопросы и ответы будем продолжать играть?

– Ой и правда... Садитесь быстрее за стол, а то уже всё остыло, надо разогреть. Режьте хлеб. Соль, перец, горчица на столе. Отец, бутылку нести?

– Какая бутылка? Ему в милицию скоро идти. Что ж, он там на них перегаром дышать будет?

– Мама, неси. От ста граммов перегара не бывает. А к вечеру готовьтесь, я с этим полицейским домой приду. Так что гости у нас сегодня будут. Батя вон браконьерничает, а теперь защиту займает.

– Эко что учудил!

– Не бойтесь. Всё будет нормально. Мам, в борщ мясца брось, а то в городе мы не жируем сильно. Папа, разливай, чего сидишь.

Мать принесла борщ.

– А ты с нами?

– Я потом буду есть. Только недавно завтракала. Приятного аппетита.

Отец с сыном, крикнув, выпили и с аппетитом принялись за борщ.

– Мам, как же ты вкусно готовишь! Дома Нинка сварит, и жрать не хочется, всё наружу вылезет. На корабле у нас тоже очень вкусно готовили. Из подарков что-нибудь после вчерашнего заплыва осталось?

Мать с любовью смотрела на сына, прикрыв ладонью губы. Дочь вся в отца пошла, а сын – вылитая мать.

– Из вещей, сынок, всё перестирала, высохнут, сам разберёшься, где чьё, а вот из продуктов почти ничего не осталось: конфеты на самогон, печенье курам, клюква подавилась вся, и бельё от неё кое-какое испачкалось, отойдёт или нет – не знаю. Замочила его в порошок. Остались консервы, чё им сделается, и бутылка водки.

Сын уже налегал на курицу.

Наконец он откинулся не стуле:

– Мам, а холодного молочка нет?

– Как же нет, сейчас принесу. Ты нам расскажи, как у тебя дела. Как семья, дети?

– Нормально всё. С расспросами потом, всё потом. Наелся, полежу немного, а то живот сейчас разорвётся. Моя одежда высохла?

– Миша, потрогай его одежду! – крикнула из прихожей отцу.

– Сырая вся. При такой погоде она недели две сохнуть будет. И ботинки не просохли.

– Приплыли, – произнёс Анатолий зевая. – В милицию не в чём идти. Батя, распечатывай бутылку. Давай напоследок нарежемся.

За неявку, как злостного нарушителя, вечером меня заберут, а потом посадят. Думаю, лет пятнадцать-двадцать дадут как пить дать. Под расстрельную статью я не подхожу, – бубнил он, явно засыпая. – Когда ещё выпить потом придётся. Мамуля, сухарики посуши, как я люблю, с солью. Батя, сигарет пачек десять... И обязательно чай...

Наконец Анатолий затих, послышалось ровное дыхание, а потом храп.

– Миша, что он мелет? Какая тюрьма? За что? – всхлинула мать – Надо какие-то вещи твои найти. Иди, ищи, не сиди истуканом.

– Что ты его слушаешь? Он наплёл чёрт-те что и уснул, а мы... Сейчас найду ему брюки, рубашку, свитер. Куртка есть, шапка. На ноги сапоги наденет, дождь как шёл, так и идёт. Погода совсем испортилась. Если потеплеет – за грибами можно будет сходить.

– Мне чё же, сухари сейчас ему сушить? Или он всё это набрехал?

– Какие же вы все, женщины, глупые. Кто что не скажет, тому и верят. Кого ты слушаешь?

– Вы у нас гений, а вокруг...

– Мама, суши, суши, я их завтра погрызу, – донеслось с дивана, и вновь раздался храп.

– Я перестаю его понимать. Миша, как ты считаешь, его посадят или нет?

– За что? За язык? Сейчас за это не сажают.

– Слава Богу!

– Пап, – опять раздался голос Анатолия, – у тебя в жизни что-то связано было с пятницей тринадцатого?

– Он спит или нет? Прямо как в сказке: два глаза спят, а третий всё видит. С матерью твоей женились тринадцатого, в пятницу, ты тоже родился, только записали тебя четырнадцатого...

– Вот она, карма!

– Кто?

– Не кто, а что. Судьба моя, значит. А если точнее – судьбина.

– Что он там бормочет, не пойму. Вставай уже, третий час. Ты не забыл, что тебе в милицию надо? Мы тут с отцом собрали тебе кое-какую одежку.

– Я что, пойду в одежде отца? Вы меня в клоуна хотите нарядить? Батя ростом под два метра, а я в прыжке метр семьдесят пять. Точно за цыгана примут.

– Надевай своё, мокрое, если тебе моя одежда не нравится. На улице дождь идёт. Так что гуляющих там мало, и потом, я тебя туда на машине отвезу.

– Совсем другое дело! Чувствуется уважение. Мама, чай поставь, да поедем помолясь.

– Не богохульствуй!

– Я и не богохульствую. Придётся ли ещё свидетелься?

– Толька, прекрати у матери играть на нервах! Я пойду, выкачу машину из гаража, а ты одевайся.

– Мам, не расстраивайся, я шучу. И ужин готовь, с капитаном приду.

Выпив чаю, Анатолий стал собираться. Брюки стянул на поясе ремнём и подвернул их несколько раз – в сапогах не будет видно. Свитер тоже не доставил больших хлопот. А вот куртка... была почти до колен, рук из рукавов не было видно. Шапка закрывала глаза и при резком повороте головы оставалась на месте.

Анатолий вышел на кухню. Мать как увидела своё чадо, повалилась на стул и принялась хохотать как умалишённая.

– Красив? – улыбнулся сын. – Я знал, что тебе понравится!

– Толя, и так подобрали всё маленькое.

– Зря я в моряки пошёл. Надо было в цирк... Денег бы имел сейчас...

Мать снова зашлась смехом:

– Иди уже, циркач, отец в машине ждёт. Во сколько придёшь?

– Кто скажет? Может, придётся выступить перед сотрудниками милиции. Сегодня у нас праздника никакого нет? Всё, я ухожу по-английски, то есть не прощаясь. Шапку надевать не буду. А то и правда – из цыганов в клоуны... Не велик прогресс.

– Толь, может, мне с тобой пойти?

– Зачем?

– Ну...

– Без ну... Занимайся своим делом.

Анатолий вышел на улицу. Дождь немного утих. По лужам плавали пузыри – верный признак скорого окончания ненастной погоды.

– Что, батя, поехали сдаваться. Как я выгляжу в твоих глазах?

– Нормально. Не голый же идёшь.

– Да ну тебя. Какой-то ты приземлённый.

– Значит, не дано нам по лужам летать, – и от смеха на его глазах появились слёзы.

– Хорош ржать, поехали уже.

В полиции стояла тишина.

Анатолий заглянул в окошко дежурного:

– Где мне найти капитана Морозова?

– По какому вопросу? – не поднимая головы, спросил сержант.

– Изнасилование крупного рогатого скота со смертельным исходом, – пошутил Агеев.

– Я тебя сейчас за подобные шутки в «обезьянник» посажу. Вот там и будешь шутить суток пятнадцать, – сержант даже не улыбнулся.

Полицейский, как и женщина, верит каждому сказанному слову.

– На втором этаже, четвёртый кабинет.

– Спасибо, – вежливо произнёс Агеев.

Он понимал, что пошутил не там и не с тем. Здесь закрыть могут мгновенно, а потом не спеша разбираться. Он тихо пошёл в сторону лестницы.

– Постой! – крикнул дежурный.

Сердце у Агеева забило чаще, ладони сделались мокрыми. Он вновь робко подошёл к окошку.

– Это не ты ли вчерашний цыганский барон?

– Нет, конечно. Это я так вчера неудачно пошутил. Шёл с поезда и упал в лужу. Гляжу – кафе. Не выпью – заболею. А они меня не пускают, потому что с одежды вода ручьём льётся. Вот я и ляпнул дуру, – выдохнул горько Анатолий.

– А что в таком затрапезном виде сюда пришёл?

– Так всё промокло. Мама постирала, ещё ничего не высохло. Пришлось отцову одежду надевать.

– А чей ты?

– Сын Агеева Михаила Романовича. Он и привёз меня сюда, чтоб не позориться на улице в таком виде. Он у меня высокий, а вот я... в корень пошёл, – из Анатолия вновь вылетела шутка.

– А-а-а, вот ты чей! Кажется, офицер, моряк?..

– Так точно! Капитан второго ранга.

– А служили где? – сержант перешёл на «вы».

– На Севере немного, а потом на Балтике. Год как пенсионер. Ушёл с должности старшего помощника.

– А я на далёком Сахалине, на тральщике мотористом был.

– Родственные души. Тоже без малого цыган, – Анатолий понял, что тревога позади и уже можно ничего не бояться. – Ну, я пойду, – воспоминаний о былом он ненавидел.

– Конечно, проходите. Борис Петрович – нормальный мужик.

Поднявшись на второй этаж, он постучал в дверь четвёртой комнаты и вошёл в довольно маленький кабинет, где стояло три стола, заваленных бумагами и папками. За дальним столом сидел капитан и что-то писал.

– Разрешите?

Капитан вопросительно поднял голову.

– Агеев. Анатолий Михайлович, – представился Анатолий. – Прибыл по вашему приказанию с чистосердечным признанием и раскаянием с целью облегчения своей дальнейшей участи. Готов к сотрудничеству с органами полиции и правосудия. Вот мой паспорт.

– Ну, проходите, ваше высочество. Вот бумага, ручка. Садитесь за соседний стол и пишите.

– Не понял. Что писать?

– А то, как ты вчера в посёлке посеял панику, взбудоражил и поставил всех на уши, куда ушёл твой табор, где деньги спрятал... Короче, всё подробно и откровенно...

Руки снова сделались влажными, во рту начала скапливаться вязкая слюна, подступила тошнота. Пройдя суровую школу жизни, Агеев никогда не попадал в подобные ситуации, которые возникали из ничего, становясь чем-то жутким и ужасным. Он был убеждён, что всё вылетит в обыденный разговор. А тут...

– Борис Петрович, да всё это...

– Вот всё это и напиши, а мне не мешай. У меня и без тебя дел по горло. Куртка твоя или на вокзале у кого-то спёр?

– У отца взял, мои вещи все сырые.

– Хорошо, пиши. И подробно. Если мне не понравится – будешь переписывать несколько раз. Вперёд!

Агеев ненавидел писанину. На корабле он за свою жизнь столько написал, что и представить страшно. Правда, последние лет пять он ручку в руки брал лишь для росписи в документах и финансовой ведомости. Теперь приходилось начинать всё сначала, как в первом классе.

Высунув от напряжения язык и склонив голову набок, он выводил на бумаге свою горькую жизнь. Сильно мешали рукава куртки. Они постоянно наползали на кисть. Капитан украдкой следил за муками Агеева, скрывая рукой улыбку.

– Борис Петрович, разрешите снять куртку. Она меня раздражает, и я не могу сосредоточиться, – наконец не выдержал Агеев.

– Много написал? – спросил полицейский.

– Предложений десять.

– Ого, какая потрясающая скорость! И это за час! Ты кем работал до сих пор, родимый, пока цыганом не стал?

– На флоте служил. Капитан второго ранга. Год как демобилизовался.

– Серьёзный господин попался. Хватит писать. Идите сюда, – капитан резко перешёл на «вы». – Объясните в двух словах, как вы в бароны записались с миллионным состоянием?

– Я вчера приехал на родину к родителям. О приезде не сообщил, хотел сюрприз преподнести. Как оказалось, мой приезд стал неожиданным не только для них. Вышел я, значит, из поезда, а дождь шпарит... Чемодан с сумкой тяжеленные. Иду, всё залито водой, дороги не видно. И в ботинках вода, еле ноги от земли отрываю... Уже до центра добрёл, стал дорогу переходить, обо что-то запнулся и со всего маху упал прямо в лужу. Вещи в сторону, я лежу. А вода холоднющая... Еле поднялся. Одежда намочена... Прямо к земле клонит. Вижу кафе. Думаю, если не выпью, заболею обязательно...

Видя неподдельные страдания на лице человека и представив всю эту картину с ним происшедшего, капитан неистово начал хохотать. В это время постучали в дверь.

– Кто ещё там? – крикнул полицейский.

Дверь приоткрылась, и просунулась голова отца.

– Я отец этого нарушителя. Долго он у вас ещё будет?

– Соскучились? Я бы с ним не расставался никогда. Сейчас отпущу. Плохо, что не узнаю про его героическое цыганское прошлое.

– Борис Петрович, – Алексей облегчённо вздохнул, – учитывая моё пролетарское происхождение, нашу общую судьбу, туго перетянутую ремнём, и задачи, которые я выполнял, а вы и сейчас выполняете... – он немного задумался. – Короче, пошутить могу, а вот философствовать... – Агеев грустно улыбнулся. – Мы хотим с батей пригласить вас к себе домой. Стол уже накрыт. Мама постаралась. В меню почки заячьи верчёные, головы щучьи с чесноком, икра чёрная, красная...

– А заморская икра, баклажанная, будет? – улыбнулся капитан.

– Что он мелет? – поинтересовался отец. – Не пойму...

– Это он хочет, чтобы я согласился.

– Откуда икра у нас? Сроду такой не бывало.

– Не переживайте, это он словами из фильма «Иван Васильевич меняет профессию» говорит. Заходите, присаживайтесь.

– Вечно, Толька, ты своим языком беду на себя нагоняешь. Учился он тогда в девятом классе, были летние каникулы, а по соседству жили Степановы. Нина, хозяйка, была до того жадной и завистливой, что страх Божий. Где он машинку печатную нашёл, не знаю, только написал он ей письмо, что на её имя пришла крупная сумма денег. И явиться ей требуется для получения этой суммы на почту к одиннадцати часам дня с паспортом. Подпись, печать с пяти копеек поставил – не подкопаешься. Заклеил в конверт и бросил ей в ящик. Вечером она берёт почту, читает письмо и становится сама не своя. Первая мысль: откуда деньги? А этот оболтус обмотал телефонную трубку полотенцем и перед сном звонит ей и говорит сиплым голосом, мол, деньги получаешь, бойся ограбления. Я услышал и спрашиваю: «Кому звонил?» А он мне: «Петьке. Решил попугать!» Ночью соседка не спала, давление нагоняла.

Утром сбегала на работу, отпросилась, мужа и невестку заставила сделать то же самое, чтоб охрана была. Сын её в рейсе был. С утра ходит по двору как неприкаянная, ждёт, когда идти надо. Назначено время, значит, должны подвезти деньги, раньше и идти нечего. Расскажи, Толь, что дальше было, а то у меня рот пересох. Никогда столько много не говорил.

– Пап, что тут разговоры вести? Сам говоришь, что во рту пересохло. Надо промочить. Не откажите, Борис Петрович, пойдёмте.

– Уговорили. Посидите здесь. Я с докладом минут на десять к начальнику схожу.

– Идите, мы подождём.

Капитан вышел.

– Толька, что он тебя так долго здесь держал? Я даже нервничать стал. Думать начал, что и вправду посадят. Мать звонит через каждые пять минут.

– Всё нормально, батя. Позвони, успокой её. А где мой мобильный телефон?

– Я его у тебя вчера нигде не нашёл. Видно, потерял, когда упал.

– Всё одно к одному. Жена, небось, тоже волнуется. Не знает, доехал я или нет.

– Не волнуйся, мы ей позвонили.

– Молодцы! Хвалю за службу! А телефон жалко, купил четыре месяца назад.

– Ты с сюрпризами в этот раз явно переборщил. Позвонить надо было, встретили бы. Алё, Люда, – Михаил Романович набрал жену, – всё у нас нормально. Накрывай на стол, мы скоро будем. Да. Все троём.

Вошёл капитан.

– Я готов. Только плащ надену. Опять сильный дождь пошёл. Как-то не хочется тоже упасть в лужу, – и он вновь засмеялся. – Вы на машине?

– Люда, конец связи, – прошептал в телефон Агеев старший. – Мы выезжаем, встречай, – отключился он. – Конечно, на машине. В такую погоду хороший хозяин собаку из дома не выгонит. Бывает иногда, что гости приезжают и сюрприз с собой везут. Но такое редко происходит, – кабинет огласил громкий смех.

Вскоре мужчины сидели за столом, а Людмила Александровна была на подхвате: принести, отнести, заменить... Но это у неё получалось очень проворно, и нить разговора, что вёлся за столом, она не упускала.

– Ну что, гости дорогие, – крикнул Михаил Романович, – худо ли бедно ли – за вас! Спасибо, сынок, что не забываешь родителей, – он хмыкнул. – Ошибаться может каждый. Главное, чтоб все были здоровы.

Мужчины, дружно чокнувшись, выпили и с аппетитом набросились на уху.

– Михаил Романович, – капитан смачно захрустел костями головы сома, – где вы такую рыбу взяли? Вкусная! Спасибо хозяйке, умеет готовить, – улыбнулся он, поглядев на Людмилу Александровну.

– Только привёз, – не моргнув глазом соврал он, мать нервно напряглась, – говорит, по поезду носили.

– Я чё спрашиваю, сегодня инспектора звонили: кто-то ранним утром сети на речке трусил, но с нашей техникой разве кого-то поймает. Вода в бак попала, моторка и заглохла. А на вёслах разве дойдёшь... Ушёл, негодяй! Сеть бросил и ушёл.

– Бывает и такое, – неопределённо проговорил Михаил Романович. – Давайте, молодые люди, ещё по одной выпьем...

– Я предлагаю выпить за радушных хозяев этого дома и сразу поставить точки над «і»... Меня зовут Боря. И прекращаем выкать.

– Дельное предложение. А меня Толя.

– Вот за всё это и выпьем.

– Рыбу подавать? – шёпотом спросила жена у мужа.

Михаил пожал плечами. Выручил Анатолий:

– Мам, а ты остальную рыбу не жарила?

– Как же, сынок, не жарила. Сейчас несу, – сразу повеселела она. – Картошечка с котлетами, огурчики солёные, помидорчики, капуста...

– Людмила Александровна, остановитесь. Разве можно столько съесть? Посидите с нами, отдохните...

– У меня ещё мясо тушится...

– Это сыну на завтрак. Честное слово, уже не полезет. А разносол под водочку – милое дело, – похлопал себя по животу Борис. – Толь, рассказывай, как было дальше. Я просто горю от нетерпения услышать продолжение, – засмеялся он. – Думаю, что родители тоже с интересом послушают твои приключения.

Анатолий будто ждал этого вопроса. Он сразу приосанился, разругнулся, почувствовав себя героем сегодняшнего дня.

– Ну вот, упал я, значит, в эту лужу, а глубины в ней сантиметров семьдесят. Чувствую – начинаю тонуть. Рядом сумка пускает пузыри и чемодан медленно погружается в водную пучину. Возникает извечная проблема нашего народа: «Как быть?» и «Что делать?» Встаю на колени, не гнуцимся от холода пальцами хватаю вещи, ведь в них подарки моим дорогим родителям, и начинаю на коленках медленно передвигаться вперёд. Вода доходит почти до плеч. Резко поднявшийся ветер гонит встречную волну, которая несколько раз накрывает меня с головой.

– Свят-свят-свят! – тихо прошептала мать и трижды перекрестилась.

– Люда, что ты его слушаешь? Где ты у нас на дорогах видела ямы, тем более в центре, глубиной семьдесят сантиметров? Он увидел нас с разинутыми ртами и плетёт что ни попадя, – отец разлил по рюмкам.

Борис уронил голову под стол и истерично трясся всем телом.

– Толя, подожди, не всё сразу, – запричитал он, задыхаясь от смеха. – Давайте и правда выпьем. У меня от смеха мышцы живота заболели. Людмила Александровна, у вас случайно нет томатного сока?

– Как же нет, есть, конечно. Сейчас принесу, только в подвал сбегаю.

– Ой, тогда не надо.

– Как это не надо? У нас по ступенечкам... Это не в погреб по лестнице спускаться.

– Люда, я быстрее принесу, – встал отец. – Посидите, ребята, я мигом! Давайте только выпьем, чтоб не выдохалась. Анатолий, не рассказывай ничего, хочется знать, вышел ты на отмель или нет.

Борис снова засмеялся.

- Толя, тебе никто никогда не говорил, что твоё место на эстраде?
- Я двадцать шесть лет прослужил в цирке экстремалом.
- Сынок, а говорил, что на флоте служил, даже в форме приезжал...
- Мама, не рви сердце. Это я образно. Аллегория, так сказать.
- Толя, куда отца нет, скажи мне, ты дошёл или нет?
- Дошёл куда? – не понял Анатолий.
- Ну, до конца лужи.
- Ты меня пугаешь. Перед тобой я сижу или не я?
- Ты, конечно.
- И что это значит? Дошёл я или затонул?
- Значит, дошёл, слава Богу!
- Извините, – Борис встал, вытирая слёзы. – Я пойду на крыльцо покурю.
- Кури здесь, сынок, – сказала Людмила Александровна.
- Мне надо на воздухе побыть. Что-то жарко стало.
- А ты пиджак свой сними.
- Деловое предложение. Вернусь и сниму.
- Я тоже пойду, охлажусь, – встал Анатолий.
- Идите, мальчики, а я пока на столе наведу порядок и тарелочки поменяю.

9

Дождь закончился, утих ветер. На улице стало по-летнему тепло. На западе, отбрасывая длинные причудливые тени, светило умытое солнце. Неугомонные воробьи неистово чирикали в редкой листве яблони, радуясь долгожданной свободе.

Борис со сладостью затянулся и выпустил вверх дым.

- А ты не куришь? – спросил он.
- Почти три года не балуюсь. А на корабле... Две пачки в день, а то и больше. Ужас! Дым валил из всех дырок.
- И как бросил?
- Сам не знаю. Отвратило само собой. На флоте говорят: «Каждый должен выпить свой баркас». А тут, видно, выкурил целое поле.
- А тянет затянуться?

– Изредка. Но желание проходит очень быстро. А вот с курящими стоять обожаю, дымок понюхать люблю. Зато ненавижу находиться в прокуренной комнате и вдыхать запах выкуренных сигарет. А как ты в милицию попал?

– Почти анекдотический случай. Я пацаном был девяти лет и видел, как на рынке парень выдернул у женщины сумку. Та в крик. Два милиционера рядом оказались и погнались за этим парнем. И я вместе с ними побежал. Интересно! А тот забежал за угол и как в воду канул. Туда-сюда – нигде нет. И вдруг из наружного туалета вой доносится. Те туда. А тот парень со страху прыгнул в выгребную яму и тонуть начал. Стали его оттуда вытаскивать. Сначала длинную палку опустили – не получается; кто-то вожжи принёс. Когда его вытащили, я от смеха по земле катался. Это было что-то потрясающее. В радиусе двадцати, а то и больше, метров невозможно было находиться. Весь рынок как ветром сдуло. Милиция посмотрела на такое вонючее дело и сказала парню, чтобы шёл домой, пообещав больше его не вытаскивать. А сумка так там и осталась. Женщина, повозмущавшись, тоже направилась домой. После этого случая у меня возникло желание стать милиционером, теперь полицейским. Сразу не поступил, а после армии окончил Херсонский институт МВД и был направлен на службу по месту жительства, у меня родители в сорока километрах отсюда живут. Из-за такого вот случая я и стал работником правопорядка.

Анатолий стоял, довольно посмеиваясь.

Из подвала показалась голова отца.

– Толька, сюда иди. Чтобы сто раз не лазить, я уже всё достал. Мать обязательно разглядит, что ты исхудал, и начнёт тебя откармливать. Боря, помоги тоже, ящики больно тяжёлые, я один их не донесу.

– Теперь, Толя, легко тебе будет на туалет работать. Я бы с удовольствием с тобой поменялся, но... – он развёл руками и хитро улыбнулся.

Ящики действительно оказались тяжеленными. И чего в них только не было: соленья, копчения, соки, компоты, варенье и еще много чего непонятного.

– Не мало, Михаил Романович? – явно с издёвкой спросил Борис.

– Ты знаешь, Боря, боюсь, как бы хватило.

– Ну вы, Анатолий Михайлович, и даёте. Совсем не бережёте себя.

– Да, будет трудно. Но трудности закаляют человека. Когда я только начинал корабельную службу, у нас был старпом, мужик суровый, но справедливый. Так он говорил, что моряк должен всегда работать, постоянно преодолевать трудности, тогда сон его будет крепок. А мысли уйти в самоволку, набить морду молодому или сотворить какую-нибудь пакость даже не придёт в его голову. Так и я намереваюсь бороться в отпуске только со сном и голодом. Если тебе рассказать про мою поездку в поезде, ты бы почитал меня за героя.

– Тебя за героя теперь весь посёлок почитает. Разве этого мало? – снова захохотал Борис.

– Что такое посёлок в масштабах Вселенной? Мне Галактику подавай!

– Ну что, хлопцы, пойдёмте к столу. Не знаю, как кому, а мне очень хочется дослушать продолжение рассказа, от которого цепенеет душа и холодный пот катится по спине, – Михаил Романович и Борис дружно прыснули от смеха.

– Мама меня спросила, выбрался ли я из лужи, – тоже покатился со смеху Анатолий.

– Женщины – народ загадочный. Никогда нельзя предугадать их дальнейшие действия и ход мыслей. Логика у них отсутствует напрочь. Между прочим, Людмила, – Михаил Романович ткнул пальцем в направлении Анатолия, – мне родила его в шестнадцать лет.

– А вам сколько было?

– Семнадцать.

– И вон какого богатыря сотворили.

– Вы еще долго проветриваться будете? – вышла Людмила Александровна.

– Уже идём.

10

На кухне стол был заново сервирован. В тарелках дымилось пюре, в котором лежали котлеты, из кружек потянуло запахом куриного бульона. В другие стаканы мать налила томатный сок.

– Людмила Александровна, – простонал Борис, – зачем это всё? Живот переполнен. Пожалуйста, уберите у меня с тарелки половину. Я правда не съем, жалко потом выбрасывать.

– Мама, и у меня тоже.

– Ребята, какие-то вы слабаки. Отец, а хоть ты съешь? Или тоже...

– Съем. Удовлетвори просьбу ребят, и давай послушаем, что было дальше.

Наконец все расселись за столом.

– Давай, сын, продолжай. Мы тут все испереживались, не утопил ли ты в этой пучине.

– А на чём я остановился?

– Что тебя накрывала набегающая волна...

– Да. Я отдышался, отплевался и снова на коленях пошёл. А вокруг ни души. Только машина невдалеке проехала, но, видно, не заметили меня, а подняться сам я не могу, ног под собой совсем не чувствую, и руки отяжелели до такой степени, что шевельнуть ими не могу.

– Господи, какие муки ты испытал, сынок. Спаси тебя и сохрани!

– Спасибо, мама. Только ты способна меня понять.

– Не отвлекайся. Когда уже конец будет этой луже. Полчаса уже по ней ползёшь.

– Не знаю, сколько я так передвигался. Время для меня тогда остановилось. Наконец выполз на мель, обхватил фонарный столб и с большим трудом поднялся. Стою, держусь и плачу... Ноги дрожат. Одежда намочла и так отяжелела, что мои плечи оттянулись до пояса. Поднял я голову и вижу перед собой кафе «Незабудка»...

– «Незнакомка».

– Что?

– Я говорю, что кафе называется «Незнакомка», – уточнил Борис.

– Может быть. Я до того ослаб, что и видеть стал плохо.

– Вещи с тобой или утопил? – спросил, подавляя смех, отец.

– Рядом стоят. Хотел крикнуть, а голоса нет, один хрип изо рта вырывается и пена. Тут-то меня и осенило, что к вам я выехал в пятницу тринадцатого.

Борис не выдержал и снова уронил голову под стол.

– Нет, думаю я, меня так просто нечистая сила не возьмёт, не дамся. Схватил я сумку с чемоданом и, как робот, не сгибая ног в коленях, поплёлся в «Недотрогу».

– Толян, остановись, давай выпьем, – Борис поднял голову, из его глаз на рубашку катились слёзы, оставляя на ней расплзающиеся пятна. – Ты людей береги. Я просто погибаю от смеха.

– Вот, мама, какие разные бывают люди, я погибал от озноба, а он от смеха. Отца, смотрю, тоже сильно не волнует судьба сына. Видишь, как его корёжит.

– Толюшка, мне начинает казаться, что ты немного привираешь.

– Значит, и ты мне, мамочка, не веришь. Что ж, насильно мил не будешь.

– Зачем ты такое говоришь, мать только расстраиваешь. Продолжай, сынок, я тебя слушаю. Это я по глупости своей сболтнула. А на них не обращай внимания. Это водка в них смеётся.

– До кафе, мама, метра три осталось. А в организме только сердце работает да одна мысль свербит: выпить горячего чаю. И вас обнять перед лютой, холодной смертью.

Мать шмыгнула носом и поднесла уголок платка к влажным глазам.

– Открыл я дверь, – продолжал Анатолий с серьёзным видом, жуя с аппетитом котлету, – и рухнул замертво. Что было дальше, не помню. Сознание отключилось полностью, только чувствую, как мне в рот вливают водку и с каждым её глотком тело начинает оживать, а рассудок приходит в норму, правда, не до конца. Пелена стоит перед глазами. А я как во сне. Перед глазами фильм «Табор уходит в небо», где я главный герой, Забар. В это время чувствую, что кто-то пытается мне делать искусственное дыхание «рот в рот». А губы мягкие, сочные... И запах духов!.. После такой терапии умирать мне совсем расхотелось. Подняли меня, водки ещё налили, чай горячий...

– Ты в кино, сынок, немца, что ли, играл?

Борис взвизгнул и вышел на улицу.

– Я так больше не могу, – простонал он.

– Миша, чего это он? Никак плохо. Поди посмотри, кабы не случилось чего. И постоянно смеётся как дурачок. Водка на него, наверное, так действует. Я ещё девчонкой была, так у нас в селе...

– Ну, понесло... Водка ей виновата. А то, что Толька... – он махнул рукой, засмеялся и вышел вслед за Борисом.

Тот стоял на крыльце, курил, время от времени сгибаясь и смеясь.

– Ты как себя чувствуешь, Боря? Не плохо тебе? – спросил Михаил Романович.

– Ещё немного – и я погибну от смеха. Никогда в жизни так не смеялся. Но домой надо идти. Не хочется, а надо. И ночь на дворе. Толе надобно было в артисты идти. Такой дар пропал!

– Может быть... Это он когда на корабле служил, уже при чинах ходил, то приезжал в отпуск и рассказывал про случай один. Возвращается он из дома утром на корабль, а в руках держит блок американских сигарет. Верблюды на них нарисованы. Ему их друг из-за границы привёз. И он решил всех разыграть. «Camel» называются. Вроде бы так, точно сказать не могу. Все к нему, мол, угости. А он им: «Пойдите и купите». И дальше идёт с важным видом. «Где?» – спрашивают его. «Так на улице Светлой в магазин, где я живу, завезли три здоровенных коробки. В нём, кроме молока, хлеба и другой мелочи, сроду спиртное и табачное никогда не продавалось. Может, что-то перепутали. Сказали, что контрабандный товар. И продают по сниженной цене. Ровно на половину ниже, чем в киосках. По такому случаю я даже домой за деньгами сбегал. Только на блок и хватило. Жалко. Можно было бы взять пачек сто. И самое главное – никого в магазине нет, кроме трёх старушек. Обычно утром только они за молочком заходят». И тут народ загоношился. «Толя, – говорят, – мы сейчас пойдём к командиру, отпросим тебя, соберём деньги и откомандируем в магазин». И машина наживы закрутилась. У нас же что в крови сидит: на халяву и много. Короче, командир тоже курящий оказался... Начался сбор денег и составление списков. Через минут сорок Анатолий с целлофановым мешком денег сошёл на берег. А сигарет, как ты понимаешь, в том магазине нет и никогда не было, тем более с такой скидкой. Пошли за стол, он сам дальше расскажет.

– Михаил Романович, домой буду собираться. Ночь на дворе, жена ругаться будет.

– Боря, пять минут дело не решают. А история сама по себе интересная.

Они вошли на кухню. Анатолий, кряхтя от удовольствия, пил чай.

– Вы чего так долго?

– Боря уходит собрался. Доскажи ему быстро историю с сигаретами, а то я начал... Закончил, когда ты сошёл с корабля на берег.

– История и правда была интересная, – Анатолий широко улыбнулся, вытер со лба пот, откинулся на стуле и далеко под столом вытянул ноги.

– Нет, мои хорошие, мне честно надо идти. Спасибо за всё, особенно вам, Людмила Александровна, за такой вкусный ужин и радужный приём, вам, Михаил Романович, как главе этого семейства, ну а тебе, Толя... даже не знаю, как и выразиться.

– Выразиться хочешь? Для моряка это как пчёлке мёд. Выражайся. Нет никаких возражений, Боря. Поэтому придётся тебя проводить. А с другой стороны, прогулка на свежем воздухе мне сейчас крайне необходима. От переизбытка пищи и от кислородного голодания у меня начинают плавиться мозги, хотя прекрасно понимаю, что в голове военного человека их нет. Она ему дана, чтобы носить фуражку. Ещё он ею ест, говорит, курит и целуется. Последние два элемента с возрастом утрачивают свою первоначальную значимость.

– Толик, ты хоть сам понял, что сейчас сказал? Ляпнет что-то – хоть стой хоть падай... – Людмила Александровна поджала сухие губы и ту же затянула узел платка под подбородком.

Новоявленные друзья стали собираться.

На крыльце Михаил Романович сунул Борису увесистый пакет.

– Что это, Михаил Романович?

– Жену с детишками рыбкой свежей побалуешь.

– Батя, это уже взятка должностному лицу при исполнении служебных обязанностей. Сейчас мы тебя сопроводим в полицию... Потом суд... Десять лет с конфискацией имущества. Мама, пока мы

его ведём, ты закопай всё ценное в огороде. Минут через тридцать придут делать обыск. Я отвожу себе роль понятного.

– Людмила Александровна, не слушайте этого балабола. Спасибо вам, Михаил Романович, большое. Жена обожает рыбу.

– Я вам изредка буду подбрасывать пару-тройку хвостов.

– Налицо преступный сговор органа правопорядка и преступного элемента, – засмеялся Анатолий.

– Толя, брось пугать родителей. Это я сейчас отведу тебя в полицию и буду с пристрастием вести допрос, откуда в тебе цыганские корни. Ещё раз спасибо вам всем, – Борис обнял хозяев дома. – Ничего не бойтесь и ни о чём не волнуйтесь. Скоро ваш сын будет дома. Вы же знаете, где я живу?

– На Строителей?

– Совершенно верно. До свидания и ещё раз спасибо за всё.

Анатолий снова надел отцовские вещи.

– Я готов! Впереди нас ждут великие открытия и потрясения! – оттрапоровал он.

Они вышли. Одинокая луна на чёрном небе, купаясь в таких же чёрных лужах, излучала таинственный свет, делая окружающее сказочной картиной. Серые тени от деревьев и столбов походили на призрачные чудовища.

– Смотри, как интересно, – мотнул головой Борис.

– У меня за последние три дня столько интересного было, что вот это, по сравнению со всем остальным, чушь какая-то. Боря, – обратился Анатолий к спутнику, – ты трудишься в такой организации, где аналитическое мышление должно работать на высшем уровне. Объясни мне значение пословицы «И волки сыты, и овцы целы».

– А это значит, дорогой мой, что эти самые волки сожрали и пастуха, и его собаку, – улыбнулся Борис. – Слышал я этот прикол.

– Цивилизация глубже и глубже пускает корни во все слои общества.

– Если ты такой продвинутый, тогда мне тоже скажи: как пьют наши мужики?

– Как пьют ваши – не знаю, а на флоте пьют из одного стакана, наливают каждый сам себе и разводят спирт по своему усмотрению.

– Грамотно! А у нас сначала он выпивает то, что хочет, потом – что может, а уже в конце – что осталось.

– Мудро!..

Из-за угла с жалобным криком выбежала кошка и перебежала дорогу. Новоиспечённые друзья встали как вкопанные.

– Этого еще мне не хватало! – перекрестился Анатолий. – Давай постоим, подождём, пусть хоть кто-нибудь пройдёт. Хватит пока что с меня приключений. Ты не заметил, какого цвета была кошка? Дай-ка мне, Боря, сигаретку.

– Ты разве не знаешь, что ночью все кошки чёрные? А сигарету не дам. Если бросил, то начинать не надо. Вон, кстати, и машина едет. Она тебе подходит, капитан второго ранга?

– Мне сейчас всё подходит.

Подъехав, машина остановилась, из открытой двери выглянула белокурая шевелюра:

– Борис Михайлович, подвезти?

– Спасибо, Гена, я пешочком пройду. Врачи рекомендуют ходить перед сном. Не слыхал?

– Они много чего другим рекомендуют, а сами этого не выполняют. Счастливой дороги, Борис Михайлович, – и машина, взвизгнув задними колёсами, стремглав помчалась по дороге.

– Шофёр из военкомата. Хороший парень. Хочу его к себе переманить. Голова у хлопца на месте, и десантник бывший. В прошлом месяце трёх залетных бандюков сам взял, связал и к нам доставил. Мы его к награде представили. Ну, идём, что ли? Чего стоять? У меня пакет до того тяжёлый, что руку обрывает. И чего в него твой батя положил? Давай уже, рассказывай свою байку про сигареты.

– Собрали мне почти целый целлофановый мешок денег, дали форматный лист, исписанный с двух сторон, и я сошёл с корабля. Все на радостях, видно, забыли, что на этот день передали штормовое предупреждение. А ветерок и правда начал усиливаться. Ну, я ноги в руки и быстро пошёл в город, пока не вернули назад. Сел в автобус и поехал домой. Пока доехал, ветер стал дуть с такой силой, что деревья пригибал к земле. А это значит, что в такую погоду в обязательном порядке все корабли выходят в море штормо-

вать. Ну а у меня неожиданно образовался краткосрочный отпуск аж на шесть дней.

– А когда вернулся на корабль, как тебя встретили?

– Как встретили?.. Чёрной завистью, естественно. Но мне пришлось пять пачек отдать командиру и три старшему помощнику. Хорошо, что наш главный идеолог не курил.

– А остальные?

– Что остальные?.. С радостью получили назад свои деньги.

– Но ты же как-то должен был объяснить, что не принёс сигарет...

– Во всём была виновата погода. Провода оборвало, деревья повалило... А когда стало утихать, сигарет в магазине уже не было. Купил последние восемь пачек.

– Ты неисправимый авантюрист, – засмеялся Борис. – Не могу больше смеяться, мышцы живота болят.

– Что есть, то есть. А сколько таких случаев за службу было... И не перечить. Честно сказать, женщин у меня было, что капель в море. Одна особа знаешь, что мне сказала? Что женщина, как правило, не обращает внимания на красивого мужчину, а вот на мужчину, идущего с красивой женщиной, – обязательно.

– Толя, а ты красивый?

– Какой странный вопрос. Даже очень. А душой?.. Разве не видно.

– Сам понимаешь, ночь. А днём не до этого было. У меня будет время разобраться, – и он снова рассмеялся. – Вот я и пришёл. Толя, в дом не приглашаю. Во-первых, немного поздно, а во-вторых – маленький ребёнок, вчера три месяца исполнилось. С ним не посидишь толком. Ты на сколько приехал?

– На две недели.

– Значит, ещё увидимся. Я в обязательном порядке должен узнать кочевой удел цыганского барона. Если не будешь занят, приходи ко мне завтра часиков в шестнадцать, что-нибудь придумаем. У тебя телефон с собой?

– Я его потерял, когда упал в лужу.

Борис снова согнулся и начал надрывно смеяться.

– Иди, Толя, иди. Я больше так не могу. У меня диафрагма и мышцы живота невыносимо болят, даже дышать трудно. Спокойной ночи, – и он снова издал подобие страдальческого смеха.

Ночью Анатолий спал плохо. Переполненный желудок налегал на лёгкие и сердце. Было трудно дышать и давило за грудиной. Его постоянно мучили какие-то сны. Один сменял другой, как кадры кинохроники.

Вот он курсант первого курса Военно-морского училища. Всё ново, всё впечатляет. Масштабы Ленинграда столь огромны, что сельскому пареньку затеряться в нём было очень просто.

Накатавшись в диковинном метро, Анатолий вышел на Финляндском вокзале, перешёл Литейный мост и пошёл по Литейному проспекту в сторону Невского. Захотелось есть. Достопримечательности отошли на второй план, и он глазами искал столовую. Наконец его взор остановился на вывеске «Грузинская кухня». Не раздумывая, он открыл дверь и шагнул внутрь. Это была обычная столовая, пахнувшая чем-то неизвестным и загадочным. К нему подошла девушка в замызганном белом фартуке и подала меню. Толья открыл его и стал читать. Названия блюд ничего не говорили.

– Выбрал? – снова подошла та девушка.

– Да. Мне, пожалуйста, харчо и... – его глаза быстро забегали сверху вниз, – и ар-та-ла, – прочитал он по складам, густо краснея.

Она хмыкнула и ушла.

Минут через десять официантка поставила перед Анатолием два первых блюда. Он изумлённо посмотрел на неё.

– Ты это сам будешь есть?

– Сам, – прошептал Анатолий, понимая, в какую глупую историю попал.

Потом снилось, как порвавшимся швартовым концом ему сломало обе кости на левой голени... Как у машины в городе отказали тормоза и он, отводя беду, направил её прямо в дерево.

– Сынок, сынок, – мать тормошила его за плечо, – проснись, ты стонешь во сне. Не заболел ли?

– Всё нормально, мама, приснилось, как я в лесу провалился в берлогу к медведю и он стал рвать меня на части.

– Господи, страхи-то какие... Свят-свят-свят!.. Ты не заболел? Перевернись на другой бок и скажи: «Куда ночь, туда и сон».

– Хорошо, мама. Иди спи. Всё нормально.

И Анатолий снова погрузился в очередной сон. Теперь он на четвёртом курсе. Практика на Северном флоте закончилась, и он летит домой, где его с нетерпением ждёт молодая жена. Он тоже от предстоящей встречи весь в напряжении. Для большего эффекта он купил классные, белые в обтяжку, плавочки, которые сейчас на нём.

Его появление в доме произвело настоящий фурор. Все Толю обнимали, целовали, трогали и радостно смеялись, а потом снова обнимали, целовали и опять трогали. У Анатолия же мысль была только одна: «Как можно быстрее остаться вдвоём с женой». Наконец родственники тоже поняли это и под различными предлогами исчезли из квартиры. Вот она, долгожданная минута счастья! Молодые бросаются друг к другу, срывая с себя одежду. Ещё одно мгновение и... И в это самое время Анатолий получает пощёчину. Как потом выяснилось, Вовка Максимов и Славка Денисов, когда перед выходом их казармы Толя мылся в душе, намазали себе губной помадой губы, где только они её взяли, и наставили на задней части плавков множество своих отпечатков. Анатолий в спешке и не заметил, надевая их на себя. И вот – плачевный результат любовного порыва. Сторонясь от хлёсткого удара, Анатолий резко отклоняет голову и со всего маху бьётся головой о стену, отчего сверху срывается вставленный в рамку свадебный портрет родителей. Сна как не бывало. На лбу мгновенно вырастает огромная шишка, а осколок разбившегося стекла разрезает руку в области плеса. Постель мгновенно пропитывается кровью.

В доме начинается суматоха. Мать чистым баннным полотенцем туго перевязывает рану, отец вызывает «скорую помощь», а кукушка на часах равнодушно кукует четыре раза.

12

В больнице заспанный хирург обработал рану и наложил четыре шва, сказав, что с шишкой ничего делать не надо, только прикладывать грелку со льдом, а ещё ходить каждый день в поликлинику на перевязку. Потом ему сделали укол от столбняка и, что-то записав в журнал, отпустили домой.

– А швы когда снимать будете? – спросил Анатолий.

– При хорошем прогнозе дней через шесть-семь. Рана глубокая. И рекомендую кровать отодвинуть от стенки минимум на метр, – засмеялся представитель гуманной профессии.

– Доктор, у меня к вам вопрос.

– Слушаю вас.

– А я смогу играть на домбре?

– Не переживайте, конечно, сможете! А вы что, на ней играете?

– Нет. Просто я до этого на ней никогда не играл.

– Мне сейчас не до ваших дурацких шуток! Идите! Я вас больше не задерживаю.

«Да-а-а, однако влип, – горестно подумал Толя, выходя из кабинета. – Вот тебе и пятница тринадцатое... Хочешь верь, а хочешь не верь. Одно за одним, одно за одним... Прямо несчастье какое-то. Может, в церковь сходить, помолиться, – продолжал размышлять он. – Нет, лучше маму пошлю. Она в курсе всех этих дел».

Домой приехали около восьми часов. Отец быстро выпил стакан холодного молока и уехал на работу, а сын, утомлённый изнурительной ночью, не дождавшись завтрака, лёг на диван и тут же уснул. Мать долго стояла и смотрела на родное лицо, украдкой вытирая полотенцем глаза.

«И чего ему так не везёт?» – горестно подумала она.

Взяв с полки Молитвослов, Людмила Александровна принялась читать молитвы. Сын в это время легко вздохнул, радостно во сне улыбнулся и повернулся к стенке.

Мать перекрестила своё великовозрастное чадо и, достав из шифоньера бутылочку со святой водой, сбрызнула ею сына, а потом отправилась на кухню выполнять хозяйственные дела.

13

В начале первого пришёл на обед муж вместе с Борисом.

– Людмила Александровна, здравствуйте! Где это ходячее несчастье?

– Борюшка, не шуми. Спит ещё Толя. Намаялся, бедный, за ночь.

– Он что, сюда спать приехал? Пора вставать! Я ему телефон купил. Подъём, бездельник! – Борис вошёл в зал и присел на диван в ногах у многострадальца. – Хорошо выглядишь! Молодец! И глаз

даже не заплыл, ну а с шишкой ты напоминаешь сказочного единорога. Вы социально опасный человек, Анатолий Михайлович. Вас следует бояться! – приснул Борис.

Толя встал и подошёл к зеркалу. Оттуда на него смотрело обезображенное и искривлённое лицо. Он попытался улыбнуться. Радости не было вообще.

– Чертовски красив, – печально произнёс он. – Вот и не верь теперь в чёрные силы.

– Толя, я тебе телефон купил.

– Какого он цвета? – грустно спросил тот.

– Чёрного...

– Мой любимый цвет...

Борис от смеха сполз с дивана на пол.

– Что тут у вас за веселье? – в зал вошла Людмила Александровна. – Мне плакать хочется, а им весело.

Отец покачал головой:

– Если говорят, что шрамы украшают мужчину, наверняка врут, – и он хмыкнул.

– Когда я прыгал на тарзанке...

– Что?.. – Борис упал на пол и начал стучать по нему рукой, неистово хохоча.

– На что ты, сынок, прыгал? – тихо спросила мать и в ужасе прикрыла рот рукой.

– Толя, – стонал Борис, катаясь по полу и икая от смеха, – молчи, побереги родителей, да и меня тоже, иначе сейчас здесь может произойти всё что угодно, вплоть...

– Для несведущих, между прочим, по-иноземному это называется банджи-джампинг. Это, мам, у нас на флоте так величают кровати. И когда на корабле тревога, надо быстро соскочить с неё и бежать на свой пост. Ведь всё может быть, включая и войну.

– Свят-свят-свят... – перекрестилась мать. – И что? Прыгнул ты с этой атаманки...

– Не атаманки, а тарзанки... Ногу сильно подвернул. Молодой тогда был, неопытный... Месяц потом хромал.

– Сейчас-то как ходишь? Не болит?

– Не волнуйся, мама, ничего не болит, бегаю, как северный олень.

– Толя, а с парашютом ты не прыгал? Хотя ты же моряк... – хитро спросил отец.

– На провокационные вопросы сегодня не отвечаю. Вы меня кормить собираетесь? Мне как раненому сейчас положено усиленное питание.

– А всё, сынок, готово. Сейчас я только борщ разогрею. Пять минут! Вы пока руки мойте и за стол садитесь.

– Людмила Александровна, я, наверное, побегу, – засобирился Борис.

– Куда ты, Боря? Бросить раненого товарища на поле боя?.. Так поступают только предатели и подлецы. Но ты к ним не имеешь никакого отношения. И мою маму надо слушаться, – Анатолий подошёл к ней, обнял её и поцеловал. – Мамочка, под настроение я расскажу тебе про банджи-джампинг. Смеяться будешь как умалишённая. Но великолепное настроение пока только у Бориса. Ничего, будет и на нашей улице праздник. Правда?

– Правда, сынок.

– Сегодня праздник, – Михаил Романович поставил на стол бутылку, – грех не выпить.

– Какой, Миша? Что-то я запамятовала, – обеспокоенно засуетилась Людмила Александровна.

– Как какой? Анатолий три дня как приехал. Праздник? Ещё какой! Он теперь в посёлке первый человек, всё и всех покорил, даже доктора не оставил в покое.

– Что он там уже сморозил?

– У хирурга спрашивает: «После этой раны я смогу играть на...» Замятовал. Толя, на чём ты хотел играть?

– На домбре.

Борис опять залился заразительным смехом.

– Дорогие мои, простите меня, пожалуйста, но я уже не могу себя контролировать, живот со вчерашнего дня болит. И сдержаться себя не могу.

– Ничего здесь страшного нет. Смейся, если смешно. Толя, а домбра – что это?

– Папа, это народный музыкальный инструмент казахов. Напоминает нашу балалайку и мандолину.

– И ты на ней играешь? Где такому научился? – спросила удивлённая мать.

– В консерватории имени Гнесиных.

– Эко тебя куда занесло! А Гнесины – кто это?

– Долго рассказывать. Одна знаменитая музыкальная семья.

– И много их было? – поинтересовался отец.

– Пять сестёр. Три старших и основали частное музыкальное училище, ставшее в дальнейшем Российской академией имени Гнесиных. А их брат был композитором. Вот какие люди жили на свете. А ваша самая большая заслуга состоит в том, не в обиду сказано, что произвели на свет меня. Но за это, увы, не дают премий и наград. Долой вопросы и пытки, есть хочу, выпить хочу. А то за разговорами скоро и ужин наступит. Батя, наливай! – махнул он рукой.

– Толя, тебе, наверное, нельзя. Всё-таки операцию ночью сделали.

– Мама, я по этому поводу у доктора поинтересовался. Он разрешил, но предупредил, чтоб не увлекался, а принимал не больше литра.

– Какой же ты у меня болтун, – мать поцеловала сына в макушку. – Когда меня порадуешь и сыграешь на домне?

Борис поперхнулся и закашлялся. Михаил Романович похлопал его по спине.

– Надо казаха найти, тогда... – улыбнулся Анатолий. – Я когда приехал, свою за спиной нёс, а упал – верёвка и оборвалась. Инструмент ветром по волнам унесло. Мне было не до его спасения. Самому бы выжить. А домна, мама... – он потряс рукой в воздухе.

– Приятного аппетита, мои хорошие. Я сегодня опять ухой вас решила побаловать.

– А ты, мама, чего не с нами?

– Я, пока вы тут валандались, уже нажевалась. Миша, а ты на водку не налегай, тебе на работу.

– Не переживай, я отпросился. Причина очень веская – сын приехал.

– И я тоже должен был с проверкой ехать, а машина в дороге поломалась, – оправдывая своё присутствие, произнёс Борис.

– Тогда ладно. Но всё равно много не пейте. А я пойду прилягу. Ночь была очень беспокойная. Вы уж извините меня. Миша, оставляю тебя за хозяина. Следи, чтоб голодным никто не остался.

– Конечно, пойдёшь поспать. И не волнуйся, всё будет хорошо. Мама, только у меня к тебе один очень деликатный вопрос. Ты мне в детстве говорила, что меня нашли в капусте, а вот Бориса аист принёс. Почему так?

– А потому, что ты был тяжёлый и он тебя выронил по дороге, – засмеялся отец. – Люда, иди отдыхай. А то у него этих вопросов пруд пруди.

14

Выпив, все принялись за еду. Рядом на тарелке лежали огромные куски и головы сваренной рыбы.

– Как вкусно Людмила Александровна готовит! Оторваться нельзя! – время от времени восклицал Борис.

– Боря, ты бы нам тоже рассказал что-нибудь интересное. На вашей службе этого добра должно быть в изобилии, – попросил Анатолий.

– Толя, такого таланта, как у тебя, у меня, конечно, нет, но попробую. Михаил Романович, вы должны помнить Славку Зимина. Вечно он шатался по посёлку в поисках неизведанного.

– Конечно, помню этого шалопаю. Красивый был парень. Он, по моему, даже за что-то сидел. Но года три, а может, и больше, я его не вижу.

– А сидел он за мелкую кражу около года. Так вот, он помылся, побрился, расчесал свои кудрявые чёрные волосы, надел на себя приличные джинсы, футболку иноземную, на пляже, видимо, украл, хотя заявления о пропаже в милицию никто не подавал, и поехал в Пензу. Там нашёл красивенькую и богатую дамочку лет сорока, представившись ей предпринимателем из Саратова, жил у неё с неделю, а в субботу пригласил в шикарный ресторан. И только они спустились вниз, как Вячеслав горестно всплеснул руками и хлопнул в отчаянье себя по бёдрам.

– Ёлки! – огорчённо воскликнул он. – Я в прихожей на зеркале забыл расчёску и платочек. – Он ласково обнял Светлану, прижал к себе и поцеловал её. – Какой я растяпа!

– Без этого можно обойтись, дорогой. Возвращаться – плохая примета. Поехали, – показала она рукой на ждущее их такси, – по дороге всё купим.

– Извини, Семицветик, я не могу. Платочек мне подарила и вышила мама, сказав, чтоб он постоянно был при мне как оберег.

– Тогда быстренько сходи, – она порылась в сумочке и дала ему ключи. – Сам справишься? Мне подниматься не надо?

– Зачем? Три минуты – и я у твоих ног! – засмеялся он, снова целуя Светлану.

Вячеслав лифт ждать не стал, пулей влетел на пятый этаж, стремительно открыл квартиру. В мгновение ока побросал в заранее подготовленную сумку драгоценности и всё, что он считал ценным. Деньги рассовал по карманам. На это у него ушло не более двух-трёх минут. Теперь требовалось затуманить разум уже надоевшей ему «любимой». Быстро взяв на лоджии букет алых роз, купленных ранним утром, когда Светлана ещё спала, он вылетел на улицу.

– Радость моя, – Вячеслав встал на колени перед Светланой, – это тебе в знак нашей любви!

– Спасибо, родной! Какая прелесть! – её глаза увлажнились. – Где ты их взял?

– Женщина на четвёртом этаже выносила их из квартиры. Видно, на продажу. Я у неё и купил.

– Как приятно! Я тебя обожаю! – шепнула она ему на ухо и поцеловала. – Поехали быстрее!

Они сели в такси, которое помчало их по начинающим темнеть улицам Пензы.

Цель была достигнута. Ключ остался лежать у него в заднем кармане джинсов.

Вскоре Вячеслав и Светлана подъехали к залитому огнями ресторанному комплексу «Ереван». Буквально в дверях они столкнулись с молодой парочкой, как потом выявило следствие, приятелями и подельниками Вячеслава. Все мило извинились, а затем и познакомились. Звали новых знакомых Лида и Серёжа. Сегодня они подали заявление в ЗАГС и решили отметить это грандиозное событие в ресторане.

– Боря, ты так подробно рассказываешь, будто не он, а ты был на его месте, – прервал повествование Анатолий, разливая водку и накладывая гречневую кашу с куриной ножкой.

– Толя, это было громкое дело. Об этом даже областная газета писала. Давайте выпьем, да я вам доскажу эту историю.

– Я что-то припоминаю подобное, – крикнул Михаил Романович и захрустел солёным огурцом.

– Слушайте дальше. Общим решением Вячеславу поручили заняться сервировкой стола. Просили только не скупиться. И он разошёлся. Стол просто ломился от яств. Проще сказать, чего на столе не было.

– Милый, – нагнулась к уху Славы Светлана, – ты уверен, что мы за всё это сможем рассчитаться? Я взяла немного денег, но боюсь...

– Не переживай, радость моя, я сегодня для этих целей снял деньги в банке, – и он хлопнул себя по оттопыренным карманам.

– Я всецело полагаюсь на тебя, Славочка. Но разве можно всё это съесть и выпить?

– Что не съедим, понадкусываем, а остальное заберём с собой, – он громко захохотал. – Как тебе такая мысль?

– Ну тебя, – махнула Светлана рукой и тоже рассмеялась.

Ели много, а пили ещё больше... Курили, танцевали и даже пытались петь.

– Мальчики и девочки, есть очень деловое предложение – пойти на улицу и подышать воздухом, – сказал Вячеслав вставая. – То ли в зале душно, то ли мы сами стали горячими.

Предложение было восторженно принято.

Слава и Сергей, слегка приотстав, шли сзади.

– Серый, вот ключи, – он сунул ему их в руку. – Ты всё запомнил, что я тебе говорил? Ничего не забыл? Сумка стоит у двери слева. Больше нигде не лазь и ничего не ищи, я всё забрал. Не забудь включить утюг, он на кухне на гладильной доске стоит, и открыть газ. На всё это тебе даётся полторы минуты. Ясно?

– Да понял я всё.

– Такси останови у соседнего дома и отпусти его. Назад поймешь другую машину. Когда сюда подъедешь, наберёшь меня. В ресторан не входи. Жди, когда выйдем сами. Моя задача сейчас – накачать её коньяком. Вперёд, удачи!

На улице было по-летнему прохладно. Матовые фонари, вокруг которых веселилась мошкара, давали неяркий томный свет.

– Девчонки, угостите сигаретой, я свои на столе забыл. Что-то сегодня всё забываю. Видно, старею, правда, Семицветик? – засмеялся он, обнимая её. – Тебе не холодно? – он обнял женщину сзади, поцеловал в шею.

– Теперь нет, – улыбнулась она, и в её глазах засверкали искры. – А где Серёжа?

– Где-то сзади. Знакомых встретил, разговаривают о чём-то. Ну что, девочки, остыли немного? Приглашаю к столу. Один спрашивает другого: «Почему ты такой грустный?» – «Паспорт украли». – «А ты ходил в полицию?» – «Ходил... Не они...»

Все засмеялись.

Когда сели за стол, Вячеслав наполнил рюмки до краёв, встал и торжественно произнёс:

– Девочки, не хотел говорить, но вдруг накатило. Сегодня ровно три года как я открыл свой бизнес и возглавил предприятие. Считаю, что только своим упорным трудом мой капитал приближается к миллиону. Не делайте, пожалуйста, круглые глаза, не задавайте вопросы про мой бизнес... Всё потом. Я предлагаю тост за меня, пусть это никому не покажется нескромным, и моё дело, которое кормит меня, а сегодня и нас. И у меня возникла шальная идея: выпить за эту дату по три рюмки. За каждый год по одной! Не возражаете?

– Мы тогда будем совсем пьяные. Правда, Света? – засмеялась Лида.

– Что правда, то правда. Но, думаю, такое событие надо поддерживать.

– Умница! – Вячеслав наклонился и долго целовал её в губы, наконец оторвался и, тяжело дыша, произнёс: – Ну, первая пошла!

Все выпили, кроме Лиды, которая незаметно выплеснула рюмку под стол.

Закусив конфетами, Вячеслав налил снова. Зазвонил телефон.

– Я через минуту вам позвоню, – он отключился. – Деловой звонок, – улыбнулся Слава и своей ногой толкнул ногу Лидии. – Давайте выпьем, и я отойду, поговорю.

Лида понимающе кивнула.

Теперь не только Лидия, но и он выплеснул свой коньяк. С жадностью выпив стакан минеральной воды, Вячеслав встал.

– Девчонки, не скучайте, я отойду в сторонку. Только сделаю один звонок. Официант, нам четыре кофе принесите. Только покрепче, – сказал он проходящему официанту.

– Светочка, пока он звонит, пойдём сходим в туалет. Надо освежиться и привести себя в порядок.

Короче, вся троица успешно исчезла из ресторана, уехав на такси. Светлану почти до утра продержали в полиции из-за неуплаченного стола, а в это время «успешно» сгорела её квартира. Сергея и Лидию через месяц взяли на юге, а вот Вячеслав как в воду канул и до сих пор находится в розыске. Вот такие у нас случаются истории. Давайте, друзья мои, выпьем «на коня», и я побегу домой. Утром вместо начальника в область на три дня надо ехать. Михаил Романович, вы Толю кладите спать вдали от острых углов и стен и прячьте от него острые и режущие предметы как от социально опасного человека. Жалко, что сегодня не удастся услышать продолжение про цыганского барона, – засмеялся Борис, прощаясь со всеми. – Толя, запомни, а лучше запиши где-нибудь, чтоб в спешке не забыть: «Нескафе» – ведущий производитель банок для окурков»!

– Вот что значит не курить. Важнейшая информация пролетает мимо со скоростью света!

15

Прошло десять дней, и Анатолий заскучал. Везде он уже побывал и всех видел, даже заходил к знакомой на чай, а утром ел яичницу и пил кофе. И швы ему на руке сняли... Даже со скуки постригся. А ещё купил классные ботинки – старые совсем развалились.

Боря, с которым он успел сдружиться, появлялся редко. У них на железнодорожной станции произошло крупное хищение, и тот всецело был занят раскрытием этого дела.

Время начало тянуться резиной. Пробовал книгу читать. Но и она не шла в голову. И сон куда-то девался, и подушка окаменела, и аппетит пропал... Тоска да и только. Только через четыре дня снова под его койкой застучат колёса и он поедет назад.

И вдруг он вспомнил о тех, с кем когда-то учился в Военно-морском училище, кого судьба разбросала по огромной стране.

Вначале стал звонить тем, кто жил подальше, потом переключился на Москву, через которую ему предстояло обратно ехать. И время тут же проснулось, вспомнив про свой стремительный бег. Но желанной радости от общения он не получил. Все были чем-то заняты и озабочены разными проблемами. И только его старый приятель, Вениамин Балуев, живущий в столице, радостно взвизгнул от предстоящей встречи.

– Толян! – кричал тот в телефонную трубку. – Как здорово, что встретимся! Поживёшь у меня дня три. Есть что вспомнить, есть что выпить и есть чем закусить.

– Веня, в этот раз ничего не получится. Я уже и билет взял, и домой надо ехать... Короче, отложим всё до следующего раза. У нас с тобой в Москве будет целых семь часов. Успеем друг другу надоесть.

– Не болтай ерунды. Диктуй номер поезда, вагон, дату прибытия и время. Да, и на какой вокзал прибывает поезд. Встречу. Слушай, продаю рецепт карьерного роста. У мужчины – от того, с кем он пьёт, а у женщины – с кем спит... Но есть и нюанс. Выпить с нужным человеком гораздо труднее, чем с ним переспать, – он прокурренным хриплым голосом засмеялся. – И ещё. Если берёзу поливать водкой – у неё тоже начинают отваливаться почки! Пока, – и он неожиданно повесил трубку.

С Вениамином они в училище жили в одном кубрике, вместе ходили в самоволки, почти одновременно женились... По окончании учёбы судьба их разбросала в разные стороны. Веня уехал на Север, служил на атомной подводной лодке, стал начальником штаба. Потом окончил академию и остался в Москве в штабе флота в отделе боевой подготовки. Там и получил капитана первого ранга. Теперь уже тоже демобилизовался. Жизнь его несколько не изменила. Он остался тем же бесшабашным Венькой, с которым Анатолий учился. Толя же попал на Балтику, на надводный корабль. Больших заслуг от Отечества не имел и уволился в чине капитана второго ранга с должности старшего помощника командира крейсера.

Последние дни дома напоминали авральную работу. Мать варила, жарила, пекла, а отец солил пойманную рыбу, сало, заворачивал в газету банки с вареньем, мёдом и ещё чем-то, потом клал их в целлофановые мешки и крепко перевязывал.

Курам и гусям рубились головы. И даже собирались за день до отъезда резать свинью, чтоб загрузить сына ещё и мясом.

Анатолий ни во что не вмешивался, зная, что слушать его никто не будет и всё сделают по своему усмотрению.

Наконец пришёл день отъезда.

Когда Анатолий увидел свой багаж, ему сразу стало нехорошо. В прихожей стояли шесть неподъёмных сумок и чемодан, на котором красовалась новая фуражка.

– Вы соображаете, что натворили? Как я всё это понесу? Это же не сел и вышел. У меня пересадка в Москве!

– Сынок, – запрочитала мать, – разве без гостинцев я тебя отпущу? Здесь мы тебя посадим, в Москве друг встретит, на такси переедешь на свой вокзал, а там носильщики тебе вещи куда хочешь доставят. Денег, не переживай, мы тебе дадим. А домой позвони, чтоб супруга попросила у знакомых машину, а то одному и правда тяжело будет.

Открылась дверь, и вошёл Борис.

– Здравствуйте. У вас в прихожей столько вещей стоит!.. Цыганский табор на кочёвку в другое место переходит? А где барон? – и он задорно рассмеялся.

– Привет труженикам блюстителей порядка! Со мной поедешь. Такого насилия над личностью я ещё не видел никогда. Ты попробуй. Ни одну сумку не оторвёшь от пола... Я в шоке! А что меня ждёт дальше, я даже представить не могу.

– Ничего, Толя, глаза боятся, а руки делают.

– Папа, тебе это здесь легко говорить. Побросали всё в поезд, смахнули слезу и поехали домой, а мне... Если будет трудно, выкину половину.

– Не расстраивай мать! Выкидывать он собрался... Там семья ждёт... Пустым явиться хочешь?

– Да ничего он не выкинет, Людмила Александровна, пугает вас, – улыбнулся Борис. – Михаил Романович, давайте потихонечку в машину складывать. То, что не войдёт в вашу, положим в мою.

Борис с шофёром, которого предусмотрительно взял с собой, и отцом героя начали носить вещи, а Анатолий с матерью стали переодеваться.

– Мне кажется, Михаил Романович, с подарками вы явно пого-
рячили, – кряхтя от напряжения, произнёс Борис.

– Ты знаешь, Боря, я тоже об этом сейчас подумал. Ничего, своя
ноша рук не рвёт и, самое главное, не упадёт больше, – преодоле-
вая одышку, произнёс Михаил Романович.

Неожиданно пошёл дождь. Закрыв машины, все побежали в дом.

Анатолий был одет как в день приезда, но смотрелся весьма
респектабельно.

– Дождь пошёл прямо некстати, – огорчённо произнёс отец.

– Хорошая примета – уезжать в дождь. Давайте присядем на
дорожку, – грустно произнесла мать.

– Этот дождь меня просто преследует, кошмар какой-то. Неуже-
ли пятница тринадцатого продолжает действовать? – Анатолий
шумно опустил на стул, закинув ногу на ногу. Все тоже присели.

– Толь, мы не допустим сегодня твоего нового заплыва, – рас-
смеялся Борис.

– Всё будет хорошо, сынок, не сокрушайся. С Богом! – мать под-
нялась и перекрестилась. – В добрый путь!

Все, защищаясь от дождя, быстро пошли к машинам. Анатолий
сел вместе с Борисом. Он был угрюм и малоразговорчив.

– Толя, я сегодня заходил в «Незнакомку». Помнят там тебя. Я
сказал, что ты сегодня уезжаешь. Они сокрушались, что ни разу не
зашёл к ним.

– Я с содроганием думаю о своём грузе, – не обращая внимания
на слова Бориса, произнёс Анатолий.

– Вот и приехали. Через двадцать минут ты начнёшь отдалять-
ся от нас. У тебя какой вагон?

– Девятый.

– А место?

– Тоже девятое.

– Хорошо. Вагон прямо напротив вокзала останавливается, а
состав приходит на первый путь.

Пока разгружали под навес вещи, объявили о прибытии поезда.

– Пусть они затаскивают вещи, а ты, Толюшка, постой со мной.
Когда теперь приедешь? – мать крепко прижалась к сыну.

– Приеду, мам... – они поцеловались.

– Доберёшься – позвони. Привет жене и ребятишкам передавай. Дай вам Бог всем здоровья!

– Ну, я побежал, мам. А то поезд уйдёт без меня, – он ещё раз обнял и поцеловал мать.

Попрощавшись по дороге со всеми, Анатолий вскочил в вагон и, повернувшись, помахал рукой. Мама стояла на перроне под навесом и плакала. Сыновье сердце вдруг сдавил спазм, и слёзы сами собой навернулись на глаза.

Поезд дал гудок и, набирая скорость, покатыл на запад.

16

До Москвы Анатолий доехал спокойно. Все пассажиры, чем-то озабоченные, больше молчали. Одни читали, другие разгадывали кроссворды, смешно шевеля губами и закатывая глаза, вспоминая то или иное слово, а третьи, попив чаю, ложились на полку и засыпали до утра. Анатолий предпочёл быть третьим.

Утром, слегка перекусив, Анатолий начал готовиться к высадке из поезда, понимая, что если ему никто не поможет, он никогда не выйдет из этого вагона и будет жить здесь вечно. За час до прихода он начал шевелиться.

Попросив соседа по купе, возвращающегося из отпуска солдата, помочь, они вдвоём вытащили в тамбур все вещи. Теперь Агеев был спокоен: друг встретит, друг поможет, друг подставит своё плечо...

Поезд в столицу пришёл строго по расписанию. Тот же солдатик помог вынести багаж на перрон.

Анатолий облегчённо вздохнул, ища глазами знакомое лицо. Но... такового не было.

Сзади кто-то похлопал его по плечу. Перед ним стоял с тележкой носильщик, мужчина лет сорока – сорока пяти.

– Командир, будем стоять или начнём передвигаться? Вещи сам понесёшь или я повезу? – хмыкнул он.

– Пожалуй, начнём грузить.

– Беженец? Не стой, помогай, – поднял красное от напряжения лицо носильщик. – У меня от одной твоей сумки грыжи в трёх местах повылазили.

– Почему беженец?

– Потому что нормальный человек столько вещей с собой в дорогу не возьмёт.

– Это моя карма. Расплачиваюсь... – Анатолий тяжело вздохнул. – А впрочем, трудности создаются для того, чтобы их с достоинством преодолеть. Слышал про такое?

– Говорили когда-то так у нас на корабле.

– Ты что, был моряком? Где служил?

– Моряк не бывает бывший, – назидательно произнёс носильщик. – И ты флотский?

– Старпом, правда, уже демобилизованный, крейсера «Октябрьская революция». Балтика.

– А я санинструктор на эскадренном эсминце «Благородный». Черноморский флот. Меня Егор зовут.

– Толя.

Они протянули друг другу руку для рукопожатия в форме краба.

Переговариваясь о былом, они, взявшись за ручки тележки, медленно двинулись в сторону вокзала.

– Куда едем?

– На стоянку такси. Мне на другой вокзал надо. Друг должен был встретить. Чего-то нет. Два варианта: либо проспал, либо загулял.

– Третьего не дано. Надо тебе, командир, большую машину искать. В обычную разве такое влезет? Где ты столько вещей насобирал?

– Если честно, я даже не знаю, что там лежит. Был в гостях у родителей, вот они и постарались.

– Думаю, плохого ничего не положили. Надо потерпеть.

– Это точно. А чего ты после службы медицинский не закончил? Я знаю, санинструктора все поступали. Лично я столько им характеристик подписал...

– Толя, я здесь за неделю зарабатываю столько, сколько врач за месяц. Семья... Жить хорошо все хотят. А что врачи, они сейчас только взятки берут. Знаний нет, лечить не умеют... У меня мать попала в больницу, так к ней не подходили до тех пор, пока в карман врачу не положили. И всё равно в итоге она умерла. Диагноз неправильный поставили.

Они выехали на площадь. Таксисты налетели, словно мухи на помои.

– Где Петрович? – спросил Егор, не обращая никакого внимания на их галдёж.

– Недавно уехал.

– А Фёдорович?

– Вон подъезжает.

– Пошли, Толя, к нему.

– Между прочим, очередь надо соблюдать, – выступил вперёд молодой таксист с сигаретой во рту.

– Это ты «очередь»? Глянь, сколько вещей. Я не возражаю, грузи в свою.

– Да я так просто, для порядка.

– Ну, если для порядка, стой и молчи. Поехали, Толя. У Василия Фёдоровича не машина – танк. На ней и поедешь.

– Егор, сколько я тебе должен?

– Командир, не рви сердце. Мы одной крови. И чтоб я взял деньги со своего? Удачной дороги!

– Спасибо, брат. И тебе всего доброго!

Они обнялись.

Погрузив в багажник и салон пресловутые вещи, Анатолий, хлопнув дверцей, покатил по улицам столицы, недобрым словом вспоминая Вениамина.

17

Не успел Агеев приехать на свой вокзал, как раздался звонок.

– Ты где? – прохрипел голос Балуева в трубке. – Я тебя по всей Москве разыскиваю.

– Да пошёл ты... На время посмотри. Должен был встретить, и что?..

– Прости, брат. Вчера с приятелем немного посидели, откушали литр. Сегодня головка бо-бо, во рту ка-ка. Проспал маленько, извини ещё раз. Ты переехал на свой вокзал? Сейчас буду, – и раздалась короткая гудки.

Минут через сорок вновь зазвонил телефон.

– У безрогого козла честная жена, – зарокотала трубка. – Где можно вас найти и припасть к груди, окропив её слезами радости и гордости? Я опять немного задержался. Организм, истерзанный насилием извне, находясь в преддверье коллапса, потребовал от меня пива. Я не мог ему отказать. Пришлось употребить две бутылочки с солёненькими сухариками. Теперь я к бою и походу готов. Так где вы, мой милый друг?

– Где я ещё могу быть? В зале ожидания, естественно.

– Это совсем меняет дело.

Вскоре в зале показалась коренастая, плотная фигура в камуфляжной форме. На боку висела чёрная сумка в форме портфеля, лямки которой были перекинuty на плечо через голову. Его рыжеватая пышная шевелюра, густые, до нижней челюсти обвислые усы на отёчном, одутловатом лице придавали ему воинственный вид. Увидев сидящего среди сумок Анатолия, он счастливо, на весь зал рассмеялся, подбежал и обнял старого друга, окутывая его сиушным перегаром.

Друзья не виделись одиннадцать лет, одиннадцать месяцев, четырнадцать дней, шестнадцать часов, семь минут и несколько секунд. Для человеческой жизни это целая вечность. В масштабах же Вселенной этот миг в миллиарды раз короче.

– Что я вижу! – прокричал он. – Вы превратились в мешочника, спекулянта и барыгу. Или это репетиция великого переселения народов? Может, ты переквалифицировался в вора на доверии? Откуда вещички?

– Из лесу, вестимо.

– Носильщик! – громко крикнул он. – Всё это, – он произвёл замысловатое движение руками над вещами Агеева, – в камеру хранения. И надо это сделать очень быстро, а то мы опоздаем на праздник мира и труда.

– Веня, какой мир, какой труд?.. У меня поезд через три с половиной часа.

– За это время космический корабль совершает три витка вокруг Земли. Не переживай, мы всё успеем. Нужен только темп. И если тебя не съел старческий склероз, вспомни: темп – наш современный чародей! Пойдёмте, сирота.

Зал сначала с ужасом, потом с интересом следил за встречей друзей. Это заводило и распаяло Балуюва, видевшего краем глаза подобную реакцию.

– Размышляя о сущности бытия, – плёл он, – должен заметить, что научно-технический прогресс и все его составляющие прошли мимо вашего чудесного города. «В нём живут несчастные люди-дикари...», мешочники, староверы и, не боюсь этого слова, недоумки. Они лают на луну, молятся на дупло дятла и превозносят страсть вместо миротворения.

Они подъехали к камере хранения. Анатолий глядел на Вениамина и восторгался. Прошло более четверти века, как они покинули училище, а человек, кроме как внешне, нисколько не изменился: те же жесты, та же мимика, то же построение пространной речи, та же манера преподносить себя... «Жаль, Борис не видит его, – подумал он улыбаясь. – Я по сравнению с ним глупышка».

– Балуюв, – повернулся к нему Толя, – годы тебя не меняют. Помнишь слова нашего начальника курса, сказавшего ещё тогда, что ты страшный человек. Подтверждаю это сейчас на сто восемь процентов.

Вениамин широко улыбнулся. Было видно, что эти слова пришлись ему по душе.

– Пошли быстрее, философ. Здесь недалеко есть чудесная чайхана. Там нас ждёт холодная водочка, горячий нарын, сочный шашлык и казахское радушие.

– Веня...

– Не гнуси. Успеешь уехать. Такие слюнтяи, как ты, в столице не приживаются. Здесь надо быть волком, иначе сгрызут.

Вскоре они вошли в полутёмный зал и сели за стол, над которым низко висел зонтиком абажур с лампочкой, дающей тусклый красный свет. Буквально через секунду перед ними вырос молодой человек с раскосыми глазами, в идеально чистой белой форме.

– Кайырлы кун! Калыныз калай? – неожиданно произнёс Балуюв.

Молодой человек что-то ответил ему.

– У нас есть два часа. Быстро и вкусно!

– Хорошо, Вениамин, сейчас всё сделаю на высоком уровне, – склонил голову официант и тут же исчез.

– Веня, смотрю, ты в Москве популярнее, чем Пеле в Бразилии. Что ты ему сказал?

– Поздоровался и спросил, как дела.

– Молодец! Сколько ты уже здесь живёшь?

– Без малого восемь лет. Квартиру недалеко от стадиона «Динамо» получил. Дочь, врач, с мужем в Полтаве живёт, сын в Кронштадтском госпитале старший ординатор терапевтического отделения. Подполковника в этом году получил. Трое внуков. Жена в архиве Министерства обороны работает. Помнишь мою супругу?

– Чего это я должен её забыть. Привет передавай.

– Ездили в прошлом году позагорать в Сочи. Так представь, что отдыхающих женщин было в два раза больше, чем мужчин. Многие из них уехали, так и не отдохнувши, – и он снова зашёлся хриплым смехом.

Они сидели, вспоминая прошлое, делились настоящим. И как будто не было этих лет расставания, будто расстались только вчера.

Анатолий взглянул на часы и ахнул.

– Веня, через сорок минут мой лайнер даст прощальный гудок. Надо идти.

– Сиди, успеешь, – он поглядел на Толю осоловелыми глазами.

– Какой успеешь?.. У меня вещей...

– Никуда не денутся твои вещи. Водка ещё не допита.

– Извини, не могу. Ты сиди, а я пошёл. Иначе точно опоздаю.

– Хорошо. Я к поезду приду. Какой вагон?

– Четвёртый.

– Не прощаемся. И убери деньги, ты у меня в гостях, я угощаю.

Анатолий быстро пошёл к выходу. В дверях он оглянулся. Вениамин, положив голову на грудь, спал.

– Жаль оставлять в таком виде мужика... Но тогда я точно опоздаю. А он здесь свой. Всё будет в порядке.

Поймав по дороге носильщика, он за десять минут до отправления поезда был у вагона. За лишние сто пятьдесят рублей тот помог ему занести вещи.

И вновь монотонный стук колёс теперь уже отдалял Агеева от столицы.

Если не считать, что в вагоне женщина начала рожать, то доехал он без приключений.

На перроне его встречали, как покорителя морских глубин: жена с цветами, друг с распростёртыми объятьями и сын, глубоко засунув руки в джинсы.

– Миша, ты хоть на машине? – первое, что спросил Анатолий, когда встал поезд.

– И даже с прицепом.

– Очень мудро! Тогда заходите в вагон, будем выгружаться.

– Ты вернулся, как настоящий конкистадор после победы, с богатой добычей, – засмеялся Михаил. – Как съездил?

– Толь, и правда, родители просто обезумели, нагрузив тебя так! – сказала удивлённо жена.

– Это от большой любви. Если всё рассказывать, не поверите. Что ни день, то сказка со страшным концом. Особенно дорога. А так, в основном, всё нормально. Главное, родителей повидал, они привет всем передают, и с другом встретился, – он повернулся к супруге. – С Венькой Балуевым в Москве посидели в чайхане. Он тебе кланяться велел.

– Как он? Сильно постарел?

– Постарел, конечно, но остался таким же баламутом, несколько не изменился.

– Молодец! Это в нём генетически заложено. Он служит?

– Нет. Тоже на пенсии. Рассказывайте, как вы тут живёте? Какие новости?

– Новостей пруд пруди. Твоё чадо, – супруга кивнула на сына, – на развод с женой подал. Полюбил, видите ли, другую. А то, что сын сиротой расти будет, это ему всё равно. Любовь превыше всего!

– Ну, об этом дома поговорим, – хмуро произнёс Анатолий. – Что ещё?

– Друг твой Проценко под следствием.

– Что случилось?

– На переходе женщину сбил. Говорят, пьяный был. Водка ещё никому добра не принесла. Демидовы дочери в Первомайском районе квартиру трёхкомнатную купили; умерла соседка наша с третьего этажа, Софья Павловна; Саня Коломиец подрался с женой.

Так она его так звезданула скалкой по дурной башке, что тот в больнице до сих пор с сотрясением лежит... Больше ничего интересного.

– А Соболевых обокрали, – добавил Михаил.

– Ой, я совсем забыла. Вынесли всё ценное. И, главное, днём. Дверь ключом открыли. Здесь без их сыночка-наркомана не обошлось. Вот и дом, приехали.

18

Так закончилась поездка Агеева домой, с её падениями и взлётами, встречами и прощаниями. После неё он на улицу в пятницу тринадцатого не выходил никогда. Бережёного и Бог бережёт.

Конечно, в жизни нет ни одного человека, который не верил бы в приметы и привидения. Верил в них и Агеев: и в чёрную кошку, и женщину с пустым ведром, и если что-то забыл и возвращался домой, то обязательно глядел на себя в зеркало... А сколько он переплевал через левое плечо... А сколько раз стучал по дереву...

Всё это было... Но теперь во всю эту мистику он верил свято. Проверил на собственной шкуре.

Верить в это или нет – решать каждому.

Мы же эту историю собирали по крупицам из разных источников и постарались описать её со скрупулёзной точностью, ибо она произошла не так и давно – в первой половине XXI века.

ДОРОГА, КОТОРАЯ НАС ВЫБИРАЕТ

*Кабы знать, где упасть,
так соломки б подстелил.*

Пословица

1

Друзей нельзя выбрать или назначить. Дружба, как и любовь, возникает мгновенно, с первого взгляда, и крепнет, как коньяк, год от года. Но это в том случае, когда весь процесс химических и гормональных реакций идёт правильно и не даёт сбой.

Коля Романчук и Толя Ребров, два красавца, оба под метр восемьдесят пять, познакомились на вступительных экзаменах в Военно-морское училище имени А. С. Попова, что в Петергофе. Оба поступили, оба учились в одной группе, оба и в увольнение ходили только вместе, и в казарме их койки стояли рядом. И всегда стояли один за другого горой.

Коля родился в Белоруссии. Был крепок, жилист и мускулист. А силой обладал необузданной. Занимался штангой, входил в сборную Вооруженных Сил Ленинградской военно-морской базы по гребле.

Толя же родился в Ленинграде. И хотя не сильно смахивал на интеллигента в третьем поколении, в его манерах присутствовала столичная томность, манежность, холодная расчётливость и задумчивость. Из спорта он предпочитал настольный теннис и волейбол, но и то только для развлечения.

Это нисколючко не мешало ребятам дружить. Один дополнял другого.

На четвёртом курсе оба влюбились в одну девушку, ленинградку Таню, ассистентку с кафедры антенно-фидерных устройств.

За её миловидность, красоту, стройность, грациозность, белый цвет волос Таню все называли Берёзкой, нашей Берёзкой. И все курсанты поголовно и страстно были в неё тоже влюблены. Но из двух друзей она отдала своё предпочтение почему-то Коле. В конце четвёртого курса молодые сыграли свадьбу. Свидетелем был, разумеется, Толя. Он искренне радовался счастью лучшего друга, хотя червь зависти и точил его молодое и пылкое сердце. И было заметно, что между Таней и Толей изредка проскакивала искорка, отличающаяся от дружеских отношений.

Отношения между друзьями остались прежними, но немного видоизменились. Таня стала их третьим другом. И даже иногда в порыве страсти порой вдруг Колю называла Толей, переводя подобное либо на случайную ошибку, или неудачную шутку.

Закончились государственные экзамены, и два закадычных друга, два золотых медалиста, два лейтенанта поехали служить на Северный флот, в посёлок Шукозеро, в приёмный центр связи, что расположен не так далеко от столицы этого флота, Североморска, всего в полчаса езды на автобусе.

Коля поехал с женой, а Анатолий один. И жильё им тоже сразу предоставили, правда, Николаю в семейном общежитии, а Толе – в холостяцком. Но он ничего не мог с собой поделаться, тайно продолжая любить жену друга. Теперь служба у всех стояла на первом месте, и друзья виделись очень редко – их смены никогда не совпадали.

Таня же с Толей виделись чаще, чем друзья: то в магазине встретятся, то на улице, а то и чай вместе попьют. Но Николай этих тонкостей не знал.

Анатолий, как только выпадало свободное время, уезжал в Североморск, в Дом офицеров. Там и покушать можно хорошо, и потанцевать вволю. За месяц до новогодних праздников он даже познакомился с миловидной девушкой Светой. Они созванивались, долго болтали по телефону, ходили в кино, любовались скупыми красотами северного края и целовались, накрывшись чёрным покрывалом полярной ночи.

Шли месяцы службы, которые у молодых лейтенантов занимали много времени. А Таня сидела дома, не работала, проклиная жизнь, флот и любовь в том числе. Ей всё здесь порядком надоело, и она подумывала вернуться под папины и мамины крылья. Лишь редкие встречи с Толей были её минутами женского счастья.

Наступила пронизывающая холодная зима. Полярная ночь давила на психику. Незаметно приближался Новый год. Николай позвонил Толе. Они поболтали о службе, взаимоотношениях в коллективе, противных начальниках...

– Толик, как у тебя Новогодняя ночь? Я свободен, а ты?

– У меня, слава Богу, тоже без вахты.

– Где ты собираешься встречать праздник?

– Ещё не думал, наверное, поеду в Дом офицеров, в Североморск. Не гнить же здесь заживо.

– В этом ты прав. А как смотришь на то, если свой первый праздник мы проведём вместе, у меня дома? Мы с Таней тебя приглашаем. Было бы хорошо, если бы ты пришёл с девушкой, а то у Тани совсем нервы расклеились.

– Спасибо! Предложение принимается. В двадцать два часа тридцать первого буду у вас.

– Добро! Ждём!

И друзья распрощались.

2

Атмосфера, подогретая долгожданной встречей, алкоголем, проводами старого и встречей Нового года, пожеланиями друг другу всего доброго, стала непринуждённой и тёплой. Музыка звучала громче, а темы разговора становились более раскованными. Анатолий всё время танцевал с Таней, а Николаю приходилось с девушкой друга, Светой, правда, они чаще сидели, о чём-то разговаривая, и даже спорили. Они сразу и не заметили, когда и как Анатолий с Татьяной исчезли. Но вскоре Коля их обнаружил в своей спальне, где его родная жена занималась любовью с лучшим другом.

Не было, как это всегда бывает, драк, крика, упрёков, грохота битой посуды и обычного шума. Все разошлись спокойно, мирно и навсегда. Николай остался служить, где служил, Татьяна развелась

и уехала в Петергоф, Анатолия политические органы показатель-но сделали подлецом, хотя он им и был на самом деле. За разврат, нарушение моральных устоев и развал советской семьи его сосла-ли в Тьмутаракань, и не известно, чем и кем он там закончил. По-говаривали, что женился много раз и, наконец, спился, а Света вер-нулась в свой Североморск.

Но на этом наша история не закончилась. Шло время. За холод-ной зимой пришла такая же полярная холодная весна.

Первого мая после службы Николай, он уже переселился в холо-стяцкое общежитие, быстро забежал домой, наскоро побрился и по-ехал в Североморск. Сидеть в надоевшей прокуренной общаге было до чёртиков ненавистно. Хотелось как-то развеяться, да и купить чего-то вкусенького, если магазины будут работать, разумеется.

Выйдя на автовокзале, он не спеша пошёл пешком в сторону рынка «Авиатор». Несмотря на прохладную погоду, народу в горо-де было много, несли красочные флаги, надувные шарик. Женщи-ны в своих шикарных тёплых плащах выглядели просто королева-ми. Счастье и радость светились на праздничных лицах.

– Здравствуй, Коля, – донёлся до него знакомый женский голос.

Романчук от неожиданности даже вздрогнул и резко обернул-ся. Перед ним стояла смущённая и в то же время радостная, пыщу-щая красотой и здоровьем, с алым румянцем на щеках, в белой ме-ховой шапочке, коротком, тоже белом пальто и белых меховых са-пожках Света. Стояла и улыбалась.

– С Первомаем тебя, Коля! Вроде бы солнышку пора быть, а как холодно. Недавно вспоминала о тебе. Ты всё там же?

– Светочка, здравствуй, как я рад тебя видеть! Ты вылитая Снежная королева. Такой я её себе и представлял. Как ты живёшь?

– У меня всё нормально. А до королевы мне ой как далеко! По-прежнему служу в штабе флота делопроизводителем, заочно учусь в Мурманском юридическом институте... Свободного времени поч-ти нет. Дом, учёба, дом, учёба... Это сегодня праздник. Захотелось пройтись в колонне, воздухом подышать, на людей посмотреть. Тебя встретила, – засмеялась она задорно. – Ты куда идёшь? Я тебя не задерживаю, не отвлекаю?

– Ну что ты! Я тоже приехал на людей столичных посмотреть, а иду на рынок, на Гвардейскую. Может, он работает сегодня. Надо

что-то на неделю съестного купить: фрукты, сыр, колбаску, молочко. Чай с сахаром закончился. Варить времени и желания особого нет. Ну а когда на вахте, то там, в столовой, кормят на убой. Живу в общаге, а там... дым коромыслом и алкоголь рекой. А я это не употребляю. Правда, пропах никотином как тротуарный окурок. Если бы не книги, одичал давно, – горько засмеялся он. – Замуж ещё не вышла?

– Я думаю, что рынок сегодня закрыт, в связи с праздником, пойдём лучше на Советскую, там точно продовольственные магазины работают. А замуж сироту в третьем поколении никто не берёт. Те, кто мечтает об этом, не нравятся мне, а кому я симпатизирую, не обращают на меня никакого внимания.

– Разве есть такие?

– Конечно.

– Много?

– Пока один.

– Ну, одного-то мы быстро устраним.

– Его усмирять надо, а не устранять.

– Даже так?

– Только так. Ну, это разговор ни о чём. Вы вот лучше расскажите мне, товарищ лейтенант, историю нашего города Североморска. Знаете вы тот край, в котором служите?

Николай от неожиданности даже покраснел.

– Если честно, то к великому стыду много не знаю, только то, что вынес из училища. Буду врать, поправляй без стеснения. Хорошо?

– Договорились.

– Итак, Североморск расположен на Кольском полуострове, в 25 км к северо-востоку от Мурманска.

– Замечательно!

– Это морской порт на восточном берегу незамерзающего Кольского залива Баренцева моря. И самое главное – Военно-морская база Северного флота. И если мне не изменяет память, он является шестым по величине городом за северным полярным кругом.

– Потрясающе!

– Дальше будет хуже, уверяю. Когда он образовался, не знаю, честно, но до 1951 года он назывался рабочим посёлком Ваенга, а лишь потом получил новый статус и новое имя – город Североморск.

– Впервые упоминается о поселении в этих краях на месте нынешнего города в 1896–1897 годах. Поселенцы занимались рыбалкой, охотой и оленеводством. В 1917 году здесь проживало всего 13 человек! Представляешь?! Поселение, правильно ты сказал, называлось по имени губы и реки – Ваенга.

– По-моему, в 1932–1933 годах бухта была выбрана в качестве одной из баз для создаваемого Северного флота.

– В 1933 году.

– Видишь, кое-какими сведениями располагаю...

– О героях-североморцах, подводниках и надводниках, Великой Отечественной войны не спрашиваю, ты их всех знаешь. Да вот мы с тобой уже быстренько и в магазин пришли. Что тебе надобно, выбирай, а я буду помогать тебе.

Вскоре перед Романчуком лежала грудa из колбасы, сыра, печенья, конфет, пакетов молока, сока, консервов и ещё чего-то, что просто одному такое количество съесть невозможно.

– И ты всё это съедаешь? – удивлённо спросила Света.

– Даже мало бывает. Знаешь, как ночью на вахте кушать хочется? И не только мне, но и морякам. Приходится делиться. Иначе нельзя. Зато в смене у меня всегда порядок и рабочая обстановка. И я за каждого могу поручиться, и каждый может положиться на меня. И это несколько не пустая бравада. Мы – одна семья. За девять месяцев у меня не было ни одного нарушения по службе среди личного состава. И опять я не хвальнось.

– Это характеризует тебя только с положительной стороны. Я горжусь тобой! Но ответь мне, пожалуйста, герой моего романа, как ты всё это собираешься нести – в руках, в карманах?..

– Сейчас нам пакет дадут.

– Молодой человек, а пакеты закончились. Могу только по кулёчкам разложить, если вас это устраивает.

– А как же я с ними пойду, а потом поеду?..

Светлана весело рассмеялась.

– Пакуйте! – решительно сказала она. – Я рядом живу. Сейчас зайдём ко мне, и я дам ему сумку.

– Светочка, неудобно как-то.

– Назови мне другие варианты.

– Других вариантов нет.

– Тогда вперёд!

– А можно я приглашу тебя в Дом офицеров? Там должен быть концерт, потом посидим в кафе и потанцуем.

– А сумку с собой возьмём? – прыснула она.

– Если можно, у тебя на балконе оставим. Холодно, и ничего не пропадёт, а в двадцать три я тихонечко заберу всё, чтоб не будить твоих родителей, и бегом на автобус.

– Очень мудро! Я согласна. Только давай мне большую часть этих кулёчков, а то не дай Бог тебя патруль заберёт – и прощай тогда наш концерт с танцами в ДОФе.

Через три дома они вошли в подъезд.

– Здесь ты живёшь? – спросил Коля шёпотом.

– Да. На втором этаже. А почему так тихо?

– Я же говорю, что дичать начинаю.

– А когда ты собирался ехать обратно?

– В четырнадцать часов. У меня сегодня планов на развлечения не намечалось. А вот встретил тебя...

– Жалеешь, что встретил?

– Что ты! Я так рад, представить себе не можешь.

– Я тоже рада. Держи кульки, только не испачкайся, а я достану ключи.

Она быстро открыла дверь и пропустила Николая в квартиру.

Он вошёл и, не успев оглядеться, на вешалке заметил генеральскую фуражку.

– У вас гости... Кто это? – спросил он сдавленным голосом.

– Светлана, это ты пришла? Чего так рано? Вот останешься старой девой... Раздевайся тогда быстренько, обедать будем, – раздался бас из кухни.

– Это мой папа, Командующий авиацией флота, не бойся, он очень хороший человек.

– Ничего себе! А я и не боюсь, – ответил он не очень уверенно.

– Правильно! Ты настоящий мужчина. Папа, а я не одна. Мама дома?

– Пошла соседей звать в гости. Праздник, а выпить не с кем. С тобой Наташа пришла?

– Нет, Коля!

– Это что-то новое. Первый раз в доме чужого мужчину увижу. А ну-ка покажи, – засмеялся он, и в прихожую вышел высокий, подтянутый, сухопарый мужчина в хорошем дорогом костюме.

– Ну, здравствуй, лейтенант, – он протянул руку. – С праздником тебя. Где-то я тебя видел. А вот где?..

– Здравия желаю, товарищ генерал-лейтенант! – прокричал Романчук, не зная, куда деть кульки из рук.

– Ты что, перепутал Первое мая с Новым годом, подарки разносишь? Так где я тебя видел? Света, помоги ему. Что он стоит, как Дед Мороз на утреннике?

– Папа, не пугай человека.

– Вспомнил! – прокричал генерал. – Было ученье разнородных сил, и мы с Командующим флотом были на Приёмном. Что уж там ты сделал, но адмирал был в восторге! Сколько с ним служу, но чтобы он, да ещё младшего офицера, так хвалил... Он тебе хоть дал что-нибудь?

– Так точно! Медаль «За боевые заслуги».

– Молодец! Твой путь уже овеян славой. Сколько годков тебе стукнуло?

– Двадцать пять!

– А где с моей Светой познакомился?

– Папа, ты хочешь у порога знать всю биографию человека? А накормить, а напоить... Это не он со мной познакомился, а я с ним. Вот так! – и она показала отцу язык.

– Вы, Светлана Юрьевна, делаете просто потрясающие успехи. И главное – когда? Днём на работе, вечером дома.

– Папа, может, человек разденется вначале, руки помоеет, за стол сядет? Может, вы для начала познакомитесь? – вошла Света со спортивной сумкой. – Коля, клади всё сюда, я продукты вынесу на холод. До чего у вас, военных, всё делается по-топорному! Никакого такта! Коля, познакомься, это мой папа, собственной персоной, Командующий авиацией Северного флота, генерал-лейтенант Юрий Борисович Степанов. А это, товарищ генерал, лейтенант Николай Романчук из Щукозера, с Приёмного центра связи. Так можно было сделать с самого начала? А то – кто такой, видел не видел... Только за одну эту неотёсанность не люблю военных.

– Извини меня, дочка. И ты, Коля, извини. Я что-то и правда не с того начал...

– Ничего страшного, – выдохнул Николай. – Света, мы же собирались...

– Покушаем и пойдём.

– А куда вы собрались?

В дверь позвонили.

– А вот и мама. Мир и радость пришли в дом. А то здесь чуть война не разыгралась, – засмеялась Света.

3

В дверь вошла миловидная, хорошо одетая и причёсанная женщина с двумя гостями, видно, соседями.

– А вот и пополнение прибыло. Да у нас гости! – всплеснула она руками, – Я – мама этого замечательного ребёнка, Светлана Владимировна, а это наши друзья – Владимир Владимирович и его супруга Людмила Алексеевна. А вас как зовут?..

– Николай. Николай Романчук.

– Очень приятно. Моем руки, дорогие друзья, и к столу. Уже, наверное, всё остыло.

За столом о личном никто ничего не говорил: стандартные тосты и вкусная пища. Николай с аппетитом ел огромную рыбку горячего копчения. Такой вкуснотищи он никогда не пробовал, а Светлана Владимировна с умилением и незаметно подкладывала ему ещё и ещё. Ей нравился этот по-деловому стеснительный и в то же время раскованный парень. Он молча ел, иногда вставляя что-то существенное в разговор. Света сидела молча, будто её и не было.

– Ой! – взволнованно засуетился Николай. – Мы же со Светой хотели пойти в ДОФ. Там сегодня праздничный концерт, и потанцевать хотели. А уже десять часов вечера... И на автобус я опаздываю. Извините, пожалуйста, мне надо бежать. Спасибо вам огромное, – он встал и направился в прихожую.

– Коля, не торопись, – тоже встал генерал. – Я сейчас вызову свою машину, на ней и доедешь. И дочке прокатиться надо, растрясись немного. Правда, Светик?

Через десять минут шофёр доложил, что машина у подъезда.

Так началась дружба между молодыми людьми, переросшая со временем в любовь. Родители, относящиеся к флотскому бомонду, всячески противились этой дружбе и мечтали, чтобы их девочка выбрала себе достойную пару и вышла замуж за сына высокопоставленного человека. Но Светлана твёрдо поставила вопрос ребром – не вмешиваться в её судьбу: либо Николай, либо она переводится на очное обучение и уезжает из Североморска в Мурманск. И её твёрдый отцовский характер победил.

После двух лет знакомства молодые люди поженились. У них родился вначале сын, а затем появилась на свет и дочь.

Романчук стал продвигаться по службе. Получив капитан-лейтенанта, он поступил в Санкт-Петербурге в Военно-морскую академию имени Адмирала Флота Советского Союза Н. Г. Кузнецова, которую окончил с золотой медалью, оставшись там преподавателем. Вначале защитил кандидатскую диссертацию, а потом стал и доктором наук. Сейчас это крупнейший учёный в области радиоэлектронного вооружения с адмиральскими погонами на плечах. Жена, отработав юристом в академии, вышла на пенсию и занимается теперь внуками, а их у нее трое. Сын служит старшим помощником на большом противолодочном корабле в Балтийске, а дочь под боком, работает терапевтом в клинике факультетской терапии в Первом Санкт-Петербургском государственном медицинском университете имени академика И. П. Павлова.

Что это было: фортуна, стечение обстоятельств или игра Судьбы, расставившая всё по своим местам?

Жизнь порой преподносит нам такие сюрпризы, от которых одни падают в грязь, другие взлетают до небес, а третьи идут себе и идут. И главное во всём этом деле, чтобы голова была на месте. Без неё дурак всё равно останется дураком, а умный и сам себе дорожку пройдёт, только помочь ему в этом немного надо.

ФОКУСНИК

Николай Осипович пришёл на корабль глубоко за полночь, хмурый, злой, угрюмый и в нетрезвом состоянии. Звёзды на небе слегка померкли, но говорить о скором зарождении нового дня было рано.

В такое время офицеры поднимаются по трапу только в трёх случаях: мир разделился на две части, и началась кровавая война, жизнь вдруг дала огромную трещину или, наоборот, было хорошо, но следовало оторваться от горячего, трепещущего женского тела, дабы сохранить репутацию дамы от вездесущих соседей по площадке.

Что случилось у Коли, никто не знал, да и знать не хотел, ибо все попадали в подобную ситуацию, кроме, разумеется, раскола мира.

Николай быстро прошёл в каюту и, не раздеваясь, рухнул на койку, мгновенно погрузившись в царство Морфея.

– Надо пару часов поспать, чтобы выглядеть на построении подобающе, – была его последняя мысль.

Подскочил он как ужаленный, когда из трансляции до его сознания донёсся голос дежурного по кораблю: «На флаг и гюйс, смирно! Флаг и гюйс поднять!»

– Твою дивизию! – прохрипел Осипович. – Проспал!

Он схватил фуражку и, опережая собственный визг, понёсся на ют, прекрасно понимая, что благодарить его сегодня вряд ли будут.

– Товарищ командир, разрешите встать в строй! – вскинул он руку к козырьку.

Увидев командира артиллерийской боевой части, глаза командира корабля стали вылезать из орбит, он с ужасом смотрел на офицера, а все вопросы застряли в горле, сдавленные спазмом гортани. Он раскрывал рот, но слов оттуда не доносилось. Этим самым сейчас он походил на огромного карася.

В строю послышался смех.

– Личному составу, командирам групп, батарей и мичманам разойтись по местам проворачивания оружия и технических средств! Командирам боевых частей и начальникам служб построиться у рубки дежурного по кораблю!

– Коля, ты чего так вырядился? – толкнул в бок Осиповича командир электротехнической боевой части.

– Разговоры! – цыкнул старший помощник. – Равняйся! Смирно! Товарищ командир...

– Николай Евгеньевич, – съязвил командир, остановив старпомойкой, когда все построились, – выйдите, пожалуйста, из строя на два шага. Пусть все полюбуются на вас. У меня будет несколько вопросов, и не только к вам. Вам звёздочки на погонах не давят на плечи? – спросил он улыбнувшись.

– Никак нет.

– А к цирку как вы относитесь?

– Цирк уехал, – угрюмо ответил Николай.

– Давно?

– Вчера. Куда – не знаю.

– Все уехали, или кто-то остался?

– Не могу ответить определённо, но несколько клоунов отстали от поезда.

– Так я и предполагал. Во сколько вы пришли на корабль?

– Поздно. А в чём, собственно говоря, дело?

– Вы были пьяны?

- Выпил рюмку коньяка.
- Спали одетым или раздевались?
- Почему вы задаёте мне такие вопросы? Я не мальчик, чтобы меня порочили перед офицерами!
- А никто вас не позорит, товарищ капитан третьего ранга. Вы сами это делаете. Почему у вас рубашка надета наизнанку?
- Как наизнанку? – Осипович поглядел на рубашку и грязно выругался.
- Отставить ругаться. Теперь у меня другой вопрос, из области магии. Каким образом после одной рюмки коньяка вы застегнулись на все пуговицы изнутри? Или, может, вы фокусник?
- Хохот стоял такой, что с соседних кораблей удивлённо смотрели на стоящих офицеров.
- Помощник по снабжению, вы можете такое нам продемонстрировать? Я даже сейчас вам налью стакан коньяка.
- От коньяка откажусь вряд ли, а вот застегнуться...
- А где наш разносторонне развитый доктор? Или он тоже ещё не проснулся? – командир оглядел строй. – Извините, товарищ капитан. Обычно вы всегда в первых рядах, а тут скромно стоите во второй шеренге. Или опять не почистили обувь?
- Щётку кто-то взял и не вернул, – солгал начальник медицинской службы.
- Вы её в кармане носите, а то она у вас очень часто пропадает. Все снова засмеялись.
- Есть носить в нагрудном кармане вместе с удостоверением личности! – зло ответил начмед.
- За подобное поведение я вас накажу.
- У меня взяли, я же и виноват...
- Хватит пререкаться. Вы таким образом смогли бы застегнуть пуговицы?
- Надо попробовать.
- Попробуйте. На тренировки даю вам три дня. Потом продемонстрируете.
- Это тонкая и кропотливая работа. Прошу освободить меня от построений.

– Шутки в сторону! Лучше расскажите нам, неучам, что говорит народ о рубашке, надетой наизнанку.

– Я же не бабка-ведунья, которая всё знает.

– Не прибедняйтесь. Мы слушаем вас.

– То, что говорят старые люди, к военным представителям никак не относится.

– Доктор, не занимайтесь демагогией. Слушаем тебя.

– Старые люди говорят, что одежда, надетая наизнанку, может вызвать множество несчастий. К примеру: ссора, избиение, быть пьяным, неудачи в делах, ну и перемена судьбы в худшую сторону. Это, собственно говоря, мы сейчас и наблюдаем с человеком, стоящим на лобном месте, – ухмыльнулся доктор.

Снова бухта вздрогнула от смеха.

– Надетая наизнанку рубашка ведёт к разочарованию в профессиональной жизни и проблемам с финансами.

– Да, разочарований у Осиповича сейчас хоть отбавляй. Здесь ты прав, доктор, – вставил штурман.

– Разговорчики! – прервал командир. – У тебя всё, доктор?

– Никак нет.

– Продолжай.

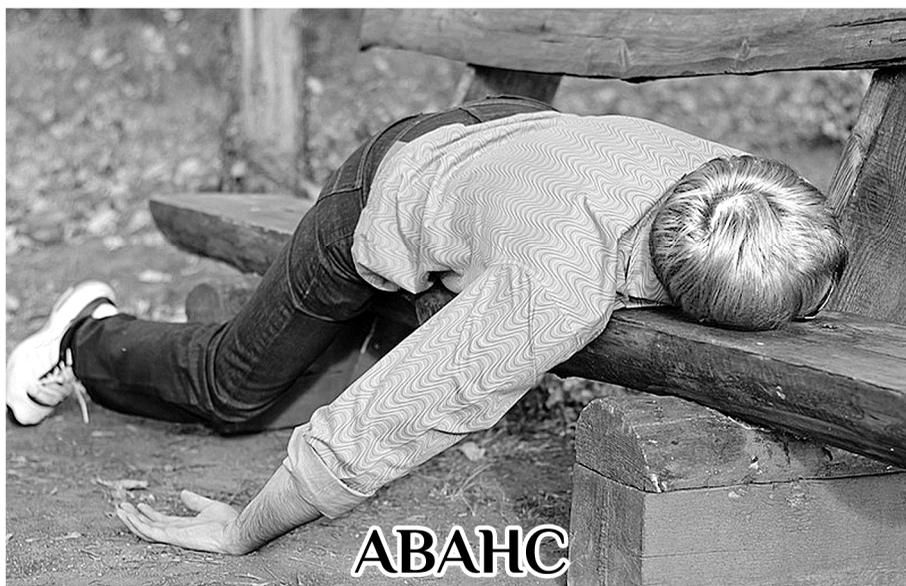
– Следует отметить, что нейтрализовать это негативное действие можно. Считается, что если друг похлопает товарища по спине после переодевания, то отрицательных последствий не будет. Существует ещё одна версия: нужно три раза плюнуть через левое плечо, снять вещь, надетую наизнанку, бросить её на пол, про палубу не знаю, и немного потоптать, а затем вновь надеть, но уже правильной стороной.

– Силён! Всё знает. Ну и что с ним дальше делать прикажете? – показал командир на Осиповича.

– Похлопать по спине, товарищ командир.

– Плохо, что не по заднице. Разойдись!

Теперь каждый, в тайне друг от друга, наверное, и командир тоже, пытались застегнуть рубашку изнутри. Было трудно, но получилось у всех. Наверное, по пьянке такое можно сделать быстрее.

Аванс!

Сколько в этом слове интригующего, таинственного и загадочного.

Любой, начинавший свою трудовую деятельность, обязан отметить это событие, иначе коллектив одного работника не воспримет. Как тогда работать? Никто не хочет выглядеть белой вороной, поэтому и проставляется. И делается это в первый аванс.

Не нами так заведено, не нам это и отменять. Наш народ, как и покупатель в магазине, всегда прав. Правда, про магазин, наверное, кто-то зло пошутил. Никто и никогда не видел правого покупателя. Вот с народом – чистая правда. Его традиции мы свято чтим, а иногда и приумножаем! Случается такое, правда, нечасто.

Андрей Беленький полностью оправдывал свою фамилию. Это был небольшого росточка юноша, упитанный, рыхлый, со светлыми вьющимися волосами и белоснежной кожей. На его слегка курносом носу плотно сидели роговые очки, а на пухлых щеках алел румянец.

Андрюша был очень начитанный и всесторонне развитый мальчик. Школу Андрей закончил с тремя четвёрками, но его знания были гораздо выше многих медалистов.

После школы он поехал поступать в медицинский университет и поступил бы... Но, как говорят у нас в народе, доброта хуже воровства. На последнем экзамене по физике он решил помочь соседу и слишком громко ему подсказывал, за что его с позором выгнали из аудитории и, естественно, не приняли на учёбу.

Вернувшись домой, расстроенный и обиженный на весь мир, Андрей три месяца не выходил из дома и запоем читал всё подряд. Несостоявшийся студент лежал бы на диване с книжкой и дольше, но отцу это организованное безделье порядком поднадоело, и он отвёл сына на завод металлопластиковых изделий.

Так начались трудовые будни станочника Беленького.

Начальник цеха, посмотрев на бесформенную фигуру своего нового сотрудника, тяжело и огорчённо вздохнул и посадил Андрюшу за станок обтачивать края у костяшек домино. Работа не тяжёлая, но нудная и неинтересная. Здесь размышлять о масштабах научно-технического прогресса даже не приходило в голову.

Так прошло полмесяца.

– Беленький, – подошёл к нему в конце рабочего дня бригадир, – сегодня аванс. Надо бы влиться в коллектив. Без этого рабочему человеку никак нельзя. Ты меня понимаешь?

– Как это? – удивился Андрей.

– А это надо коллективу, с которым ты работаешь, выставить пару литров водки. Понял?

– Понял, – недоумённо ответил Андрей, который единственный раз на Новый год выпил фужер шампанского.

– Вот и ладно. Деньги получишь – жди нас у кассы.

Желающих выпить «на шару» оказалось много, так что Андрей вначале даже испугался, но бригадир, дядя Миша, с этим разобрался очень даже быстро, оставив пять человек, самых преданных ему и верных, объяснив остальным, что ребёнку надо какие-то деньги ещё и домой принести.

Вначале, как и полагается, размялись пивком, по две бутылочки на брата, с рыбкой.

Слегка повеселев, компания шумно зашла в магазин. Взяв четыре бутылки водки, буханку хлеба, бутылку воды, они направились в парк. Командовал всем этим процессом дядя Миша. Правда, Андрей ещё хотел взять колбасы, но бригадир авторитетно

заявил, что молодёжь ничего не понимает в этой жизни, а закуска крадёт градус. Андрей многого не понимал и глупо улыбался, целиком и полностью доверяя высокому начальству.

– Андрюха, а ты где живёшь? – поинтересовался бригадир.

– Вон мой дом виднеется, – ткнул пальцем Беленький. – На третьем этаже. Всего-то парк пройти да дорогу перейти.

– Ты прямо стихами заговорил, – засмеялся наладчик.

– Это я умею, – гордо произнёс Андрей.

– Пока это не требуется. Хорошо, что живёшь рядом, провожать не надо будет. А то...

Только они расположились в беседке, как пошёл сильный дождь.

– Люблю выпивать на природе, а не в вонючем кафе. Воздух, свобода... А вот и обещанный дождь... Романтика! – дядя Миша разлил водку в полиэтиленовые стаканчики. – Ну, Андрей, за тебя, за рабочую, так сказать, косточку! Теперь ты по праву будешь носить звание рабочего человека.

– Я столько не выпью, – показал Андрей на наполненный до краёв стаканчик.

– Первый пьётся до дна, – авторитетно произнёс рыжий литейщик Генка. – Это потом... как пойдёт.

– Да-да, традицию нарушать никому не позволено. Не будем греть стаканы. Выдохнул и залпом выпил. Поехали!

Андрей одним глотком опорожнил стакан и долго пил воду.

– Водку надо разводить желудочным соком, а ты её водой... Остынь! Вон хлебушка пожуй, – наставительно сказал наладчик Леонид Степанович.

Все сразу закурили.

– А ты, Андрей, почему не куришь? Закончились – у нас попроси. Нам этого добра не жалко.

– Я не курю, – покраснел Беленький.

Было заметно, как его голос стал пьяным.

– Э-э-э, друг, здесь ты тоже неправ. Начинать всё надо сразу. Держи, – протянул ему сигарету с фильтром другой станочник Генка Галкин, – это слабая.

Андрей затянулся и закашлялся. Тут же желудок сдавил спазм. Он перегнулся через перила беседки – и его стошнило.

– Эко какой ты слабый. Вот тебе еще пятьдесят грамм для закрепления, и иди домой, пока ноги держат. А мы тут немного посидим. Нам спешить некуда, малые дети ни у кого не плачут.

– А у меня? – уточнил Галкин.

– Ты не в счёт. Поплачут и перестанут.

– Дядя Миша, я больше не могу, – взмолился Андрей.

– А больше тебе никто и не даст, а вот это надо выпить, – бригадир протянул ему стаканчик. – И водичку сверху. Пей уже, рабочий класс, не томи!

Андрей долго глядел в стакан, потом, собравшись с духом, одним махом опрокинул содержимое в рот, глотнул воды и занюхал хлебом.

Все дружно засмеялись.

– Настоящий мужчина! Дойдешь, Андрюха, или проводить?

– Дойду, дядя Миша. Мне вон до поворота пятьдесят метров и от него метров двадцать, а там и дом через дорогу.

– Быстро иди, а то промокнешь весь. Не хватало, чтоб простыл.

– Не простыну, – крикнул убегающий и сильно качающийся новый сын рабочего класса.

– Слабак! – подытожил бригадир. – Жизнь длинная – научится. А мы продолжим, – он снова налил водки в стаканы.

На повороте Андрея сильно качнуло, и он со всего маху шлёпнулся в огромную лужу у фонарного столба, стоявшего вблизи дороги.

– Ёлки-моталки! – выругался Андрей, бранных слов он в своём лексиконе не содержал.

Он сделал несколько попыток подняться, но всё было тщетно, ноги разъезжались, и он снова падал в месиво из грязи и воды. Наконец он решил использовать столб как опору. Но и это не принесло ни малейшего успеха. Ноги искали точку опоры, но не находили её, скользили, и он снова падал.

Борьба со стихией полностью истощила силы Андрея. Поэтому он сидел в грязи, походя то ли на лешего, то ли на водяного, то ли на абсолютно чёрное привидение, и стонал, понимая, что скоро погибнет от холода лютого. А дождь всё продолжал лить.

Редкие прохожие в ужасе пробегали мимо. На руку помощи рассчитывать не приходилось.

Начало темнеть. Зажёгся фонарь, осветив и без того жуткую картину происходящего.

Наконец он увидел быстро идущего мужчину с поднятым воротником, держащего полиэтиленовый пакет над головой. Это был их сосед по лестничной площадке.

– Анатолий Петрович! Анатолий Петрович! – закричал что есть мочи Андрей, понимая, что если сейчас не свершится чудо, то завтра его здесь найдут без признаков жизни. – Это я, Андрей Беленький, ваш сосед.

– Андрей? – остановился мужчина, вглядываясь в темноту. – Ты сейчас больше похож на бразильского футболиста Пеле, чем на Беленького. Как ты туда попал?

– Меня прописывали в рабочее, а потом я пошёл домой. На повороте качнуло, и я свалился в эту проклятую лужу. А встать не могу, ноги разъезжаются. Промёрз здесь насквозь, – было слышно, как он клацает зубами. – Вытащите меня отсюда.

– Вытаскивать я тебя не буду, иначе стану таким же грязным, как ты. Давай вставай на колени и на четвереньках ползи ко мне, а я поищу палку.

Вскоре Андрюша был на асфальтовой дорожке.

– Ты встать можешь, рабочий человек? – спросил его сосед.

– Я сейчас попробую, Анатолий Петрович.

Но ноги не хотели держать рыхлое пьяное тело. Слегка приподнявшись, Андрей тут же падал на землю.

– Проблематично, – заключил он, снова падая и поднимая фонтан брызг.

– Вижу. Тяжёлый случай. И оставлять тебя нельзя, замёрзнешь и погибнешь. Потом всю жизнь совесть будет мучить.

– Не бросайте меня, Анатолий Петрович, – заплакал Беленький. – По гроб жизни буду вам благодарен.

– Гуманно мыслишь! – хмыкнул сосед.

Вскоре перед редкими прохожими неприметного городка предстала просто сказочная картина: впереди шёл мужчина с поднятым воротником и полиэтиленовым пакетом над головой, а за ним, подвывая, ползло на четвереньках чёрно-грязное чудовище.

Они уже подошли к дому, когда из подъезда вышел мужчина и раскрыл зонтик. Привыкая к темноте, он, долго прищуриваясь, смотрел на непонятное зрелище, а потом спросил:

– Петрович! А это кого ты тащишь в дом?

– Леонид Матвеевич, умоляю, не вникайте в подробности. Найден правнук капитана Гранта.

– Вы шутите?

– Как раз сейчас мне не до шуток.

– А правда, кто это? – любопытство грызло тщедушного и очень завистливого мужчину.

– Я вам только что ответил.

– И что вы с ним собираетесь делать?

– Перво-наперво отмою, забальзамирую и продам в столице на аукционе. За это получу огромные деньги и буду жить припеваючи. И все мне будут завидовать. Даже вы, – улыбнулся Анатолий Петрович.

Сзади раздался стон.

– Освободите дорогу, нам надо идти. Пойдём, Праксителес, я слишком долго тебя искал.

– Вы знаете, как его зовут? – удивился Леонид Матвеевич.

– Я о нём всё знаю, – и они скрылись за дверью.

До пятого этажа каждый добирался своим маршрутом: Андрюша – на лифте, а Анатолий Петрович – пешком.

Подойдя к двери Беленьких, он позвонил. Дверь открыла маленькая полная женщина.

– Что это?! – в ужасе отпрянула она.

– Рабочий класс после аванса гуляет. Ваш сын. Извините, что доставил в таком виде.

– Это я, мам, – прохрипело чудовище.

Женщина всплеснула руками.

– Откуда ты такой? Аккуратно ползи в ванну, залезай в неё в одежде и пускай горячую воду. Только стенок не касайся. Спасибо вам, Анатолий Петрович. Извините нас.

– Ничего страшного. Главное, что всё позади.

В понедельник отец зашёл на завод и уволил уже состоявшегося рабочего. Андрюша не выходил на улицу всю осень и зиму, готовился к экзаменам, а осенью стал студентом медицинского института.

В таких мероприятиях, как День студента, День первой стипендии, День медицинского работника и прочих праздниках, он больше не участвовал.

ПОЭЗИЯ ЛЮБВИ

Телефонный звонок взрывом бомбы в ключья разорвал тишину ночи. Казалось, что сейчас он разбудит всех в округе.

Людмила как ошпаренная подскочила с постели, споткнулась о прикроватный коврик и одним прыжком оказалась у стола.

– Да, – прошептала она в трубку. – Алё...

– Люся, ты спишь?

– Нет, что ты, милый, на часах стою. Ты хоть иногда смотришь, который час? Кстати, а сколько времени?

– Пятнадцать минут четвёртого.

– Самое время для признания в любви. И где это ваша милость гуляет в столь поздний час?

– Я же тебе говорил, что с дядей Колей поедem на ночную рыбалку.

– И много поймали?

– Подожди, не в этом сейчас дело. Ты помнишь фильм «Неуловимые мстители»?

– В это время я всегда думаю только о нём.

– Если ты попыталась пошутить, то шутка не взорвала зал.

– Говори уже, что ты хочешь. Я спать хочу.

– Так в этом фильме есть эпизод, когда Данька приходит к карусельщику и между ними происходит диалог: «Вам билетёр нужен?» – «Был нужен, да уже взяли». – «А может, и я на что сгожусь?» Помнишь?

– Нет. И что дальше?

– Я решил, что и в наших отношениях должен быть кураж.

– Кажется, он уже есть.

– Ты выслушай, потом скажешь. Так вот что я придумал: прямо как у Уильяма Шекспира в «Ромео и Джульетте». К примеру, я тебе звоню, а ты видишь, что это я, и говоришь мне: «Ты красотой своей затмил весь свет!» А я тебе равнодушно отвечаю: «А, это ты, привет тебе, привет», – и в трубке слышался гомерический хохот.

– Идиот! – прокричала Людмила, выключила телефон и пошла досыпать. – Надо тоже что-то придумать и позвонить ему ночью. Но всё равно я его люблю! – она счастливо улыбнулась и, повернувшись к стенке, мгновенно уснула.

1

Каждый уважающий себя охотник к открытию сезона относится очень ответственно. Всё надо продумать, предусмотреть, начиная с обуви и кончая сеткой от комаров. О ружье и говорить не приходится. Оно доводится до идеального состояния. И в патрон-таше патроны необходимо расположить в определённом порядке: «пятёрка» к «пятёрке», «двойка» к «двойке»... Будет меньше путаницы, вынимая их не глядя, не копаясь лишний раз, не разбираясь, где какой находится. Ни одна мелочь не должна быть упущена, иначе эта мелочь потом обязательно проявится большой неудачей.

И собаки должны не бояться выстрелов, запаха пороха и воды. Не зря у охотников существует такое поверье: «С детства приучай уши собаки к выстрелам, пасть – к перьям, ноги – к воде...»

Помимо всего, в рюкзак надо положить одеяло, тёплую куртку и всё то, чем можно и согреться, и закусить.

На утреннюю охоту идут вечером, группой, по пять-семь человек, чтоб посидеть у костра, обменяться новыми историями и просто поговорить. Ведь охотники порой не видятся от охоты до охоты, подчас целых полгода. В котле варится подстреленная по дороге

дичь, искры летят до небес, а на большом куске брезента выложено всё, что требуется для хорошего настроения.

После первых заздравных тостов, когда настроение выплёскивается наружу, наступает время баек, анекдотов и просто рассказов из прожитой жизни. Тут уже каждый стремится поведать своё. И так заведено, что его никто и никогда не перебивает.

Все знают, что в этой исповеди половина вранья, но слушают это с удовольствием.

Периодически лес взрывается диким хохотом, будя пернатых обитателей. А собаки в это время под кустами хрустят брошенными костями. Но важно их не перекармливать, а то работать плохо будут.

– Миша, мне буквально вчера сказали, что ты срок мотал. А я и не знал. За что, расскажи, – поинтересовался районный прокурор.

– Мотать не мотал, Олег Михайлович, но по судам потаскали. Искали в моих действиях криминал.

– Бабушку через дорогу не в том месте переводил? Да ты вроде у нас тихий, мухи не обидишь, и вдруг... – удивился Степанович.

– А случилась со мной такая история. Было мне тогда двадцать восемь лет, женат, дочке седьмой год пошёл, и супруга вторым ходила. И всё вроде бы нормально было. Но как оказалось, всё да не всё. Жил я в доме у тёщи. И такая она была вредная, злая и мстительная, что и не рассказать. Змеи гораздо добрее, чем она. Всегда и во всём я был не прав, всегда находилась причина обвинить меня во всех смертных грехах.

Произошло всё это летом в воскресенье. Жена уехала в другой город погостить к сестре, а мы с тёщей остались одни. Домой только спать приходил. С работы в гараж иду, а он прямо под нашими окнами находился, так что она меня видела постоянно, и сказать, что налево прогуливался, не могла. Но и то находила разные причины, чтобы достать меня.

Утром тёща пошла на рынок. Как уйдёт – полдня нет. Пока от сплетен язык не задеревенеет, не возвращается. В это время в доме рай наступает.

Помните, раньше раздвижные столы были?

– Да они и сейчас есть. Я уверен – у всех нас, – заметил Максим Петрович.

– Не отвлекайте его, пусть дальше рассказывает.

– Так вот такой у нас на кухне стоял, старый, как дерьмо мамонта. Мы даже с супругой купили ему замену. Я намеревался его в этот день собрать и поставить, а хлам отнести на помойку. Но меня вдруг как переключило. Захотелось тещу поугубить. Для этой цели сто пятьдесят выпил, чтоб веселей было. Достал ножовку, раздвинул стол, в середине вырезал отверстие и назад половинки сдвинул. А сам в окно поглядываю, «маму» с базара жду. Как увидел, что она домой идёт, вылил себе на лицо, голову и вокруг выреза пакет кетчупа, залез под стол, стулья поставил так, чтоб меня видно не было, и просунул голову в отверстие. Для убедительности ещё и язык набок высунул.

Мощный хохот разбудил спящий лес. Вдалеке заухал филин, под кустом твкнула собака.

– Ну, Михаил, ты артист! И что дальше было?

– Входит теща. Перед её взором встаёт картина зверского убийства. На столе, залитом кровью, лежит отрезанная голова зятя с высунутым языком и закатанными вверх глазами. Она завизжала с такой силой, что с потолка сорвалась люстра и упала мне прямо на голову, которая рассекла мою башку, и я тоже заорал, матерясь последними словами.

– Ой, подожди, Миша, – задыхаясь от смеха, простонал Герасимов, прокурор. – Дай немного отдышаться. Давно так не смеялся. Давайте выпьем, что ли? Надо сделать перерыв. А то он таким образом нас всех погубит, – и Олег Михайлович снова засмеялся. – Лёша, ты помоложе, разливай. И рекомендую попробовать мои огурчики. Уж очень вкусные.

Выпили. Глаза Михаила гордо сверкали, отражая пламя костра.

– Готовы? – спросил он.

– Продолжай.

– Тёща как услышала, что голова заговорила, метнула в неё купленной банкой томат-пасты, которая попала мне прямо в лоб. Но он у меня оказался крепким. Банка разбилась, добавив ещё красных тонов, но сознание я всё-таки потерял, так и оставшись сидеть под столом. А «мама» опрометью полетела в милицию, что была в нашем доме на первом этаже.

Прибежавшие милиционеры, увидев подобную картину, аж пятились к выходу.

Я начал приходить в себя и закричал благим матом: «Мама, что же вы со мной делаете?!»

От моего крика тёща повалилась в обморок вместе с сержантом. Второй милиционер, выбив из-под стола стулья, заорал: «А ну, вылазь, паразит, паспорт предъяви!» Прибежали ещё двое с пистолетами в руках. Меня под белые ручки – и в кутузку, а тёщу с гипертоническим кризом – в больницу. Но злого умысла в моих действиях, слава Богу, не нашли. Тёща после этого случая уехала жить к сестре в Сумы, и больше я её никогда не видел. А сержант, говорят, стал заикаться.

Лес вновь вздрогнул, как от атомного взрыва. Все смеялись как умалишённые.

– Степанович, – хрипел Олег, – ты же сказал, что он тихий, что мухи не обидит, комара не убьёт... За такое... – от смеха он говорил обрывками фраз, – я бы его... к награде представил...

И снова задрожал тёмный лес.

– Ну, молодец! Ну, герой! Давайте, друзья, выпьем за Михаила и покурим! Надо немного успокоиться, а то тоже, как сержант, заикаться начнём, – и он снова захохотал.

– А наши голуби должны давно свариться, – Алексей подошёл к костру. – Я вытаскиваю, подайте мне поднос, а то разварятся и каша получится. И ещё кружки давайте, я бульончика налью. Запах – сказочный!

– А который час? – спросил Герасимов. Он был в этой компании явным лидером.

– Пятнадцать минут одиннадцатого, – ответил Лёша, приближая часы к костру.

– Ого! Однако, Михаил, ты сегодня не дал никому и слова сказать, – улыбнулся он. – Пока едим, можно послушать пару коротеньких историй. Завтра вставать до рассвета. Надо немного отдохнуть, чтоб во время охоты не стояли как сонные мухи. Степанович, у вас, докторов, таких историй... Начинай! Но кратко.

– Слушаюсь. Во врачебной среде самые распущенные и весёлые дерматологи и хирурги. Последние ещё и отъявленные и неисправимые матерщинники. Я учился в мединституте. Сидим в аудитории, ждём, когда начнётся лекция по дерматовенерологии. Входит профессор, солидный дядечка с бородкой и обворожительной улыбкой.

– Друзья мои, – начал он, – прежде чем начать нашу лекцию, я хочу рассказать одну притчу. Когда мне было столько же лет, сколько сейчас вам, мы с приятелем пошли на танцы. И там нам приглянулась одна девушка. Она была такой миленькой и непорочной, что наши сердца в груди бились, как птицы в силке. Но девушка выбрала моего друга. Таким образом, я остался с носом, а товарищ... Запишем название лекции: «Сифилис и его последствия».

И опять лес недовольно отозвался эхом.

– Ребята, а весёлая встреча у нас сегодня получилась. Давайте выпьем за удачную охоту. А в завершение расскажу вам анекдот и будем спать.

Все выпили, догрызли голубей.

– Слушайте. Мужик приходит к прокурору и спрашивает, сколько ему дадут за убийство. «А кого ты убил?» – спрашивает прокурор. «Пока никого, но собираюсь. Тёщу свою хочу замочить». – «Если мою по пути прихватишь, год условно тебе гарантирую».

И вновь дружно все засмеялись.

– Лёша, брось в костёр ещё дровишек, чтоб тёпленько было. Ложимся, друзья. Надеюсь, спальные мешки никто не забыл?

2

Солнце ещё и не думало просыпаться, а наши герои были на ногах. Дремавший в кустах ветер и не помышлял разгонять плотно осевший туман.

Теперь было уже не до рассказов. Все тихо экипировались и медленно стали спускаться к озеру. Рассредоточившись и определив угол обстрела, чтобы не перестрелять друг друга, принялись ждать.

Неожиданно на той стороне прогремел выстрел. И... охота началась.

Стаи уток металась над озером. Выстрелы раздавались один за другим. И собаки не отставали от своих хозяев, работали просто изумительно.

Вскоре под деревом образовалась огромная куча битой птицы.

Охота явно удалась.

Въехав в город, каждый выходил за две остановки до дома и гордо шёл, весь обвешанный дичью.

Одни смотрели с завистью, вторые – осуждали за жестокость, а третьи – безразлично, мол, и не такое видели.

1

Катя Сизова была женщиной неординарной. Она всё обо всех знала, охотно делилась этими сведениями с подругами и всем без исключения завидовала. Таких эпитетов к её характеру можно было бы добавить сотни, и все они только красили бы её. Из неё всегда горячим гейзером била необузданная, неукротимая и мощная энергия. А если бы она нашла точку опоры, то перевернула не только мир.

Работала Екатерина библиотекарем в воинской части, но по своему складу ума и нордическому характеру должна быть минимум директором крупнейшего металлургического завода или, в худшем случае, начальником сталеплавильного цеха.

В одном с ней подъезде жил офицер штаба, Сергей Филимонов – человек тоже специфичный, с постоянно торчащим в одном месте шилом. Жена его Галина трудилась костюмером в Доме культуры.

Очередной год подходил к концу, и население страны, по установившейся традиции, готовилось проводить его и встретить, с

надеждой на лучшее, следующий год, который, наконец, и должен исполнить все пожелания, сказанные за праздничным столом.

Поздним вечером в квартиру Филимоновых позвонили. Дверь пошёл открывать старший сын, потому что отец курил на лоджии, а мать готовила на кухне что-то на утро. Вошла Екатерина. Она цепко, взглядом сокола, оценила обстановку в доме, отметив, что паутина на потолке в прихожей до сих пор не убрана.

– Где отец? – сразу спросила она, как только вошла.

– Курит.

– А мама?

– Катя, проходи, я на кухне! – раздался голос Галины.

Та твёрдым шагом прошла туда и села у стола.

– Что делаешь?

– Есть готовлю. А то утром мои проснутся... Серёжа на службу, дети в школу... Каждый день одно и то же.

– Ты думаешь, у меня лучше? – она вытерла пальцами уголки губ. Это была её неизменная привычка. – Но пришла я к тебе по другому поводу. Ты можешь принести костюм Деда Мороза вечером, тридцать первого числа? Хочу, чтоб твой Сергей детей моих поздравил, – заявила она голосом, не терпящим возражения. – Поставь чайник, что-то во рту у меня пересохло, – и Екатерина снова вытерла губы.

– Сейчас подогрею. Тебе надолго он нужен? А то у нас на работе каждый день утренники для детей. Потом я одна через весь город его не повезу. Знаешь, какой он тяжёлый?

– Зачем он мне надолго? Только на один вечер. Вы же не работаете ночью. Пусть Серёжа тебе его и принесёт.

– Я не понесу, – раздался голос Сергея. – Тебе надо, ты и неси. Нашла дурачка.

– Вот что не попросишь тебя, никогда ничего не сделаешь! – прокричала зло Екатерина. – Хорошо, – повернулась она к Галине, – тогда я своего пришлю, а утром он его тебе отвезёт обратно.

– Грамотное решение, – донёсся голос Сергея из зала.

– Молчи уже, несчастье. Я тебе ещё вспомню этот случай.

– В таком случае, этот костюм напялишь на себя и будешь в нём поздравлять своих детей.

– Я пошутила. Галя, чайник кипит. Наливай, попьём чайку. Это какое у тебя варенье?

– Из крыжовника.

– Вот с ним и попью, без сахара.

2

Наступило тридцать первое декабря.

Каждая семья суетилась на кухне, готовя традиционную закуску: селёдку под «шубой» и салат «оливье». Уже далее меню разъединялось и зависело от фантазии, и в первую очередь – от финансовых возможностей. У одних были котлеты, у других – отбивные, у третьих – запечённая курочка...

В восемь часов вечера с двумя огромными кульками в руках пришла праздничная Екатерина. Было видно, что она волновалась. Под мышками на синем платье проступали пятна ядовитого пота, который не перебивался терпким запахом духов, а лоб блестел от испарины.

– Где отец? – спросила она у детей, вручая им по шоколадке.

– Спасибо, – ответили дети. – На лоджии.

– Курит?

– Курит.

– Позовите его, – сказала она и пошла на кухню. Что вкусненького готовишь? – поинтересовалась она у Галины, заглядывая в каждую кастрюлю.

– Ничего особенного. Сейчас сливки с вареньем буду взбивать...

Вошёл Сергей. На нём был спортивный костюм и футболка.

– Не накурился ещё? Одевайся и пошли. Дети ждут.

У Екатерины было двое детей: старший, Игорь, девяти лет и младший, Александр, пяти.

– Чего так рано? Мне брюки надевать?

– Это тебе рано. А у меня ещё масса дел. Я в десять Шурика спать буду укладывать. Так что наряжайся – и выходим! – она нервно вытерла пальцами губы. – В чём сейчас одет, в том и иди. Разглядывать тебя никто не собирается.

– Я тогда и тапочки снимать не буду, в них пойду.

Сергей надел костюм Деда Мороза, затянули его кушаком, Катя помогла надеть бороду и шапку.

– До чего ты занудный, прямо как мой муж. Ему что не скажешь, начинает жевать сопли, – и она вновь нервно вытерла рот. – Это вы у нас всегда в передовиках ходите, – сказала она вставая. – У меня дома к празднику ещё ничего не приготовлено.

– Врёшь ты всё. Между прочим, мне уже жарко. Долго ты будешь философствовать?

– А где палка?

– И без палки хорошо.

– Швабра у вас есть?

– Конечно, – Галина вынесла из туалета старенькую швабру.

Катя встала ногами на перекладину, выдернула из неё палку и подала Деду Морозу.

– Завтра новую подарю, – сказала она в дверях. – Идём!

– Ну, ступайте, – Галина обречённо вздохнула и поправила на муже шапку с бородой, а дети тихо стояли, наблюдая за всем происходящим.

3

Перед своей дверью Екатерина дала последние наставления Сергею:

– Ты постой, покури, а я пойду домой. Минут через пять позвонишь. Жёлтый пакет Игорю, а красный Шурику, в маленьком – для нас: одеколон Вите, а коробочку мне. Всё, я пошла.

Сергей не спеша выкурил сигарету и нажал на кнопку звонка. С ярко-красными губами и радостно улыбаясь, Екатерина открыла дверь. На её губах чётко выделялся след от помады.

– Дети, идите скорее сюда, к нам Дедушка Мороз пришёл, подарки принёс. Заходи, Дедушка, мы рады тебя видеть.

Из разных комнат вышли Игорь и Шурик. Младший походил на мать как две капли воды. К ним присоединился и их папа, саксофонист, с большим животом, в белой майке и голубых шерстяных спортивных штанах. Он прислонился к косяку двери, ведущей в зал, и тоже счастливо улыбался.

– С Новым годом, с новым счастьем! – забасил Сергей, рассказывая, какой трудный путь он прошёл, пока не добрался до них,

желал здоровья, радости, счастья и всего того, что желают в этих случаях. Не забыл сказать, чтоб дети были умными и послушными.

Все стояли и затаённо слушали тронную речь Дедушки Мороза.

– А теперь подарки! – весело произнёс Сергей. – Это папе, – и он достал из мешка флакон дешёвого одеколona.

– Дедушка, – спросил папа, – а подороже ничего не было?

– Сын мой...

– Виктор, вот тебе и здесь надо сунуть свой пятак! – прошипела ядовито Катя. – Вырядился как чучело, стоишь здесь и лыбишься, словно Иван-дурак. Бери, что дают, и радуйся!

Екатерина стабильно находилась с мужем в состоянии жёсткой конфронтации. Шурик же был наречён светлым именем отца Екатерины и никоим образом не именем отца. И второе – жутко хотелось получить трёхкомнатную квартиру. Это было сочетание приятного с полезным.

– Успокаиваемся, товарищи, и начинаем наше дальнейшее незапланированное торжество, – произнёс сурово Сергей и сунул руку в мешок. – А это – маме, – он вытащил красивую синюю коробочку и с поклоном передал Кате. – А вот и подарки детям. Тебе, Игорь, и тебе, Шурик, – кульки перекочевали в детские руки. – Хотелось бы послушать стихи, которые вы выучили к Новому году. Кто мне расскажет?

Буркнув «спасибо», Игорь развернулся и сразу ушёл в свою комнату, а Шурик стоял и изучающе разглядывал Дедушку Мороза.

Это было маленькое, худое, бледное, конопатое существо с заострённым носом и бегающими глазками. Он то поднимал голову вверх, пристально заглядывая Деду Морозу в рот, то опускал её вниз, изучая обувь. Всё, что плёл здесь Дедушка Мороз, ему несколько не было интересно. Он решал глобальную проблему: кто пришёл в карнавальном костюме.

– Это не настоящий Дед Мороз, а дядя Серёжа, – категорично прошепелявил он, и интерес к жизни у него пропал.

– Почему ты так думаешь? – засияла радостью мать, счастливо улыбаясь раскрашенным ртом.

Было видно, что и отец не остался равнодушным к происходящему и тоже восхищался своим произведением искусства.

– А потому что у него зубы золотые, как у дяди Серёжи, и на ногах тапочки, как у дяди Серёжи, и говорит он, как дядя Серёжа...

– Да нет, сынок, тебе показалось. Жёлтые зубы у Дедушки, потому что ему в дороге негде было их почистить. А если и ты не будешь зубы чистить, то они станут такими же.

– А тапочки? – ехидно спросил он.

– Дедушка старенький, ему тяжело в валенках по квартирам ходить и детей поздравлять, поэтому он переобулся у дяди Серёжи и пришёл к нам, – ответила сыну разумная мать.

– Всё равно это дядя Серёжа, меня не обманешь, – он раскрыл кулёк и пошёл в зал, где стояла наряженная ёлка.

– А стихотворение?.. – попытался остановить его Дед Мороз, но в ответ не раздалось ни звука.

– Дедушка, приглашаем вас пройти на кухню, – сияя радостью, гордостью и счастьем за разумное дитя, проговорила Катя. – Надо проводить старый год. А ты так и будешь стоять здесь пнём? – повернула она голову в сторону мужа. – Иди, налей нам по рюмочке.

4

На кухне что-то кипело, и было неимоверно жарко. Сергей снял с себя шапку, бороду, закатал рукава и ослабил кушак. Маскировка теперь теряла всяческий смысл.

Катерина быстро достала из холодильника холодец, селёдку и салат «оливье». Виктор порезал хлеб и разлил самогон по рюмкам. Екатерина, в целях экономии, казённую водку в доме не держала, а гнала сама и даже приторговывала ею.

Все дружно выпили, крикнули и принялись закусывать. Сергей как коршун набросился на селёдку – любил её очень. Катя об этом знала, но, видимо, в спешке забыла и выставила на стол. Теперь глядя, как та исчезает, пожалела об этом.

– Дедушка, ты не только на рыбу налегай, сейчас её съешь, а мне нечего будет поставить на стол, холодца поешь, салатик попробуй. Налей нам, Витя, ещё по рюмочке. В хорошем доме одну рюмку никогда не пьют.

Выпили снова. Сергей с сожалением поглядел на селёдку и начал закусывать холодцом. Потом он откинулся на стуле и с

удовольствием закурил (в доме Кати не курил никто, но Дедушке разрешили это сделать).

– Серёжа, – вдруг осенило Екатерину, – а давай поздравим всех детей в нашем подъезде, – бушующая в ней энергия наконец вырвалась наружу. – Докуривай – и пойдём. До Нового года три с небольшим часа, малые дети не спят.

– Мне надо...

– Ничего тебе не надо. Я сейчас позвоню Галине и предупрежу, что ты задержишься. Справятся без тебя, – и она пошла в прихожую звонить по телефону.

5

На лифте они спустились на первый этаж, и праздник жизни получил своё неожиданное продолжение.

Катя располагала надёжной информацией, кто, где живёт и чем там дышат. Она безошибочно звонила в квартиру, где обитали маленькие дети. Открывал дверь кто-то из взрослых. Узнав о цели посещения, среди родителей сразу начинался переполох, выносились подарки, и Дед Мороз с Екатериной входили, как полноправные хозяева планеты.

Отбарабанив стандартное приветствие и раздав обезумевшим от счастья детям гостинцы, Дед Мороз и Катя традиционно были проведены на кухню, и там всё повторялось с закономерной последовательностью, вплоть до девятого этажа.

Домой Сергей пришёл около двадцати трёх часов изрядно выпившим. Катя идти с ним в квартиру наотрез отказалась.

– А вот и радость наша в дом пришла, – зло прошипела жена. – И какой красивый явился...

Сергей ничего не ответил, молча разделся, пошёл в спальню, лёг и уснул. Смена года прошла без его участия.

Утром болела голова, слегка подташнивало, и с ним никто не разговаривал. Но к вечеру горести в семье забылись и в доме наступил долгожданный праздник.

Больше Сергей в карнавальных торжествах не участвовал. И швабру они сами купили новую, потому что обещанного подарка так и не дождались.

1

Михаил зашёл в троллейбус на конечной остановке. В салоне сидело три человека, но он встал у окна на задней площадке и скучно смотрел то в окно, то на пассажиров, что заходили и выходили. По мере движения троллейбус заполнялся, становилось жарко. Он снял с головы фуражку, вытер лоб. Его стройная фигура идеально гармонировала с военно-морской формой. Он не был красавцем, но специально сшитые слегка расклешённые брюки и кремовая, чуть приталенная, рубашка положительно выделяли его из общей массы. Женщины легко им обольщались, дарили себя и многое прощали.

У кинотеатра «Пионер» его внимание привлекла вошедшая в среднюю дверь белокурая женщина в элегантном тёмно-синем платье в мелкий белый горошек. Небольшая полнота её абсолютно не портила, а даже наоборот – придавала определённый шарм.

– Наташа, счастливо! Доедешь – позвони! – прокричала ей с остановки подруга.

Войдя, она моментально оценила всех ехавших пассажиров, на долю секунды задержав взгляд на Михаиле, и встала так, чтобы он

видел все её достоинства. В голове офицера сразу зародился к ней интерес, и он принялся рассматривать незнакомку.

На вид ей было лет тридцать, не больше. В этом возрасте женщины знают себе цену, умеют выделять достоинства и скрывать недостатки, производить эффект и очаровывать.

Михаил не спешил. Он наверняка знал, чем всё должно закончиться.

Распущенные до лопаток волосы были светлые от рождения.

«Блондинка. Наверняка не блещет умом. Не люблю глупых женщин, – огорчённо подумал он. – Но всё остальное восхитительно!»

Он изучающе разглядывал её. Длинная чёлка скрывала слегка большой лоб. Брови, выщипанные дугой, придавали лицу изумление и задумчивость. Закруглённые вверх ресницы и подведённые голубой тушью глаза подчёркивали глубину её тёмных глаз. Щёки покрывал лёгкий румянец, а на пухлые губки нанесена розовая перламутровая помада. В ушах виднелись серьги с сиреневым камушком. «Вероятно, аметист», – предположил Михаил.

Подбородок делила небольшая ямочка, свидетельствующая о страсти оной дамочки. На короткой шейке покоилась мелкая золотая цепочка, а в ложбинке мягких грудей лежал крестик.

Наташа прекрасно понимала, что произвела должный эффект на симпатичного морского офицера, отчего взволнованно дышала, высоко поднимая грудь.

Михаил начал медленно продвигаться к ней, протискиваясь сквозь плотно стоящих пассажиров.

– Наташа, извините, пожалуйста, я бы мог вам помочь держать пакет.

Её щёки мгновенно покрылись естественным румянцем.

– Спасибо, но он не тяжёлый. А откуда вы знаете моё имя?

– Просто от природы я обладаю уникальным даром предвидения и пророчества.

– Да? – чарующе улыбнулась она, показывая белизну своих зубов и пронзая Михаила своим жгущим взглядом. – Вы опасный человек!

– Не больше, чем солнечный зайчик. Скажите, где сейчас можно вкусно поесть?

– Вкусно? Наверное, в ресторане, но там невероятно дорого. Или у вас много денег?

– Вот с деньгами как раз напряжёнка. Где вы видели офицера, имеющего много денег? Гений должен быть нищ, – улыбнулся Михаил и слегка прижался к Наталье, ощутив дрожь в её теле.

– А вы гений? – снова засмеялась она.

– Безусловно!

– И куда же гений едет?

– Куда глаза глядят.

– А куда они глядят?

– На вас!

– Это правильный ответ. А где вы живёте?

– Вы будете приятно удивлены. Я обитаю на голубой планете Земля. И заявляю со стопроцентной уверенностью: именно мой предок взял в руки палку и ею сбил банан с дерева.

– Я начинаю гордиться вашей родословной. А Земля – это далеко?

– Смотря от чего вести отсчёт.

– Хотя бы от Солнца. Надо же мне как-то сориентироваться.

– От Солнца мы находимся на расстоянии сто пятьдесят миллионов километров.

– Всего лишь? А какие ещё ориентиры есть? – улыбнулась она.

– Ну, если вам это что-нибудь скажет, то от нас до Марса чуть более семисот восьмидесяти миллионов километров, а, к примеру, до Венеры...

– ...сорок один с половиной? А до спутника Луна – около четырёхсот тысяч километров? Да? Теперь я знаю, где вы живёте, Миша.

Михаил смотрел на неё широко раскрытыми глазами.

Наташа весело рассмеялась:

– Не огорчайтесь сильно, просто я работаю в обсерватории.

– Я ещё хотел сказать, – задумчиво произнёс он, – что тело человек на семьдесят процентов состоит из воды...

– ...и двадцати четырёх процентов органических веществ и шести неорганических...

– Я поражён и восхищён...

– В этом приподнятом настроении я оставляю вас. Мне надо выходить.

– Вы знаете, мне тоже.

Михаил быстро спрыгнул со ступенек и учтиво подал даме руку.

– Благодарю вас, славный представитель планеты Земля. У нас такое почти не практикуется. Здесь живут несчастные люди-дикари.

Весёлый ветерок бесцеремонно резвился Наташиным платьем. Видя это, в жилах офицера закипала кровь.

– Честно признаться, я вовсе не ожидал такого поворота событий, – проговорил Михаил. – Я считал, что только на флоте служат люди с паранормальными способностями. А тут... Должен признаться, когда вы вошли в троллейбус и я взглянул на ваши белокурые волосы, то поддался укоренившемуся мнению, что все блондинки дуры... Извините, пожалуйста. А тут я сам оказался полным дураком. Теперь воочию убедился, что передо мной стоит человек, обладающий недюжинным умом и сообразительностью, – он быстро наклонился и поцеловал Наталью в губы.

По времени поцелуй не походил на дружеский, а скорее наоборот.

– Как вкусно, – сказал он, прерывисто дыша. – Хочу повторить.

– Ты что, опозорить меня хочешь? Только не здесь.

– Тогда срочно туда, где мир теряет свои реалии, а эмоции затмевают разум! Но вначале пойдём, зайдём в супермаркет.

– Зачем? Дома всё есть. Что ты хочешь купить?

– Шампанское, коньяк, торт, пельмени...

– Ты алкоголик?

– Абсолютно нет. Конечно, я выпиваю, но пить не люблю. Жить надо в реальном мире, а не во сне. Так много есть других интересных вещей. Например, я отдаю предпочтение путешествию. Знать свою историю и потрогать её руками... Потом, от чрезмерного употребления горячительных напитков я сильно болею. А это –

очень плохо. Я и без алкоголя весёлый. А вот после нашего поцелуя стал пьяным.

– Тогда зачем коньяк?

– Хотел угостить тебя коктейлем «Бурый медведь».

– Не люблю смешанные напитки. Возьми, если хочешь, хорошее красное вино.

– Только покажешь какое. Я вино не пью, у меня от него желудок болит.

– А от коньяка?

– От коньяка не болит.

– Берёшь вот это вино, а дома у меня в баре, наверное, уже с полгода, стоит полбутылки коньяка. Тебе столько хватит?

– Вполне.

– Вместо торта предлагаю взять эклеры. Покупные пельмени не ем. Будет желание, я тебе налеплю домашних и приглашу.

– Договорились.

– А на ужин приготовлю тебе отбивную с жареной картошкой. Я сегодня на рынке купила свежее мясо. Как знала, что тебя встречу. Меню утверждается?

– Целиком и полностью.

– Вот и отлично!

2

Вскоре они поднялись на четвёртый этаж. Двухкомнатная квартира выглядела скромно, но уютно. Казалось, что в ней нет ничего лишнего. Она не давила роскошью, напыщенностью и безвкусицей. Но в ней чувствовалась рука хозяйки. Всё производило впечатление раскидистого дерева в пустыне, где путник может отдохнуть, поесть и попить воды.

– Миша, я пошла на кухню, а ты займи себя сам. Включи телевизор, музыку послушай или книгу почитай...

– Я хочу помочь тебе. А потом, во мне как заноза сидит один вопрос. Я забыл об этом, но сейчас вспомнил. Откуда ты знаешь моё имя?

Миша даже не заметил, когда Наташа успела переодеться в миниатюрный цветастый халатик.

– Очень просто. Почти так же, как ты узнал моё. Это Света, провозжая, назвала меня по имени, а ты услышал. Так? У тебя же на левой кисти выколота буква «М». Митрофан, Матвей, Модест, Моисей явно не подходят тебе, а вот Михаил – в самый раз.

– Боже, как тривиально!

– А ты говоришь... Снимай рубашку, надевай передник и почисти картошку, а я займусь мясом. Потом порежу салат. Чтоб мне не было скучно, ты должен рассказать что-то интересное. Можно и лучше о себе. Надо знать, кто у тебя в гостях. Вдруг бандит, – засмеялась она.

– Если честно, в моей биографии очень мало светлых мгновений, а вот серых красок хоть отбавляй. Родился я в Севастополе. Мой отец, курсант Военно-морского училища имени М. И. Фрунзе, в это время проходил стажировку на большом противолодочном корабле «Отважный». 30 августа 1974 года корабль вышел выполнять учебные стрельбы. В этот день я и родился семимесячным. В сорока километрах от Севастополя на корабле взорвался ракетный погреб, потом прогремело ещё несколько взрывов. И как итог – корабль затонул. Погибло 24 человека – девятнадцать моряков и пять курсантов, одним из которых был мой отец. Мама как узнала, сошла с ума, впала в жёсткую депрессию, хотела покончить с собой. Но бабушка ей это сделать не дала. В роддоме ей произвели операцию, кесарево сечение, и отвезли в психиатрическую больницу, откуда она больше не вышла, так и жила в своём мире, ничего и никого не узнавая... А через девять лет её не стало.

– Боже, какое горе! – всхлипнула Наталья.

– Воспитывала меня бабушка. А после восьмого класса меня как сына героя приняли в Нахимовское училище в Ленинграде. После его окончания я пошёл учиться в Военно-морское училище имени А. С. Попова. После него меня распределили в Севастополь, на крейсер командиром группы. А через четыре месяца с мачты срывается моряк из моего подразделения и разбивается насмерть. Вины моей в этом не было никакой. Но... если виновного нельзя найти, его назначают. Меня со всеми мыслимыми и немыслимыми наказаниями отправили служить в учебный отряд. Так карьера, только-только начавшись, прекратила своё существование.

– Миша, а ты тогда был женат?

– Нет, я потом женился. Но это моё новое падение. Между прочим, картошку я почистил. Наташа, если ты не против, я пожарю её с луком. Это вкусно, и запаха лука слышно не будет. Но для этого мне потребуется полстакана молока.

– Возьми сам в холодильнике, а то у меня руки в мясе. А лук под мойкой. Дверку открой, он слева, в ведёрке.

– Начал я служить в учебном отряде. И всё вроде бы шло хорошо и удачно. Женился, дочь родилась, стал заместителем командира... Но шлейф прошлой службы, как хвост у кометы, тянется за мной до сих пор. Нет-нет да и напомнит кто-то...

От жарившегося на сковороде мяса исходил умопомрачительный запах. Жарилась и картошка.

Наташа, помыв руки, принялась резать овощи.

– Натали, я тебе не надоел со своими воспоминаниями?

– Нет, что ты! Продолжай. Очень грустно и печально это слушать... Сколько же ты пережил за свою короткую жизнь!..

– А пять лет назад я отправил свою жену в санаторий, в Геленджик, подлечить сердечные проблемы. Там она нашла и полюбила подводника, уехав с ним на Север и забрав дочь. А чтобы всё выглядело красиво, написала в партийные органы, что я пьяница и бабник и что с таким она жить больше не может. Хорошо, что замполит был соседом и оказался порядочным человеком. Он не дал меня сожрать всей этой партийной своре. Но меня перевели в Николаев на должность помощника начальника штаба. И вот уже два года как я обитаю здесь.

– А где живёшь?

– В общежитии семейного типа, на улице Садовой.

– А куда ехал?

– Тебя искал.

– Не обманывай!

– Честно.

– Нашёл?

– Так точно!

– А если правда?

– Сегодня отпросился со службы и поехал проводить в последний путь товарища. Прощался с прахом хорошего человека. Много было пафосных слов, но за поминальным столом после второй рюмки его забыли. Это печально и грустно. Неужели и с нами будет так же? Я не хочу, чтобы, к примеру, наша с тобой встреча канула в Лету.

– А что с ним случилось? Кто он?

– Главный инженер завода. Сердце. И произошло прямо на совещании. Раз – и всё. Об одном Бога прошу, чтоб и он мне дал такую смерть. Не хочу ни для кого быть обузой. Не хочу, чтобы кто-то желал мне смерти и с нетерпением ждал её.

– Миша, не говори так, иначе я заплачу. Так куда ты ехал?

– В гости к нашему доктору. Давно звал меня. Хотели посидеть, пиво попить с таранечкой... Надо же девать себя куда-то. Телевизор не люблю, а вот книги... Он живёт в двух остановках от тебя. Хороший мужик, весёлый, добрый, общительный. Любит жизнь и женщин!.. Наши с ним судьбы чем-то похожи. Он тоже в своё время хлебнул горя, но остался человеком. Знаешь, – Михаил сжал ладонь в кулак и потряс им, – неунывающий жизнелюб... Никогда не продаст, хоть и поговорить любит, даже хлебом не корми. Уважаю таких!

– Ты меня с ним познакомишь?

– Обязательно.

– А что ты, Миша, читаешь?

– Кроме мемуарной литературы, политической, фантастики и детективов, всё. Люблю классику, историю. Даже иногда сам балуюсь, стихи пишу, когда Муза приходит.

– А Муза часто приходит? – хитро спросила Наташа.

– Не часто, но бывает.

– Как интересно! Почитай мне что-нибудь.

– Если можно, не сейчас.

– Хорошо, в следующий раз. Миша, вот так и живёшь сам? Больше не женился? Так любишь жену?

– Нет... Я стал очень придирчив. То женщина не нравится, то что-то другое...

– Что не понравилось во мне? Только без утайки.

– Пока претензий нет.

– Если сказал правду, то очень хорошо.

– А ты одна или?..

– Одна. Вот уже полтора года. А прожили с мужем три. Не было детей. Он обвинял меня, стал пить, гулять, даже пару раз ударил, – Наташа надолго задумалась. Было видно, что это ей вспоминать неприятно. – А когда пошли и проверились, оказалось – у меня всё в этом отношении в порядке, а у него малоподвижные сперматозоиды и детей иметь не может. Тут он сорвался с катушек полностью. Я подала на развод. Оставив всё, уехал куда-то на Север. С тех пор о нём ни слуху ни духу. Мишенька, тебе не кажется, что твоя картошка начинает сгорать? – засмеялась Наташа.

– Ой, – бросился к плите Михаил, – я совсем забыл, – он вылил в сковороду молоко, посолил, перемешал и накрыл крышкой. – Не переживай, будет вкусно!

– Попробую. Такого блюда точно никогда не ела. Мишенька, ты здесь заканчивай, а я пойду в зале накрою стол. Свой кулинарный шедевр туда прямо в сковородке носи. Подставочка на стенке висит.

Михаил присел на табурет. Сейчас ему было легко, просто и домашнему спокойно. Отсутствовала чопорность, напыщенность, забубренность пошлых фраз, фальшивая радость и притворная игра в любовь. Это он проходил много раз. Но такого, как сейчас, чувства никогда не испытывал.

«Наверное, я устал, – подумал он. – Перекати-поле. Всё есть, и ничего нет. Рассказывал про жизнь во сне... А сам не живу, а существую. Оглянуться страшно. Сзади – ничего, да и впереди тоже, – мысли Михаила перелетали с одного на другое. – Уже тридцать два, завтра тридцать три, послезавтра... И ты один. Вокруг – пустота. Воды некому будет подать...»

Ему стало жалко себя до слёз, захотелось тишины, покоя, уюта и семейного тепла. И чтоб тебя встречали после работы, а утром будили и из окна махали рукой...

– Мишенька, ты там не уснул? – послышался голос Наташи из зала.

Он потряс головой, отгоняя роившиеся мысли.

– Иду, – хрипло ответил он.

Михаил вошёл в зал. В комнате был полумрак. По краям стола возвышались два подсвечника с зажжёнными свечами, освещающая сервированный стол. В комнате тихо играла лёгкая саксофонная музыка. В тёмном длинном платье и туфлях на высоком каблучке, с ниткой мелкого жемчуга на груди, источая умопомрачительный, чарующий запах духов, склонившись над столом, стояла Наташа. Было что-то ещё невидимое, прелестное, пленительное и домашнее, что Михаил не мог разобрать. В душе и сердце сделалось легко и спокойно, как бывало в раннем-раннем детстве, когда приходила бабушка, целовала его и тихо говорила: «Поворачивайся, сыночек, к стеночке и спи», подтыкала одеяло, опять целовала. И ты сладко засыпал, улыбаясь, а глазки щипали слёзы радости и счастья.

Михаил застыл в дверях как вкопанный, со сковородкой в руках и в переднике. Он не мог произнести ни слова. И вся жизнь, горькая, злая, жестокая, в одно мгновение промелькнула перед глазами, жизнь, которая сделала его прочнее стали, научила бить по зубам, кроша челюсти врагов, рвать их в клочья, пробивать толстенные стены... И вдруг вся эта нагромождённая защита взяла и рухнула словно карточный домик. И казалось, что сейчас он стоит голый перед всем миром, а этот мир глумится над ним и насмехается. К его глазам неожиданно подступили слёзы, и он, как маленький мальчик, упал на колени и зарыдал, уронив голову на пол.

Наташа, ничего не понимая, бросилась к нему, опустившись тоже на колени. Она нежно приподняла голову Михаила, положила на грудь и стала гладить по волосам, тихо шепча:

– Миленький мой, да что же такое случилось с тобой? Ты не ошпарился, солнышко, не стукнулся? Может, я обидела тебя чем-то? Прости меня, пожалуйста. Успокойся, прошу тебя, – и она тоже зарыдала.

– Наташенька, ты только поверь в то, что я тебе сейчас буду говорить. Мне никогда в жизни не было так хорошо, как сегодня. Я словно долго-долго шёл по тёмному туннелю, шёл как дикий, одинокий, загнанный волк. И вот появился яркий свет и луг с множеством цветов и запахов, от которых сдавливают грудь. И становится легко во всём теле от сброшенных пут и тяжёлого груза, что

донёс до конца. И ты уже не серенький, не маловыразительный, а такой же яркий, как и все... И за свои слёзы мне нисколько не стыдно. Именно они смыли с меня всю по жизни накопленную грязь. И именно ты стала этим божественным целителем. Я благодарен тебе за это.

– Мишенька, милый, если это сделала я, если вошла в твой мир, раскрасив его и сняв пелену с глаз, я самая счастливая женщина на этом свете, – она беспрестанно целовала его, и было теперь не понятно, чьи слёзы текут по лицу Михаила. – Пойди, родненький, умойся, а лучше душ прими. Извини, только у меня горячей воды нет. Ты пока раздевайся, а я быстренько подогрею кастрюлю. И сковородку отнесу на кухню, твоя хваленая картошка совсем в лёд превратилась.

– Наташенька, воду не грей, я принимаю только холодный душ.

– Однако силён! – улыбнулась она. – Сейчас дам полотенце.

Только сейчас Миша заметил тёмные потоки туши, растёкшиеся по её лицу, и весело засмеялся.

– Ты чего? – удивлённо спросила она.

– Ничего, – замотал он головой. – Просто я люблю тебя! Сильно-сильно...

3

– Собирайся! – Михаил вышел из душа. С волос стекали капельки воды.

– Куда?.. А стол... Мы же...

– Всё берём с собой.

– Ничего не понимаю. Растолкуй глупой женщине. Возьми для начала фен и посуши волосы.

– Наташа, я отдаю тебе всего себя – душу, сердце, судьбу... Будь моей женой! Я тебя люблю и буду любить всю оставшуюся жизнь. Я даже не предполагал, что такое возможно за какие-то считанные часы. Ты перевернула во мне всё.

Глаза Натальи стали широко раскрываться, румянец покрыл кожу лица.

– Миша...

– Завтра утром мы расписываемся, а со свадьбой решим позже.

– Миша...

– Я хоть чуточку тебе нравлюсь?

– Больше, чем чуточку.

– Неужели тогда ты способна швырнуть все мои чувства, разбив их вдребезги?

– О чём ты говоришь? Нет, конечно! С тобой я готова на всё. Я тоже тебя люблю! Сегодня происходит что-то невероятное, сказочное. У меня голова от счастья идёт кругом. Ты мне потом обязательно расскажи, что ты любишь, что тебе нравится, и я всё буду делать так, чтобы тебе стало приятно и хорошо. Только и ты меня, пожалуйста, не обижай. Эту школу жизни я прошла с лихвой.

– Конечно, обещаю. Мы будем с тобой жить очень хорошо, чтобы все завидовали, а каждый прожитый день был для нас, как первая встреча. А заходя в дом, всё плохое оставлять за порогом.

– Мишенька, но почему завтра?.. Зачем так спешить?

– Я с завтрашнего дня в отпуске, и мы поедем с тобой в свадебное путешествие.

– Но меня могут...

Михаил прижал её губы пальцем и поднёс телефон к уху.

– Женя, ты дома?

– А ты как считаешь? Договорились встретиться, а я, как последний дурак, жду тебя два часа. Пиво в холодильнике, тарань почищена, Галя картошку пожарила... Нехорошо поступаешь. Я от скуки полпачки сигарет выкурил. Неужели трудно было позвонить? И у нас обоих на телефонах денег нет.

– Не ругайся, через полчаса будем у тебя.

– Будем? Кто ещё с тобой? И что это там у тебя постоянно жужжит?

– Фен. Остальное при встрече. Натуся, ты готова? Паспорт с собой возьми. Сейчас заедем ко мне, я заберу машину, деньги и ещё кое-что. А удостоверение личности всегда при мне. Ещё раз хочу уточнить: я тебе не противен?

– Ну что ты, Миша, – она подошла к нему, взяла руками голову и сладко поцеловала в губы. – Я тебя тоже очень сильно люблю! – прошептала она. – Господи, неужели такое может случиться в жизни? Давай не пойдём никуда, – снова прошептала она.

– Если честно, я бы тоже никуда не пошёл, но идти нужно в обязательном порядке.

– Остаёмся?! А завтра всё и решим! – радостно бросилась она ему на шею.

– Не искушай. Теперь не мы идём, а Судьба ведёт нас с тобой за руки. Пакет есть у тебя?

– Есть. А зачем он тебе?

– Чтобы сложить отбивные и поставить бутылки.

– Ты хочешь всё это взять с собой?

– В обязательном порядке. Мы же едем на помолвку!

– Миша, как у тебя всё быстро и просто.

– Жизнь – сложная штука, и наша задача – сделать её простой и доступной. Я боюсь только одного.

– Чего, мой самый храбрый воин?

– Что разлюбишь меня.

– Теперь уже этого не дождёшься.

– Вот и славно! Поехали!

4

Через полчаса Михаил позвонил в дверь квартиры под номером двадцать один.

– Какой у них счастливый номер, – произнесла Наталья.

– А у тебя? Я, очарованный тобой, если честно, даже и не обратил внимания.

– Тринадцатый, – грустно выдохнула она.

– Это предрассудки. Не обращай внимания.

Дверь открыл приятный молодой человек в голубом спортивном костюме.

– Галя! – прокричал Миша. – Иди быстро сюда. Не буду же я каждого из вас знакомить со своей невестой! Времени не хватит. А то придётся её представлять как супругу.

Из зала вышла миловидная женщина в простеньком ситцевом халате, а из спальни выглянули два пацана.

– Друзья мои, познакомьтесь: моя невеста, а с завтрашнего дня жена, Наталья. И в этом ты, Галочка, должна нам помочь! А это

Женя, его жена Галя и их милые дети, десятилетний Серёжа и пятилетний Глеб.

– Ой, как здорово!.. – воскликнула Галина. – А давно вы знакомы?

Михаил посмотрел на часы.

– Три с половиной часа. Одно могу сказать: я нашёл то, что искал. И вы первые, кто об этом узнал. Только не надо хлопать в ладоши, восхищаться, выплёскивать положительные эмоции. Пойдёмте, присядем на кухне и всё обсудим, а потом отметим это дело.

Евгений и Галина с удивлением воспринимали происходящее. Они напоминали людей, впервые увидевших инопланетян.

– До чего ты, Мишка, деятельный человек. Тебе бы страной руководить, – произнесла Галина.

– Хорошая мысль. Об этом я обязательно подумаю.

5

– Галя, ты должна нам помочь. Это надо сделать как можно быстрее.

– Ты в своём уме? Как ты себе это представляешь? И зачем такая спешка, не пойму. У тебя горит или бзык?

– Я с завтрашнего дня в отпуске.

– И что? Для этого надо переворачивать мир?

– Просто я собираюсь с Наташей съездить в свадебное путешествие, а её на работе не отпускают. Хочешь, я перед тобой, заведующей ЗАГСом, на колени встану. Хотя подожди три минуты, я кое-что забыл в машине.

Он выбежал, но вскоре вернулся, держа на руках огромную шкуру серебристого песка, которая буквально заискрилась в лучах света. Он накинул её на плечи Галины.

– Это тебе, дорогая! Настоящая королева! Прими от чистого сердца этот скромный подарок.

Все обомлели.

Наташа сидела за столом как чужая, с интересом наблюдая за всем происходящим.

– Мишка, ты купить меня хочешь? Я не возьму такую дорогую вещь.

– Галя, не расстраивай меня. Если помнишь, я зимой ездил охотиться на Север. У меня таких дома ещё пять лежит. Всё равно бы я тебе на день рождения её подарил. А сейчас такой повод! Всё для фронта, всё для победы!.. А ты что сидишь, как немой? – Михаил посмотрел на Евгения.

– Галя, может, и правда можно помочь?

– Уж ты помолчал бы. Иди лучше покури. Миша, ты толкаешь меня на противоправные действия. Сколько сейчас времени?

– Без трёх девятнадцать.

– У вас хоть документы с собой?

– Да. Документы, деньги...

– А машина?

– Под подъездом...

– Вот тебе лист бумаги и ручка. Пиши заявление, – Галина стала диктовать. – В конце напиши, что ты уезжаешь в загранкомандировку, к примеру, в Суринам, а туда без супруги ехать не разрешается... Написал? А где свидетель? Он так мне всю квартиру прокурит. Миша, надо будет купить литровую бутылку водки, закуску и воду сторожу, чтоб не заложил на патриотических началах. Женя, ты уже переоделся? Мы выезжаем! Джинсы с майкой хотя бы надень. Я тоже пойду, в платье облачусь. Наташа, а вам нравится такое светопредставление?

– Если честно, я тоже в шоке, – тихо произнесла она. – За десять минут судьба делает поворот на сто восемьдесят градусов.

– Не знаю, как десять, а минимум час мы потратим. Авдеев! – повернулась она к Мише. – Смотрю, у тебя каллиграфический почерк. Свидетельство о браке будешь сам себе выписывать.

– И на это согласен.

6

Время приближалось к полуночи, когда друзья стали расставаться.

– Миша, – Евгений обнял друга, – ты молодец! Хвалю! А ещё с завтрашнего дня в отпуске!.. Вдвойне молодец!

– Уже с сегодняшнего. И вопросов массу надо решить... А потом – в свадебное путешествие, – он обнял Наташу и поцеловал. – Галочка,

огромное тебе человеческое спасибо от всех нас. Мы пойдём, а то у нас будет не первая брачная ночь, а брачное утро, – засмеялся он. – Спокойной ночи. И не забудьте про субботу, мы едем в загородный ресторан кушать рыбу и есть шашлыки.

– Счастливо, ребята. С первой ночью вас и целой жизнью!

7

– Миша, побежали, вон маршрутка идёт. Пять минут – и дома, – Наталья быстро взяла его за руку и потащила к дороге.

– А пойдём, Наташенька, пешком, через парк. И всего-то на пять минут длиннее. Воздухом подышим, я тебе стихи почитаю, целовать буду...

– Я хочу быстрее домой, хочу прижаться к тебе... Но если хочешь, пойдём пешком. Машину ты здесь оставляешь?

– Жажду любви надо сильно почувствовать, чтобы потом всласть напиться, – поцеловал он её. – А машину утром заберу. Что с ней делается, она же на сигнализации. В нашем состоянии опасно ехать... И права отберут, и штраф выпишут.

– Какой ты у меня разумный, практичный и рассудительный, – Наташа взяла его двумя руками под руку и крепко прижалась. – Как мне хорошо и спокойно, если бы ты только знал!

Они медленно шли, радуясь своему счастью. Весь мир теперь принадлежал только им, и звёзды, празднично ликуя, светили тоже им, и цокот каблучков, весело отскакивая от деревьев, сообщал миру об этом миге человеческого счастья.

– Моряк, девочку подари, – раздался пьяный голос из темноты.

Михаил поначалу даже не расслышал, о чём его просили. Сзади постучали по плечу.

– Не слышишь, что ли, о чём хлопочут реальные пацаны? Девочкой поделись!..

Он бережно отстранил Наташу и, резко повернувшись, изо всей силы ударил стоящего сзади. Тот, не издав ни звука, рухнул на землю как подкошенный.

– наших бьют! Окружай его!

– Мишенька, я боюсь. Побежали быстрее отсюда, – прошептала испуганная Наташа.

– Не трись. Отойди немного в сторонку, только далеко не уходи и не мешай мне. Я с ними сейчас разберусь.

Он увидел, как пять человек медленно приближались к нему со всех сторон. Отступить было некуда.

Михаил первым бросился на близстоящего, но обо что-то запнулся и упал. К нему сразу подбежало три человека. Он почувствовал, как что-то острое и горячее вонзилось в его грудь.

– Наташенька, прости меня, – были его последние слова.

Крика Натальи о помощи он уже не слышал.

8

Утром на берегу озера мужчина, выгуливая собаку, нашёл два мёртвых тела – мужчины в морской форме и окровавленной рубашке и женщины в разодранном в клочья платье с широко раскинутыми руками и ногами.

9

Убийц нашли быстро, но жизни, молодые, счастливые, верящие в светлое будущее жизни, вернуть было уже невозможно.

Их хоронил весь город. Люди шли и плакали, проклиная тех, кто лишил их права жить, и тех, кто готов повторить подобное.

Михаила и Наталью похоронили в одной могиле. Теперь их миг маленького земного счастья перенёсся на небо, став бескрайним, как вселенная.

Через год друзья на их могиле установили памятник. Он представлял собой сердце, разорванное пополам.

Одним словом охарактеризовать этого человека просто невозможно. Он – как хамелеон, в хорошем смысле этого слова, всегда разный. Знает массу анекдотов и прирождённый рассказчик. Он чаще весел, чем сердит, но изредка бывает задумчив и угрюм, чаще выпивши, чем трезв. Далёк от заносчивости и чванства.

Михалыч – человек слова. Он не позволяет себе никуда опаздывать и никогда никого не обманывает. Очень много читает и много знает. С ним можно поговорить на любые темы. Ко всему прочему, Михалыч – кандидат наук.

Живёт он в хорошей квартире, доставшейся ему от родителей, в трёх станциях метро от Красной площади. А самое его большое достоинство – Михалыч не женат. Претенденток на место в кровати – не пересчитать. Но он не позволяет им садиться себе на шею, не балует подарками и обещаниями.

Плотный, чуть выше среднего роста, он зимой и летом ходит в камуфляжной форме. Его одутловатое лицо красят пышные рыжеватые казацкие усы и густые чёрные брови. На боку всегда болтается брезентовая сумка. Её длинная ручка перекинута через голову

на противоположное плечо. И на ногах традиционные кеды. Сейчас ему немного за пятьдесят, но он вечно молод.

Когда-то в пору своей юности он три года служил на Севере, на атомной подводной лодке, которая с любовью запечатлена на его левом плече. Потом институт, работа в НИИ и длинная разнообразная жизнь.

Со стороны казалось, что он знает в Москве всех и вся Москва его тоже знает.

Он не торопясь шёл с работы.

– Михалыч! – крикнули ему из бара. – Иди к нам! Мы тебе бокал пива взяли.

– Грамотное решение! – проговорил он, входя и со всеми здороваясь. – А то я иду, как в пустыне, – ни души. Не столица, а город Зеро, – улыбнулся он. – В моей волшебной сумке к этому случаю лежат три свеженькие тараньки, – он порылся и положил их на стол.

Толпа одобрительно загудела.

– Очень хочется сказать вам три весёлые буквы, – он рассмеялся, со всеми чокаясь.

– Михаил Михайлович, так вы же не ругаетесь. Или жизнь всё-таки довела? – поинтересовался Слава, молодой парень.

– Мой юный друг, это я могу жизнь довести, а не она меня.

Компания дружно засмеялась.

– А хотел сказать: «Я вас люблю!» А ты о чём-то нехорошем подумал, Слава? Ай-яй-яй! – погрозил Михалыч пальцем, отхлёбывая холодное пиво. Спасибо, – быстро выпив и поблагодарив всех, он вытер усы и протянул руку для прощания. – Идти надо. Сегодня две кучи дел. Минуточки лишней нет.

– Э-э-э-э... А традиционный рассказ? Без него не отпустим. Потом на такси отправим.

– Это коренным образом меняет дело! Тогда ещё бокальчик... и я начинаю.

– С бокальчиком нет проблем.

– Тогда слушайте. Было мне тогда лет под тридцать. Шёл я как-то по Кутузовскому проспекту. По дороге, как водится, выпил грамм сто пятьдесят хорошенького коньячку, чтоб все люди были красивыми и излучали тепло и радость. Иду не торопясь, в

приподнятом настроении, бесцельно любуясь красотою дам и окружающей среды. И вдруг глаза упираются в выписку: «Гадание по руке, предсказание судьбы».

«И чего не зйти, – подумал я. – Интересно же, что там жизнь мне впереди приготовила. Нагадала же цыганка Пушкину смерть от белого человека. И пуля Дантеса нашла его». Открываю дверь... и обалдеваю. В красной комнате за круглым столом, покрытым красной скатертью, на котором горели три свечи, в лиловом халате, с длинной сигаретой в зубах сидела крупная женщина с невероятно большой грудью, на которой лежал большой золотой крест. На вид ей было не больше сорока. В ушах висели огромные до плеч кольца, а на каждом пальце обеих рук нанизаны причудливые перстни, ногти же, невероятной длины, выкрашены во все цвета радуги. Полные ядовито-красные губы делали женщину таинственной и загадочной. Чуть выше бровей, как у индианки, красовалось тоже красное пятно. В целом же её лицо выражало приветливость и радость.

– Присаживайтесь, молодой человек, – прогудела она, указывая на стул, расположенный возле неё. – Слушаю вас. Что вы хотите узнать? А впрочем, дайте-ка мне свою правую руку.

Она внимательно разглядывала мою ладонь, нежно глядя её своим пальцем. По спине побежали мурашки, а ниже...

– Вы женаты? – неожиданно спросила она.

– Нет. А почему вы спросили?

– У вас холм Венеры сглажен.

– И что это значит?

– Он отвечает за способность человека к горячей дружбе и любви. А у вас...

– Можете не продолжать. Я сточил его на подводной лодке. Полтора года из трёх лет службы провёл в море. А там, как водится, женщин не бывает. Вот и имитировали горячую дружбу и любовь иными, мужскими способами, правой рукой.

В баре раздался оглушительный хохот.

– Где моё такси? Я точно из-за вас опоздаю сегодня.

– Не волнуйтесь, ждёт под окном.

– Гуманное решение вопроса. Всем общий привет, – и он быстрым шагом пошёл к выходу.

– Михалыч, а чем же всё это закончилось? Судьбу хоть свою узнали?

– А чем может закончиться встреча красивого мужчины и загадочной женщины? Постелью, конечно.

И снова бар сотряс хохот. А Михалыч сел в такси и уехал по своим делам.

– Нормальный мужик, – сказал Владимир Григорьевич. – С ним всегда легко и просто.

С этим нельзя было не согласиться.

Гена Саленко, по кличке «Хомяк», – командир минно-торпедной боевой части крейсера. Он и правда походил на хомяка: рыжий, небольшого росточка, с маленькими выпуклыми чёрными глазками и огромными раздутыми щеками. Геннадий, как и эти милые животные, целый день метался из стороны в сторону по кораблю, создавая суматоху и неразбериху, что-то писал, постоянно строил личный состав, напоминая человека не от мира сего. Трудился он в поте лица днём и ночью. И когда силы наконец оставляли, он падал в койку и мог проспать сутки или запоем читать книгу. Любая смена обстановки доставляла ему удовольствие и приносила отдых.

Но, надо отдать должное, его боевая часть всегда считалась лучшей в дивизии, поэтому командование корабля на причуды «Хомяка» не реагировало.

С другой стороны, Геннадий слыл человеком добрым, не умеющим держать долго зла, всегда имел деньги и охотно давал их в долг, записывая должников в блокнотик, который хранил в сейфе. Ещё он находился в абсолютном неведении ко всему, что происходило за пределами корабля. Со стороны казалось, что Гена даже не знает, в каком году живёт, который сейчас час, день и даже век.

Корабельная трансляция обо всём ему напоминала, что сейчас надо делать.

Никто не располагал сведениями, чем он занимается на берегу. Зато твёрдо знали, что у него есть трёхкомнатная квартира недалеко от штаба флота, в которую он никого не приглашал. Досталась она ему от бабушки-адмиральши. Правда, сходил он на берег очень редко. Говорили, что Саленко когда-то был женат, кто-то видел в городе «Хомяка» с женщиной... Но с годами в эти слухи уже никто не верил. Живёт себе и живёт. Сам по себе. Главное, никому не мешает и не досаждают.

Личный состав его не боялся, но уважал и ценил за ум, знания, выдержку и справедливость. И чтобы не подводить командира, стремились служить так, чтобы в их подразделении не было нареканий со стороны командования.

Гена не курил, а спирт пил умеренно, и то не с каждым.

Двадцать пятого июня Гене стукнуло сорок лет. Он, как порядочный человек, в обед в кают-компанин накрыл шикарный стол, а вместо компота каждому в стаканы налил хорошего красного вина. Командир хоть и побранил за это именинника, но выпил с удовольствием.

Юбиляру, как это делается из века в век, командование дало грамоту, пожелало успехов в боевой и политической подготовке и любезно предоставило сход на берег после обеда. Офицеры подарили Геннадию огромную клетку с двумя рыжими и очень милыми хомячками. Те, что-то непрерывно жуя, с интересом рассматривали весёлую публику, никак на неё не реагируя.

– Геннадий Петрович, – произнёс начальник медицинской службы, вручая подарок, – мы от всего сердца дарим тебе этих милых зверюшек, Сашу и Люду, и надеемся, что в твоём доме поселятся мир, радость и счастье. А названы они так в честь Руслана и Людмилы.

В кают-компанин засмеялись.

Саленко на шутку не обратил никакого внимания, а от такого сюрприза даже прослезился. Он весело глядел глазами-пуговками на своих дальних братьев, и его сердце выпрыгивало из груди от восторга.

Жизнь Геннадия резко поменяла своё русло. Он к хомячкам проникся чувством особой любви и отцовской заботы. Разобрав

стол, он поставил клетку ближе к иллюминатору и подолгу смотрел на своих новых друзей, постоянно подкармливая их чем-то вкусненьким. Теперь его каюта часто наполнялась офицерами, которые тоже что-то несли братьям своим меньшим. Особый восторг у всех появлялся тогда, когда те поедали длинные макароны. И даже не поедали, а засасывали их.

Вскоре Саленко заметил, что Люда и Саша стали вести себя беспокойно. Решив, что на них отрицательно влияет СВЧ-поле и электромагнитное излучение, он отвёз их домой. Теперь Гена ходил на берег регулярно.

Они уже успели подружиться и полюбить друг друга. Саша и Люда быстро признали в Геннадии своего генетически мутированного родственника, жалели его и трепетно к нему относились. Гена тоже боготворил их. Он разговаривал с ними, включал музыку, выпускал погулять по дому и даже разрешал есть из его тарелки. У них была полная идиллия и взаимопонимание, и казалось, что Люда часто строит ему глазки.

Служба на корабле не предусматривает длительное пребывание экипажа на берегу. Кораблю подавай океанский простор с его штормами и штилями, тревогами, вахтами и боевыми задачами. И началась подготовка крейсера к выходу на боевую службу, которая длится пять-шесть месяцев.

Теперь Геннадия волновала не столько подготовка боевой части, в ней он был уверен на все сто процентов, а то, что делать с хомячками. Он обошёл всех знакомых и соседей, но все наотрез отказались взять их, тем более на такой длительный срок.

Положение было аховое. С собой животных не возмёшь – погибнут. И выбрасывать жалко.

Наконец «Хомяк» нашёл авантюрное решение. Он привёз с корабля пять мешков сухарей, три белых и два чёрных, мешок овсянки, три подшивки газет за прошлый год. Купил по десять килограммов рисовой и гречневой крупы, немного картошки и яблок, сколотил большущий ящик и наполнил его песком. Пустив тонкую струйку воды в ванной, открыл туда дверь и укрепил широкие доски, чтоб малыши могли туда забираться и вылезать.

Перед выходом корабля на боевую службу он свернул и перенёс ковёр в спальню. Туда же вынес кресло и журнальный столик,

езде позакрывал двери, оставив открытыми только в зале, где размещалась супружеская пара, и в ванной. Разложив крупу и сахара по комнате, положив фрукты и овощи на подносе и разбросав скомканные газеты, чтоб точили зубки, он выпустил друзей из клетки, поцеловал их и с тяжёлым сердцем ушёл защищать Отчизну, закрыв квартиру на все замки. Люда на прощание даже лизнула Геннадия и что-то пропищала.

Поначалу Саленко было грустно без приятелей, но бешеный темп службы, слежения, поиски подводных лодок, вахты и множество других задач притупили тоску разлуки.

«Будь что будет, – думал «Хомяк». – Не рвать же сердце постоянно. Так можно заработать нервный срыв или, того хуже, инфаркт получить».

Но изредка мысли всё же пронзали череп: как они там?

Всё проходит. Подошла к концу и боевая служба. Корабль вернулся в родную базу.

Сойдя на берег, Саленко быстро забежал в магазин, купил много разного съестного и на такси поехал домой. Сильно волнуясь, он потными руками открыл дверь. В нос сразу ударил терпкий запах мочи и кала, а сквозь поднимающуюся бумажную пыль к нему из зала бежали сотни полторы, а может, и две, счастливых хомячков. Среди этой оравы Люду и Сашу признать было невозможно.

Впервые Геннадий был в полной растерянности. Его бусинки глаз вылезли наружу, щёки раздулись, а лицо покрыла багровая воинственная краска. Он даже не знал, что делать и с чего начать. Наконец первая трезвая мысль осенила его мозг.

Связав четыре угла большого одеяла, он собрал всю живность в этот импровизированный мешок, вынес всех в парк и выпустил на волю. Потом поехал на корабль, написал рапорт на отпуск, взял шесть матросов, которые вместе с ним выносили мусор, чистили, мыли, приводя в порядок квартиру.

Больше «Хомяк» живность в доме не держал. Правда, потом выяснилось, что он вскоре женился на женщине с двумя большими детьми.

А почему бы и нет? Не надо лишний раз напрягаться и растить их с пелёнок, готовые есть. А чужие они или свои, ему было глубоко всё равно.

ПЕРИПЕТИИ ДНЯ

1

Пятиминутка в районной больнице проходила нервно. Главный врач, как параноик, дёргался сам и постоянно дёргал дежурного врача, сделав жертвой всех его прошлых, нынешних и будущих бед, беспрестанно задавая тому идиотские вопросы, абсолютно не слушая на них ответы. Он нервничал. И на то была веская причина. Его срочно вызывали в область, в министерство, а машина как назло не хотела заводиться. Потому он и сидел как на иголках. Шофёр, с головы до ног выпачканный в мазуте, никак не мог найти причину поломки и чувствовал задним местом, что за всё это его с позором выгонят с этого тёпленького местечка.

Высокое начальство давно точило зуб на главного врача за его недоработки. А теперь потребовало аргументированного объяснения причин повысившейся смертности новорождённых в роддоме, низкого процента диспансеризации населения и не принятых до сих пор мер к дежурному фельдшеру, на которого месяц назад поступила жалоба по поводу его хамского поведения с ветераном войны, да ещё в нетрезвом состоянии.

Всё это тянуло как минимум на строгий выговор. А это уже третий в этом году. Последствия были непредсказуемы...

Главный врач не выдержал и поднялся.

– Сядьте пока, – строго сказал он дежурному врачу, – потом продолжите нести свой бред начмеду. Она у нас очень добрая, и ваша ересь ей очень даже понравится. А мне пора срочно уезжать к высокому начальству, отчитываться за ваши недоработки и безобразия, которые вы тут творите в нашей больнице. Федотов, – он поискал глазами провинившегося фельдшера, – после пятиминутки зайдите к начмеду и ознакомьтесь с приказом. За систематическое пьянство на работе вы уволены.

– Не имеете права! – прогудел Федотов. – У меня до этого случая взысканий по работе не было. Я буду жаловаться и с вашим приказом прямо сейчас пойду в суд. Правда на моей стороне! Вам каждый день можно на работе пить, а у меня был в тот день нервный срыв. Я развёлся с женой. А перед ветераном я давно извинился.

– Закройте рот, Федотов! Вернусь – мы с вами предметно поговорим. Перегудов, – главный врач обратил свой взор к стоматологу, – вы не забыли, что сегодня в десять часов должны быть в военкомате на медицинской комиссии?

– Не забыл.

– Это замечательно! – лицо главного снова передёрнулось. – Надеюсь, вы в курсе, что ваша напарница Трофимова отпросилась и её сегодня не будет. Дочь с внучкой из Москвы встречается. Но и в этот раз вам несказанно повезло. С сегодняшнего дня у вас будут работать два интерна. Введите их в курс дела и сразу в военкомат, а не пиво пить! Кстати, они сейчас здесь или ещё гуляют?

В заднем ряду послышалось шуршанье и поднялись молодой человек и девушка.

– Замечательно! Принимайте, Василий Николаевич, молодых специалистов. Поблажек не давать! Вопросы у молодёжи есть ко мне? – он попытался улыбнуться.

– Нет, – хором ответили интерны.

– Уже хорошо. А у остальных?

Никто не проронил ни слова.

– Этого и следовало ожидать. Екатерина Михайловна, – повернулся он к начмеду, – продолжайте, а я уехал. Очень надеюсь, что мою машину, наконец, починили, – и он быстро вышел из конференц-зала.

По поводу приезда на практику будущих зубных врачей Перегудов, стоматолог районной поликлиники, выразил очень бурный восторг. И как не радоваться – руки развязываются. Интерны теперь будут работать за него, а он займётся своими делами, изредка проверяя, что они натворили. Не стоять же целый день над их душой. Считай, второй отпуск подкатил. Как в сказке! Да и Людмила Александровна, второй стоматолог, в крайнем случае подстрахует. Она женщина душевная, всегда на выручку придёт.

– Как зовут будущих светил отечественной стоматологии? – радостно подскочил он к ним после пятиминутки.

– Лена. Максим, – представились радостные студенты.

– Что это такое? – Василий Николаевич сделал нарочито сердитое лицо. – С сегодняшнего дня никаких Лен и Максов. Только по имени и отчеству! Теперь вы зубные врачи! – и он значительно поднял палец над головой и покрутил им. – И все отныне должны обращаться к вам именно так. Повторяю свой изначальный вопрос. Как зовут будущих светил отечественной стоматологии?

– Елена Олеговна Павленко.

– Максим Петрович Кирчан.

– Другое дело, Елена Олеговна и Максим Петрович. Поздравляю вас с этим знаменательным событием! – он пожал каждому руку. – Меня зовут Василий Николаевич Перегудов.

Они вошли в стоматологический кабинет.

– В этом, можно сказать, историческом кабинете вы видите два кресла. Одно, – хлопнул он по подлокотнику рукой, – разумеется, моё, а второе – Людмилы Александровны. Её сегодня нет, отпросилась. Слышали, наверно: дочь с внучкой встречает. А пока... Пока Максим Петрович на моём месте занимается удалением зубов, а вы, Елена Олеговна, – лечением. Всё ясно? Надеюсь, что это вы умеете. Умеете или нет?

– Умеем, – за всех ответила Лена.

– Вот и славно. А помогать вам будет наша медицинская сестра Анна Юрьевна. Больные, разумеется, вас ждут в коридоре. Вперёд! А я?.. Я убежал в военкомат. Медкомиссия... Запомните и зарубите себе на носу: простить в этой жизни могут всё, но если не явиться на эту долбаную медкомиссию, выговора не миновать. Поняли?

Интерны кивнули головой.

– А раз поняли, начинаем приём больных. До свидания. Сколько дней продлится моё пребывание в военкомате – не знаю. Будете всецело подчинены Людмиле Александровне, – и он ушёл, оставив интернов в недоумении.

Настроение у Елены и Максима упало и разлилось по стоящим на столиках лоткам. Было как-то неожиданно в первый же день начинать самостоятельную жизнь. Но мосты для отступления были уже сожжены.

– Лена, давай начнём приём, – неуверенно проговорил Максим. – А то простоим здесь до вечера как истуканы. Анна Юрьевна, приглашайте. Одного на удаление, другого на санацию...

Дверь резко распахнулась, и просунувшаяся лохматая женская голова зло спросила:

– Сегодня будут принимать, или расходиться? Между прочим, люди пришли сюда не от нечего делать.

– Да-да, конечно, заходите. Вы удалять или лечить? – вежливо спросила Елена.

– Мне удалять. Всю ночь не спала... Голова просто раскалывается. Горсть таблеток выпила... И ничего.

– Проходите в это кресло, – хриплым голосом произнёс Максим. Он вымыл руки и надел перчатки. За соседним креслом зажужжала бормашина. Елена тоже начала работать.

– Откройте рот, – было слышно, как Максим волнуется.

– Вот этот, доктор, – женщина осторожно дотронулась до больного верхнего коренного зуба.

– Понял вас, – ответил Максим. – Сейчас сделаем укольчик, и вашим мучениям придёт конец. Откройте широко рот и немного потерпите, – он сделал укол. – А теперь закройте его и минут пять посидите. Занемееет – и выдернем ваш зуб, – он улыбнулся.

– Спасибо, доктор, – еле ворочая деревенеющим языком, проговорила женщина.

Максим посмотрел на соседнее кресло. Там профессионально работала Елена.

– Откройте, пожалуйста, рот, – снова попросил больную Максим и постучал по зубу ручкой зеркала.

– Ой! – вскрикнула женщина. – Болит, как и болел.

– Ничего страшного. Видно, большая гранулема, – и Максим произнёс ещё что-то непонятное ни для себя, ни для больной, что создало эффект взорвавшейся бомбы и повысило его значимость не только в своих глазах, но и в глазах окружающих. – Давайте я добавлю обезболивающего. Откройте ещё раз ротик.

Максим сделал ещё один укол. И ещё попросил посидеть минуты три.

– Ну а теперь приступим. Должно всё занеметь. Открывайте смело рот. Для начала ещё раз постучу.

– М-м-м... – промычала больная, закрывая рот рукой, язык её уже не поворачивался во рту.

– Да что это такое? – Максим вытер рукавом халата обильно выступивший на лбу пот. – Елена Олеговна, подойдите, пожалуйста, сюда. Её анестезия не берёт.

– Посидите минуточку, – сказала Елена больному, – я сейчас подойду. Пока сплюньте и закройте рот.

– Что у тебя? – спросила она у Максима.

– Два раза делал анестезию, а зуб продолжает болеть.

– Откройте, пожалуйста, широко рот, – попросила она больную, опустив пониже подголовник.

Осмотрев полость рта, Лена зло взглянула на Максима, постучала кулаком по своей голове и попросила шприц с обезболивающим.

– Не волнуйтесь, женщина, – Лена приветливо улыбнулась. – У вас действительно очень сложный зуб. К тому же он многокорневой. Доктор всё сделал правильно. Ещё один укол – и будем рвать.

– Может, вырвете так? – простонала больная. – После этих уколов я нижнюю челюсть вообще не чувствую.

– Не переживайте, такое встречается, но не часто. Вы особый клиент. Открываем рот, – она снова уколола больную. – Я пошла к себе, а доктор остальное доделает.

Потом обратилась к Максиму:

– После этого отведи больную в процедурную. Пусть там ей прокапают глюкозу и сделают укол кордиамина. У вас нет сахарного диабета?

Больная отрицательно закивала головой.

– Вот и хорошо.

Вскоре с больным зубом было покончено.

Когда приём закончился и сокурсники остались одни, Елена набросилась на Максима.

– Ты что, дебил? Ты что обезболивал? У больной болит верхний зуб, а ты обезболиваешь нижнюю челюсть! – закричала она на него. – Вы учились в академии или пиво постоянно пили? Не нравится или не получается – смени профессию, не калечь людей. Кем ты выйдешь в свет после окончания академии? Ты хоть понял, недоумок, что сегодня сделал? Это хорошо, что у женщины сердце здоровое. От такого количества лекарства, которое мы ей ввели сегодня, всё что угодно могло развиться.

Максим не проронил ни слова. Он повернулся и отошёл к окну. Было стыдно и обидно за такой ляпсус.

– Будь в дальнейшем внимателен, – понизила голос Лена, – и не обижайся. На правду нельзя обижаться. А вечером я тебе дам учебник, полистай его хорошенько.

– Есть у меня этот учебник.

– Замечательно! Теперь то, что прогулял, восстанавливай! Стыдно начинать свою работу с подобных ляпсусов... Ладно, не дуйся. Первый блин всегда комом. Главное, чтоб второй не пригорел.

2

Перегудов влетел во двор, когда автобус собирался отъезжать.

– А вот и наш крупнейший зубной специалист, – хмыкнул невропатолог.

– Надо было раньше выехать. Пусть бы пешочком прошёлся, ножки размял, – съязвила лор-врач, которая всегда всем и всеми была недовольна.

– Чего опаздываешь? – поинтересовался начальник отдела военкомата, большой друг Перегудова.

– Главный сегодня лютовал. Должен был в министерство поехать, в Пензу, за подарками от начальства, а машина возьми и сломайся. Вот он всех собак на нас и спустил. Плюс ко мне интерны приехали, надо было инструктаж провести, показать, рассказать...

– Какой ты, Василий Николаевич, оказывается, у нас деловой, – зло рассмеялась лор-специалист. – Ты лучше скажи нам, чего твоя вторая половина с нами не здороваётся, чем это мы ей не угодили? И чего это ты не ночуешь дома?

– До чего ты, Мила Михайловна, жёлчная женщина. Про супругу одно могу сказать: культуры ей при рождении не досталось. А тебе скажу другое: помнишь, в прошлую субботу твой благоверный пришёл домой под утро? Так он со мной был. Сначала в бане, а потом... – Перегудов хрипло засмеялся.

– И где потом? Чего недоговариваешь?

– А чего договаривать? Алкоголь залепил глаза и затуманил разум. А с Веркой я давно хочу развестись. Возьму и женюсь на Ларисе из регистратуры. А чего?.. Хорошая, спокойная женщина, а мужика нет. Непорядок. А я ещё конь!

– Ой, не смешите меня, конь!.. Козёл, одно слово! На живодёрню надо такого коня...

Машина подъехала к школе.

– Товарищи врачи, – нарочито строго произнёс начальник отдела, – работаем по старой схеме два дня. Сегодня осматриваем два десятых класса и завтра два. Все специалисты трудятся в спортзале, и только господин Перегудов в стоматологическом кабинете. Ключ от кабинета, Василий Николаевич, возьмёте у завуча. Вижу, что у вас созрел вопрос в отношении школьного зубного врача. Отвечаю: она ушла в декретный отпуск.

– Час от часу не легче, – буркнул Перегудов.

– Не бурчите. Вы после окончания работы подойдёте ко мне персонально. Есть кое-какие вопросы для обсуждения текущего момента.

– Слушаюсь! – бодро ответил Василий Николаевич.

– Если возникнут другие вопросы или проблемы, – продолжил работник военкомата, – я буду всё время находиться в библиотеке, а если ненароком куда отлучусь, найдёте по телефону. У кого нет моего номера, возьмёте у Василия Николаевича. После окончания работы свои документы сдадите Леночке, – показал он на конопатую рыжую девицу. – Она постоянно будет находиться среди вас. Думаю, до обеда справитесь. Желаю удачи!

– А после решения текущего вопроса Перегудов придёт на работу? – снова вставила свой пятак Мила Михайловна.

– Непременно придёт: он ответственный и очень порядочный человек.

– Хорошо, если это будет так.

Из-за слабой организованности и разгильдяйства школьников медосмотр затянулся почти до часа дня.

В пятнадцать минут второго Перегудов вошёл в библиотеку, счастливо улыбаясь.

– Михаил Петрович, – отрапортовал он начальнику отдела, – прибыл по вашему приказанию!

– Готов?

– Так точно!

– Тогда поехали в край непуганых птиц, где человек человеку друг, товарищ и брат, но иногда и сестра... Как расклад пойдёт.

– Мне кажется, в этом краю мы уже бывали.

– А вот и нет.

– Тогда куда в этот раз?

– Туда, где кончается асфальт и нас никто не знает.

– Не знаю, как тебя, а меня знают везде.

– Не выставляйте себя героем эпохи. У нас сегодня не показательные выступления. Мы едем к моим родителям в деревню. Стол уже накрыт и только ждёт своих гостей. Мы за ним будем не лишние. Там и заночуем.

– Деловая мысль и знатное предложение. Всё-таки зря говорят, что у военных нет мозгов, а голова лишь для ношения фуражки...

– Наслушался какой-то ереси и несёт чёрт-те чё.

– Не судите строго, маэстро. Идите, а я последую за вами.

3

Главный врач, как и следовало ожидать, опоздал на два часа и прибыл в министерство, когда у всех начался обед. Проклиная всё и всех, он зашёл в кафе и выпил бутылку воды. Есть не хотелось.

Целый час он бесцельно ходил по улице и беспрестанно курил, погружённый в невесёлые мысли.

Всё в этом мире заканчивается. Закончился и обед. И началось его хождение по мукам из кабинета в кабинет, от одного начальника к другому, которые высказывали одну и ту же мысль: он бездельник, тунеядец и проныра, а слово «взяточник» произносили завуалированно.

Чтобы грамотно отвечать, нужно знать обстановку, самому вникнуть в решаемую проблему и иметь собственные мысли по устранению имеемых недостатков, а не читать написанное с листа.

Выслушав везде о том, как он плох, Алексей Владимирович пошёл к министру, человеку строгому и принципиальному. Он вошёл к нему жалкий, мокрый и бледный. Увидев это бесформенное тело, министр заорал так, что выгнулись стёкла в пластиковых окнах, а со стены упал портрет президента и разбился.

– Пошёл вон отсюда, тунеядец! Пусть с тобой разбирается мой заместитель! Видеть тебя не желаю! И запомни, что с этой минуты ты в больнице не главный. А теперь закрой дверь с той стороны!

Главному сильно захотелось в туалет.

– Евгений Фёдорович... – прошептал он.

– Я, кажется, доступным языком вам сказал закрыть дверь с той стороны!

Пошатываясь, главный врач вышел из кабинета.

– Алексей Владимирович, – позвала его сидевшая за огромном столом с приподнятыми краями секретарь, – распишитесь в получении приказа и примите мои соболезнования.

Она протянула ему журнал для подписи и приказ, где чёрным по белому было написано, что он за наплевательское исполнение своих служебных обязанностей, невыполнение трудового законодательства, безделье и... Дальше он читать не стал, а сразу перешёл ко второму пункту, где его назначали главным врачом врачебной амбулатории в далёкое село на северо-востоке области.

Пелена встала перед глазами.

– Алексей Владимирович, вам плохо? – послышался далёкий голос секретаря.

– Всё нормально, – замотал он головой.

– Галина Семёновна просила вас зайти.

– Спасибо, Мариночка, – и он, шаркая по ковровой дорожке каблуками, сгорбившись, направился по коридору в кабинет заместителя министра.

– Свободна? – спросил он у другого секретаря не здороваясь.

– Да. Заходите.

– А-а-а, Алексей Владимирович, пришёл наконец. Садись и не изображай из себя передо мной мученика и невинно пострадавшего. Снят за дело. А точнее, за безделье. И хорошо, что сняли, благодарить нас должен. Прокуратура на тебя собирается завести уголовное дело по многим статьям, включая и коррупцию. Так что

быстро пакуй вещи и... в добрый путь, пока не загремел за решётку. Вопросы ко мне есть?

– Нет, – хрипло ответил Алексей Владимирович.

– До свидания. Больше не задерживаю. Дела сдашь начмеду. И на полном серьёзе рекомендую не затягивать с отъездом, а то и правда поедешь в другом направлении.

Алексей Владимирович вышел из здания, грузно опустился на ступеньки порога, понуро опустил голову и закурил.

Посидев так немного и придя в себя, он встал и медленно направился к машине.

– Заводи! – сказал он шофёру, сев в салон. – Поехали в «Золотой петушок».

– Может, домой, Алексей Владимирович?

– Ты меня плохо слышишь?

Водитель, уяснив, что возвращение домой находится под большим вопросом, резко рванул с места. По внешнему виду главного врача он понял, что его увольнение не предвидится. Хоть это уже радовало.

4

Главный врач, в беспамятстве от выпитого, под утро был доставлен шофёром домой. На работу на следующий день он не пошёл.

Перегудов явился в школу с отёкшим лицом и в маске от сильнейшего перегара. Трясущимися руками он осматривал юношеские рты. Душа требовала хотя бы пива.

Лена безмятежно спала всю ночь, и её ничего не тревожило.

Максим до глубокой ночи читал учебник. Пока его интересовали только методики обезболивания и удаления зубов. Утром он вышел сонный и уставший.

Остальные врачи вели приём больных и занимались по специальности. Для них не так было важно, сняли главного врача или нет. Всё равно придёт новый и перемен никаких не будет. Он, как и все предыдущие, начнёт вить себе гнездо. Но каждый считал: сняли правильно, но слишком поздно. А главное, чтобы сегодня не задержали заработную плату.

ОДНА КРОВЬ

Последнее время полк ВДВ сильно лихорадило, если не сказать хуже. Чёрные полосы шли одна за другой: во время тренировочных прыжков не раскрылся парашют и разбился прапорщик, от замыкания в электрической проводке сгорел склад с вещевым имуществом, в групповой драке на дискотеке солдаты побили элитную молодёжь, которая лежала теперь с увечьями в больнице, во время отработки элементов рукопашного боя три солдата получили серьёзные травмы...

Комиссия Генерального штаба не заставила себя долго ждать и летела, чтобы разобраться со всем происшедшим и принять кардинальные меры по наведению порядка. Ничего хорошего это не предвещало, но все готовились, чтоб хоть как-то сгладить острые углы случившегося. Командир полка, чувствуя каждой клеточкой своего тела, что его снимут, готовил документы для передачи дел.

И вот машины с высокими представителями проехали КПП и остановились у плаца, на котором в тревожном ожидании, представляя силу и мощь, с мужественными лицами стояли в синих беретах воины-десантники.

– Равняйся! – гаркнул командир полка. – Смир-р-но! Равнение нале-во!

Твёрдо печатая строевой шаг, он шёл в сторону шедшего к нему генерала.

Голубые береты колыхнулись и замерли.

– Товарищ генерал, – в голосе полковника слышались металлические нотки, – гвардейский военно-десантный полк построен! Командир полка – гвардии полковник Волков.

Генерал, приложив руку к козырьку, выслушал доклад, протянул руку и улыбнулся.

– Генерал-лейтенант Волкодавов. Здравствуйте, товарищ Волков, – он опять хитро улыбнулся.

И проверка началась!

Копали сильно и с остервенением. Целую неделю часть стояла на ухах. Организационные выводы были жёсткие, весомые, но все остались на своих местах, правда, с выговорами и строгими выговорами, а отдельные получили неполное служебное соответствие. И солдаты отсидели десять суток только на гауптвахте, а не в тюрьме, которая им грозила. Десантники своих в беде не бросают!

На завершающей стадии проверки было проведено учение, которое прошло без сучка и задоринки.

Не всегда в природе волкодавы давят волков, ибо они одной крови.

Перед обедом старший помощник командира корабля вызвал к себе начальника медицинской службы.

– Доктор, – начал он, как только тот вошёл к нему, – когда я смотрю на кислую рожу вашего лица, то в моей голове начинают роиться мысли, а высказать их никак не могу. Не получается! Жизнь даётся один раз, и делить её приходится с вами. Не хочется ли вам задать мне свой очередной каверзный вопрос?

– Хочется!

– Я пока вам слова не давал и вряд ли, наверное, дам. И вообще, меня гложут смутные сомнения, не враг ли вы, затесавшийся в наши плотные ряды? В какой валюте у вас идёт дополнительный заработок? Нет-нет, ничего не надо объяснять. Этим вопросом займётся представитель особого отдела. Моей задачей будет вас расстрелять на юте и сбросить в море.

– Спасибо, добрый человек!

– Какие у вас в голове витают мысли, кроме как побольше поспать и пораньше сойти на берег? Отвечу за вас сам, не раздумывая, – других помышлений у вас нет.

– Скажите, ваш рой мыслей наконец нашёл выход?

- Хочешь поставить меня в тупик? – перешёл на «ты» старпом.
- Не получится!
- Наоборот, вывести из тупика. У меня для этих целей есть нить...
- Эта нить дальше ресторана тебя не ведёт.
- Потому что короткой стала. Как сердобольный человек, я делился ею с товарищами, а они...
- Вы любите командира, как люблю его я?
- Нет.
- Вы не любите командира?
- Вы его любите по долгу службы, а я сердцем и душой. Вы зачем меня вызвали?
- Спросить: пробу пицци вы снимали?
- Так точно!
- И расписались?
- Естественно!
- Сколько прошло времени после этой процедуры?
- Минут пятнадцать.
- Значит, можно есть и никто не отравится?
- Никто.
- Хорошо! Как вы относитесь к органическим соединениям?
- Всем или к спирту в частности?
- В частности.
- Под закусочку пойдёт, как к себе домой, – улыбнулся доктор.
- Тогда закрывай дверь. У меня селедочка с лучком и колбаска. Скучно, доктор. Захотелось переброситься двумя-тремя словами с хорошим человеком, – рассмеялся старший помощник, доставая из сейфа канистру со спиртом и разливая его по стаканам.
- Водой разбавили каждый сам себе.
- Выпили молча, закусили.
- Доктор, ты знаешь, когда тебя долго не вижу, наступает депрессия.
- А у меня нет! Даже наоборот...
- Врёшь?!
- Вру.
- Вот за это нужно ещё выпить да на обед идти.

ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

1

Происшествий в жизни – множество. И все они разные: взрываются цистерны с горючим, горят леса, затопляются населённые пункты во время паводка, смерчи и торнадо сметают всё на своём пути... Сталкиваются машины, самолёты, корабли, поезда... Это связано с огромными разрушениями, а порой и массовой гибелью людей.

Перечень несчастных случаев можно было бы продолжать до бесконечности. Всё это предсказывается и статистически просчитывается. И никуда от этого не деться.

Но бывают такие происшествия, которых нельзя ни предугадать, ни предвидеть, ни спрогнозировать. Даже голова великого фантаста никогда не сможет до такого додуматься.

Приключилось подобное относительно недавно, в конце прошлого столетия, и было на самом деле в живописном месте Кинбурнского полуострова, расположенного между Днепро-Бугским лиманом и Ягорлыцким заливом с Чёрным морем. А заканчивается полуостров живописным и красивейшим местом Украины – Кинбурнской косой.

Осень – пора не только сбора урожая, но и подготовки земли к новым посевам, а для этого эту землю надо вспахать, потом засеять или дать ей отдохнуть. За день всё не вспашешь, поэтому одни это делают днём, а другие – ночью.

Сергей Охрименко охотно шёл работать в ночь. В этом он видел массу преимуществ. Во-первых – днём и вздремнуть можно, и ничего по хозяйству делать не надо. А этого хозяйства – делать не переделывать: две коровы, бычок, пять свиней, птицы разной – не счесть... Хорошо, что огородом не надо сейчас заниматься. От сына толку мало, он перед армией ночами только гуляет, а днём отсыпается, зять – дальнбойщик, его никогда не бывает дома. Во-вторых, что очень важно, – над душой никто не стоит, ну и в-третьих – чувствуешь себя свободным человеком. Трактор тарыхтит, а ты – сам себе хозяин.

Жена обязательно собирала ему в сумку еду. Под утро есть очень хочется. Жареную картошку клала в банку и заворачивала старым шарфом, чтоб не остыла, огурчики, помидорчики, что-то мясное и большущий термос с крепким чаем. А чтоб не замёрзнуть, Сергей брал с собой чекушку самогона.

В этот раз на улице резко похолодало, и он налил себе целую бутылку согревающей жидкости, да и пахать осталось не так много, часам к двум-трём думал управиться. И поспать Сергею не удалось – у внука резались зубы, и он плакал не умолкая. Дочь с женой с ног валились, постоянно носили его на руках.

Солнышко село за горизонт, сгущались сумерки, залив вдали чернел на глазах.

Перед началом работы Сергей решил для согрева пропустить грамм двести.

«Не помешает, – подумал он, – пивали и больше», – он аппетитно захрустел огурцом, завёл трактор и приступил к пахоте.

Вскоре наступила ночь, Сергей включил фары. Он любил это время. Вокруг тебя тьма и только два пучка света разрезают её. В это время можно и поесть, и покурить, и помечтать, а трактор идёт себе и идёт. Ему путь указывать не надо, поле длиннущее, километров пять, а то и больше.

Время приближалось к полуночи. Ветер с лимана нёс прохладу. Холодок забирался под фуфайку. Сергей передёрнул плечами.

«Пора согреться и перекусить», – решил он. Расстелил на коленях кусок брезента и разложил еду. Пропустив для согрева стакан, с аппетитом поел и выпил кружку горячего чая. Тело размякло, стало клонить в сон. Трактор приближался к краю поля. Закончив вспашку полосы, Сергей развернул трактор и продолжил свой каторжный крестьянский труд. До следующего края, по его подсчётам, будет двигаться минут двадцать – двадцать пять. Трактор сам всё сделает, можно немножко и покемарить. Сергей вытянул ноги, руки засунул в карманы, положил голову на грудь и сладко уснул.

Сколько он проспал, неизвестно, но почувствовал, как его ноги погрузились в холодную воду, трактор заглох, а свет погас, и стояла непривычная тишина, нарушаемая всплеском волн.

Охрименко быстро поднял ноги и опустил руку. Внизу была вода. Сон как рукой сняло.

«Где это я?» – в ужасе подумал он.

Попытка завести трактор оказалась безуспешной. Он открыл дверь. Кругом плескалась вода.

– Ё-ё-ё-ё... – простонал Сергей.

Он посмотрел назад. Вдалеке виднелись огоньки.

«Васильевка или Покровское, – подумал он, – значит, земля там». Это немного успокоило. Он допил самогон, разделся, обмазал себя солидолом, чтоб на берегу быть сухим, взял в руку одежду и прыгнул в воду. Холодная вода обожгла тело.

«Жизнь на земле произошла из воды», – пришла шальная мысль. Он хмыкнул и медленно побрёл к берегу.

2

Сергея, как только он доложил о случившемся, тут же уволили, правда, весной снова взяли, ибо желающих взяться за рычаги больше никого не было.

Утром весь посёлок гудел от шокирующей новости, многие даже приехали на берег, чтобы увидеть это необычное зрелище. И было на что посмотреть. Вдалеке, буквально метрах в двух от

фарватера, торчала кабина трактора. Сделай гусенице ещё полтора-два оборота – и затонул бы он полностью вместе с Охрименко.

Руководство и те, кто сидел по кабинетам, решали, что надо делать, чтобы вытащить технику. Спорили не долго. Пришли к выводу: на лодке завести трос, там привязать его, а уже здесь, на берегу, тянуть другим трактором.

Желающих купаться в такую погоду не нашлось, поэтому к выполнению спасательной работы был привлечён виновник всего этого, Охрименко, а в качестве руководителя ему был дан инженер по технике безопасности, всё равно ничего не делает, только деньги получает. Пусть хоть здесь попробует отличиться.

Вдвоём на вёсельной лодке они поволокли тяжеленный трос к месту аварии. Гребли долго, обливаясь горячим потом. Наконец нос лодки упёрся в сиротливо стоящий трактор.

– Раздевайся, чего затих?! – рявкнул инженер. – Или ты считаешь, что я в воду полезу?

Сергей молча стал стягивать с себя одежду. «Так и «моржом» стану», – подумал он.

– Трусы зачем снимаешь? – удивился инженер.

– Мне что, их потом мокрыми на себя надевать? – буркнул Сергей.

– Тогда давай быстрее крепи трос, я замерзать начинаю.

– Мне тоже не жарко, – произнёс Охрименко и прыгнул в воду.

3

Трактор на берегу, надрывая все свои силы и окутывая присутствующих ядовитыми газами, пытался вытащить «брата» из воды, но у него это никак не получалось. Трос звенел гитарной струной. Наконец он испустил свистящий звук и порвался. Его конец со всей силы ударил по плечу инженера по технике безопасности, который находился слишком близко к надрывающейся технике. Издав душераздирающий стон, тот упал на землю, крича, что перебила кость.

Интерес к затопленному трактору мгновенно исчез. Инженера аккуратно посадили в машину и повезли в больницу.

– Оставим это дело до весны, – утверждающе объявил председатель. – Пусть пока постоит. К тому времени я решу этот вопрос, военных, в конце концов, попрошу, они его танком мигом, как пушинку, выдернут.

Весна всё расставила на свои места. Напором льда во время ледохода трактор перевернуло, и его след полностью потерялся в глубинах залива. Теперь найти его было просто невозможно.

Но на этом наша история не закончилась. Она приобретала новые неожиданные обороты.

4

После схода льда по фарватеру идёт военный малый гидрографический катер, в задачу которого входит промер глубин, чтобы корабли могли безопасно по нему ходить. А глубина в этом месте должна быть десять и более метров. Если обнаруживаются участки с меньшей глубиной, то вызывается землечерпалка, которая и углубляет дно.

У этого катера днище сделано из твёрдой пластмассы и почти плоское.

Идёт он намеченным курсом, выполняя свою работу, как вдруг получает удар, на что-то натыкаясь. В днище образуется большая пробоина, и катер быстро тонет. Над поверхностью воды выступает только его рубка. Экипаж, к счастью, не пострадал и благополучно, тропой Охрименко, выбрался на берег.

Обследовав дно, водолазы доложили, что катер натолкнулся на затонувший трактор. Это у всех вызвало недоумение.

О чрезвычайном происшествии снизу вверх понеслись доклады, вплоть до Главного штаба Военно-морского флота.

Главком ВМФ, прочитав донесение, немедленно позвонил командующему Черноморским флотом – адмиралу Ховрину.

– Николай Иванович, что у вас творится на флоте?! – прорычал он в трубку, присовокупляя к своей речи массу бранных слов (надо отметить, что офицер, прослуживший на флоте от лейтенанта до... мастерски владеет ненормативной речью). – Трактор?.. И на фарватере?.. Как мне прикажете классифицировать подобное происшествие, которое не входит ни в какие рамки? Военный катер

столкнулся с трактором!.. Парадокс, абсурд... Я понимаю: есть дорожное происшествие, навигационное... А это как прикажете обозвать? Ждите проверку, – и в трубке послышались короткие гудки.

Главнокомандующий прекрасно понимал, что выносить такое в приказе и докладывать в Министерство обороны – не поймут и засмеют. А если не засмеют, то ругаться грязно точно будут.

Поразмыслив, великие флотские начальники решили это дело замять, но начальнику гидрографической службы за упущения в службе всё-таки объявили выговор. А уж он, по нисходящей, чтоб обидно никому не было, тоже наказал всех, кто был непосредственно и косвенно причастен к этому происшествию.

Вскоре катер подняли и поставили в док, трактор вытянули и торжественно вручили его законным хозяевам, за что те накрыли морякам шикарный стол. За ним и выпили мировую. Все остались довольны и счастливы.

– Маруся, – замахала Валентина рукой соседке, – видала, к Катьке Слипченко дочь вернулась, Маринка. С пюзом! Стюардессой была, вот и долеталась! Со двора на улицу и не выходит. Стыдно, по-ди, – зло зашептала она.

– Почём ты-то знаешь, что долеталась? Может, девка замужем, рожать приехала.

– Да кто возьмёт эту шалаву? – скривила губы Валентина. – Ты рази не помнишь, какой она росла? Оторви и выброси! Как аттестат зрелости в школе получила, так, как бабочка, и упорхнула. Куда, зачем – никто и не знает. И Катерина молчит, из неё слова никогда не вытянешь, словно воды в рот наберёт. А спросишь, любым путём от ответа уйдёт. Скрытная такая. Когда всё хорошо, это хорошо наружу так и рвётся. А вот плохое скрывать надо... Вон у меня Маша в магазине работает, любо-дорого посмотреть. Всё-то у неё ладится. И сыта, и дом в порядке, и муж ухожен... Вторым уже ходит. Муж у неё, Валерка, что правда, то правда, – водочку любит. Но денежки до копейки в дом приносит. Нагуляется – остепенится. Дети подрастут – шибко не погуляешь. А дом какой отстроил...

Дворец! Старый тоже кирпичом обложил. Сын подрастёт, придёт из армии, в своём доме жить будет.

– Дети должны одни жить, это точно, – подтвердила Мария. – Ни мы им не должны мешать, ни они нам.

– Маша машину собирается покупать. Мой-то, помнишь, вон как гулял, ни одну не пропускал, чтоб под юбку не заглянуть. А сейчас – не мужик, а золото! И не пьёт, и курить бросил.

– Вот ты заявляешь... А Катя с Фёдором три года назад ездили в Краснодар. Кто-то говорил, что на свадьбу.

– Ой!.. На свадьбу!.. Тайком-молчком... Разве так нормальные люди поступают? Что-то здесь не так. И что они за люди такие, ничего о них узнать нельзя! Пройдёт, поздоровкается и дальше пойдёт. Цаца великая!.. – Валентина зло плюнула.

– Сколько лет Катькиной дочери дома не было? – поинтересовалась Мария.

– Года три-четыре... Точно и вспомнить не могу. И что? Если она замуж вышла, то зять ни разу сюда приехать не мог? – было видно, как Валентина закипала. – В селе замараться испугался? Не верю я в это, хоть убей меня! Не верю и всё!

– Вон Лена идёт, у неё спроси. Она должна знать, как-никак, а крестила Маринку.

– Лена, поди сюда. Вопрос к тебе есть! – крикнула проходящей Елене Валентина.

– Здравствуйте вам, – поклонилась Лена подходя. – Девочки, спрашивайте быстро, к ветеринару бегу, корова моя телиться собралась, пусть поприсутствует.

– Лена, Марина к Катерине приехала. Зачем?

– Делать вам, что ли, нечего? Стоят, криминал во всех ищут. На себя лучше посмотрите. Вон, Валентина, твоя Матрёна ночью, чтоб никто не видел, из магазина ляжку свиную пёрла. Небось, не купила, а своровала, как всегда. А мы за неё теперь своей копеечкой рассчитываться будем! Вот о чём надо говорить, а не кто к кому приехал и зачем.

– Во-первых, мою дочь не Матрёной зовут, а Марией, а во-вторых – не твоего ума дело, что она там носит. Ляжку увидела... Ишь, глазастая какая! Она не ворует, как некоторые... А купила.

Рассчитается... В Валеркину получку. У неё сорок лет скоро будет, вот для гостей стол шикарный и готовит. И не вам, голытьбе, рассуждать тут о честных людях.

– Я участковому вот расскажу про этих честных. Пусть ревизию проведёт, а мы потом посмеёмся от души.

– Иди, змея, куда шла... И чтоб здохла твоя корова! И будь ты проклята!.. Ненавижу! – у Валентины от злости затряслась челюсть, посинели губы и побелели крылья носа.

– Оставайтесь здоровыми, – поклонилась Елена. – Ну а теперь уж я точно к милиционеру зайду. Пусть ещё и тебя немного пошерстит, а то совсем распоясалась.

– Зачем ты так, Валя? Зла нельзя желать. Оно имеет свойство возвращаться, – прошептала Маруся.

– Брось ты ерунду говорить. Весь мир только и делает, что собачится, и ничего. Ишь, корова у неё телится, – никак не могла успокоиться Валентина. – Марусю воровкой сделала, сволочь проклятая.

– Чьи кости, подружки, перетираете? Мужика делите или деньги в чужом кармане считаете? Кто у вас нынче на очереди? Поделитесь, что в посёлке делается. А то живу, как в погребке, ничего не знаю, – подошла Светлана Семичастная. – Кто у нас родил, кто развёлся, кто ночевать домой не приходил и где тогда ночевал?..

– Ты ещё огонь раздуваешь. Тут страсти кипят... Не знаешь, чё у Катерины Филюк дочь приехала? Не было, не было – и бах...

– Приехала и приехала, вам-то что?

– Любопытно, – в глазах Валентины вновь появился интерес. – Три года не было – и приехала, да ещё беременная. Выгнали – и к мамаше вернулась?..

– Ну и что? Вон у моей соседки, Веры Клименко, сын развёлся и тоже к матери приехал... Погулял месяц и на Милке Борисенко женился. Ребёнку уже два года. По-вашему, и развестись нельзя? В наше время это даже модно, мол, характером не сошлись. Сейчас молодёжь не характер друг у друга изучает. А сразу начинают постель прогибать. Наиграются и лишь потом о характере вспоминают. У меня Верка тоже покаталась со своим геологом, а когда романтика закончилась, к матери вернулась с внуком. Теперь с

Романом Плотниковым живёт. Роман к Славке, как к сыну, относится. И своего рожать собираются. Правда, до сих пор не расписаны. И пусть жизнь у них не сахар, но и не соль голая. Какие, девки, вы стали правильные, закон соблюдаете... – Светлана засмеялась. – Не грешите, мои хорошие, у нас у всех рыло в пуху. Так что идите по домам и там свои проблемы решайте, не будоражьте людям душу. Они в своих делах сами разберутся. Мой-то вон спился, и никто из его рук стакан не выбил, зато обсуждали на каждом углу: мол, пьёт, мол, жену обижает, мол, деньги не приносит... Вот вы, мои дорогие, хоть одна из вас, сказали ему об этом в глаза? Одна бы сказала, другая – глядишь, и беды б не было. Осуждать мы все умеем, а помочь... – и она, не простившись, пошла своей дорогой.

– Жалко Светку. Хорошая баба, работающая. Намаялась она в своё время с муженьком. Всё из дома пропивал, бил её... Она по соседям пряталась. Сколько Света уже одна, и не припомню, – приздумалась Мария. – Лет пять, не меньше. И больше ни с кем не соединяет свою жизнь, говорит: «Боюсь. А вдруг опять всё повторится». Я её понимаю.

– Маш, посмотри, Катерина из магазина идёт, за хлебом ходила. Сейчас она нам всё и расскажет из первых уст. Здравствуй, Катя. Хлебушек купила? Что там интересного в центре? А то мы тут стоим, беседуем о своём и ничего не знаем, что где происходит.

– Там страх что творится. Магазин, где Мария твоя работает, опечатали, милиция понаехала. Говорят, недостачу большую нашли. Директора и двух продавцов отвезли в милицию для дачи показаний. Не буду врать, но, по-моему, и Машу твою тоже. Правда, я сильно не вникала. Хлеб вот купила, им лишь торгуют, да и то на улице. Марина ко мне приехала. Мужа на два года послали за границу в командировку, а ей через четыре месяца рожать. Здесь пока поживёт. Воздух, молочко, фрукты...

Валентина уже не слушала новости о дочери Екатерины, она металась из стороны в сторону, хлопая себя руками по бёдрам, и беспрестанно повторяла: «Что же теперь делать? Что же теперь делать? Дочь выручать надо. У всех дети как дети, а этой всё мало. Не нажрётся никак! Уже и добро некуда складывать. А всё...»

Она бросилась бежать к дому, ничего и никого не замечая. А во дворе её ждал следователь из области.

Мы очень часто видим маленькое пятнышко на платье соседки или прыщик на носу начальника, не замечая грязь в собственном доме. И только беда заставляет нас взглянуть на мир иными глазами, глазами правды и истины.

Нельзя быть чёрствым и жёлчным. А смеяться над горем ближнего – грешно. И если не сегодня, то спустя какое-то время зло обязательно будет наказано.

Так предопределено природой!

Когда человека отжали, как лимон, хотя сок из него ещё капает, и он не может выполнять то, что делал с утроенной силой, его отправляют на пенсию, давая гроши за многолетний труд, чтобы только поддержать на плаву. Государству он уже не нужен, и оно вспоминает о нём всё реже и реже.

Чтобы окончательно не зачахнуть на «вольных» хлебах, организуются различные советы и общества ветеранов. Их тысячи. В городе с этим делом намного проще.

К ним относятся советы воинов-интернационалистов, подводников и надводников, танкистов, лётчиков, артиллеристов, связистов... И так по всем родам войск.

У военных, например, это повод встретиться на праздник, выпить как следует и между делом обсудить международную обстановку, повспоминав, как было раньше и как они хорошо служили.

Есть советы чернобыльцев, шахтёров и даже домохозяек.

Организуются общества и по интересам: охотников, рыболовов, туристов, защиты окружающей среды...

И везде люди хоть как-то самореализуются.

Но всех перечислить просто невозможно, так их много.

Существуют советы не сами по себе. Над ними довлеет областное начальство, перед которым худо-бедно надо отчитываться.

Вдалеке от шума городского всё то же самое, только здесь нет разницы, кем ты был в прошлой жизни: врачом или шофёром, военкомом или бухгалтером. Тут они все равны и все в одном совете. Их главная задача – не одичать и не разучиться говорить. А сидеть целый день у телевизора – одуреешь раньше времени.

Работа здесь у ветеранов в основном сезонная, с весны по осень их деятельность немного затихает – трудятся на огороде: надо овощи и фрукты на зиму заготовить. На одну пенсию рассчитывать не приходится, а вот зимой закрыл до тепла курочек – и гуляй не хочю! С птицей хлопот мало – зерна бросить да воду поменять. А если весной берут свиней, то перед Новым годом обязательно колют. Вот и весь быт.

Что в советах решают? Да, собственно говоря, ничего. Главное, чтоб голова была чем-то посторонним занята. По очереди проводят политинформацию, рассказывают биографию писателя, делятся прочитанной книгой, выезжают за грибами или ягодами, отдохнуть на речку и по разным интересным местам, особенно по церквям и храмам. Ведь праздников религиозных ой как много: там крестный ход, здесь мощи привезли, а тут молебен правят по случаю Пасхи, в другой же церкви от молитв батюшки хворь из организма сама собой уходит. Только успевай везде. Иногда выбирают даже на спектакли и концерты в областной центр. Да и просто посидеть, чаю попить, а то и что-то другое тоже нужно – сплетни местные послушать, разве плохо? Это неотъемлемый атрибут нашей жизни: всегда быть в курсе всех событий. Знать надо всё: и кто к кому ходит, и где развелись, и кто с кем сошёлся.

Либерзонов давно никто не видел. Не умотали ли за кордон? Цвилий из Германии открытку прислал, пишет, что живёт хорошо. Врёт поди. Хотя... Это у нас надо пахать от зари до зари. Да и там бездельников не уважают.

В рабочем посёлке Сосновое совет ветеранов работал как заводной. В него приняты были все: и военные, и милиционеры, и прочий рабоче-крестьянский люд с прослойкой интеллигенции. Был даже моряк, кок, с эскадренного эсминца «Благородный».

Народу состояло много, но костяк – один. Он-то и пользовался всеми благами, которые перепадали далеко не всем.

Что ни праздник, то встреча, что ни приезд великого гостя – опять встреча.

От разумной инициативы их всех распирало, только исполняй.

Руководил всем этим советом бывший военком Рябинин Юрий Сергеевич, человек инициативный, с большими связями и возможностями, хотя и выглядел очень неказисто: большая голова с красными лицом и шейей, невысокого роста, с квадратным туловищем и короткими ногами.

Его заместителем был бывший начальник милиции, подобного склада мужчина, только с огромным животом.

В понедельник Рябинину позвонили из области:

– Юрий Сергеевич, Волков беспокоит.

– Узнал, Пётр Матвеевич. Здравия желаю.

– Юра, запиши. На четверг мы выделяем вам двадцать билетов в драмтеатр. Хороший спектакль. Сам видел. Только название забыл.

– А что я им скажу, если спрашивать будут?

– До чего ты суетной! Будут спрашивать, соври что-нибудь. Впервой что ли? Им-то какая разница. Кажется, «Поздняя любовь»... Короче, любовь какая-то. Тебе это о чём-то говорит?

– Мне нет.

– Вот и им нет. Поднапрягись, чтоб ни один билет не пропал. Действуй! Объясни, что бесплатно. Сколько вы за транспорт платите?

– Пятьсот рублей.

– Дороговато... Но ничего. За искусство надо платить хоть в транспорте, – и он рассмеялся своей шутке.

– Пётр Матвеевич...

– Понимаю, что эпидемия гриппа. Возьмите с собой что-нибудь. Маски там или... Не заставляй меня нервничать. У меня сегодня супруга уехала, и я собираюсь заняться психоэмоциональной разгрузкой. Всё! – в трубке послышались гудки.

Такую суматоху Юрий Сергеевич не любил. Спешка нужна в двух случаях: при ловле блох и когда муж ушёл на работу. Двадцать человек! Их надо найти. Какой дурак в эпидемию поедет в театр за две сотни километров холодной зимой по скользкой дороге.

– Туда три часа, оттуда столько же... – и он грязно выругался.

Как ни странно, восемнадцать человек он нашёл быстро. А вот ещё двух где взять? Одни не могут, другие не хотят. Ещё этот грипп, будь он неладен. Боятся люди. И телевизор осложнениями каждый день пугает...

И начал он перебирать в уме, кто бы мог поехать. Сначала позвонил Раскову, бывшему главному инженеру. Но тот уехал по путёвке (в такую погоду!) в санаторий. Дальше шёл по списку бывший агроном Попов Владимир Александрович, человек сложный, неординарный, с чудинкой в голове. Тот долго думал, что-то гну савил под нос, но согласился. Значит, и девятнадцатая цифра была закрыта. Не зря говорят, что самое трудное – в конце.

С последним было сложнее. Не найдёшь – и остальные не поедут. Кому хочется лишний рубль за машину платить. Чай не богачи...

Наступил четверг, а человек так и не был найден. Рябинин не знал, какими ещё словами нужно ругаться. И наконец в десять утра его осенило. На память пришла их стоматолог, женщина тихая, красивая и элегантная. Она хоть и работала, но тоже была на пенсии. Так что её смело можно было причислить к ветеранам. Тем более она уже два раза была на встрече с земляком-писателем.

Он пододвинул к себе телефон.

– Лидия Тихомировна, здравствуйте, Рябинин вас беспокоит, председатель совета ветеранов.

– Здравствуйтесь, Юрий Сергеевич, узнала. Слушаю вас.

– Хорошо, когда страна знает своих героев, – засмеялся он. – Лидия Тихомировна, мы сегодня едем в областной драмтеатр на спектакль «Поздняя любовь». Выезд в пятнадцать часов от Дома культуры. Специально для вас держу одно место. За билет платить не надо, только за проезд пятьсот рублей.

– Спасибо, Юрий Сергеевич, у меня на сегодня другие планы.

– Спектакль изумительный. В двадцать три, максимум в ноль часов, будем дома. А так вечер у телевизора просидите. Извините, если говорю что-то не так. А планы всегда можно поменять. Подумайте. Время ещё есть. Жду вашего решения до двенадцати. В противном случае пеняйте на себя. И позвоните обязательно.

Лидия Тихомировна продолжала лечить зубы, а состоявшийся разговор всё никак не выходил у неё из головы.

«И правда, – думала она, – просижу целый вечер у телевизора, а люди спектакль посмотрят, пообщаются. От гриппа у меня маска есть. Поеду, – твёрдо решила она. – Дела подождут. Жизнь у телевизора не так уж и привлекательна, – убеждала она себя. – Сидим все по пещерам и света Божьего не видим, а говорим, что хорошо живём».

Отпустив больного, она пошла в ординаторскую и набрала номер телефона:

– Юрий Сергеевич, Александрова. Я согласна.

– Молодец, Лидия Тихомировна! Одобрю ваше мудрое решение. Подходите в половине третьего к Дому культуры. Там будет стоять бежевое маршрутное такси. Отъезжаем в пятнадцать часов. До встречи! – и в телефоне раздались короткие гудки.

Александрова, придя домой, быстро помыла голову. Слегка перекусив, украсила шею бусами из мелкого белого жемчуга, в уши вставила золотые, с таким же жемчугом, серёжки. Потом она подкрасила глаза, надела облегающие чёрные колготки, новое, с рукавами до локтя, серое в блёстках платье, недавно купленные коричневые итальянские сапоги, на пальцы рук водрузила по перстеньку, а на запястье левой кисти – золотой браслетик. Слегка сбрызнув шею, за ушами, грудь и запястья дорогими французскими духами и наложив на губы несколько штрихов перламутровой помады, она надела белое кожаное пальто. Взяв сумочку с хаотично нарисованными на ней серо-чёрными квадратиками, положила в неё всё, что носят женщины, добавив пару медицинских масок.

На улице было слегка морозно. Лидия даже поёжилась. Но красота требовала жертв.

– Лидия Тихомировна, здравствуйте, – её догнал бывший начальник милиции, заместитель председателя совета ветеранов Шашкин Геннадий Николаевич. – Куда это вы такая красивая идёте? – от него пахло алкоголем.

– Пригласили в театр съездить.

– Так, значит, мы с вами движемся в одном направлении, – сказал и, как бы оправдываясь, пояснил: – Как доктор вы меня поймёте: в целях, так сказать, профилактики гриппа, будь он неладен, принял сто пятьдесят перцовочки. Пока доедем, всё и выветрится. А хотите анекдот? Мирошник только что рассказал. Муж утром

подходит к окну и говорит жене: «Тебе не кажется, дорогая, что сегодня будет прекрасная погода?» – «И что ты этим хочешь мне сказать?» – «Просто напоминаю, как ты говорила, что одним прекрасным днём ты уйдёшь от меня!» И он раскатисто рассмеялся. Лидия тоже улыбнулась.

Когда они подошли к указанному месту, маршрутное такси уже стояло. Войдя в салон, Лидия Тихомировна поздоровалась со всеми, аккуратно, чтобы не запачкаться, обошла мешок с картошкой и, отдав председателю деньги за проезд, села на свободное место. Все сидевшие знали её, а она, естественно, знала всех.

– А кто это с собой картошку взял? – спросила она у сидевшей рядом Тамары.

– Это Нина Сафронова захватила для дочери. Та заберёт её возле театра.

– Разумно! Совместила приятное с полезным.

Ехали не быстро. Дорога хоть и была чистой, но местами на ней лежал лёд и было скользко.

В салоне было тихо. Все разговаривали между собой полушёпотом.

Лида заметила, что у каждого на коленях стоял увесистый полиэтиленовый пакет, но не придавала этому особого значения.

Ближе к середине пути в салоне стало невыносимо жарко и все начали сбрасывать верхнюю одежду.

– Да выключите, наконец, эту печку! Дышать нечем, – раздались голоса. – Вы хоть как-то уважайте пассажиров.

– Ничего не могу сделать. Что-то в машине поломалось, и у меня печка не выключается. Потерпите. Через пару километров будет стоянка, немного проветрим салон. Можно будет и в туалет сходить, и воздухом подышать. Только не забудьте одеться перед этим. Не хватало мне вас простудить.

На стоянке вышли все. Было холодно и сумеречно. Мужчины сразу сунули в рот сигареты и устремились по узкой дорожке в снегу к недалеко стоящему деревянному туалету. Женщины, запахнув пальто, монументально стояли возле машины.

Лида тоже вышла со всеми. Хотелось вдохнуть свежего прохладного воздуха, а то от массовых испарений её стало даже подташнивать.

От горизонта оторвалась огромная луна и медленно поползла по небу. От её света снег искрился и приобретал синий оттенок. Обратив на это внимание, Лида сентиментально улыбнулась.

«Как странно, – подумала она, – никогда не обращала на это внимания».

– Ну что, готовы ехать?

От громкого голоса шофёра она даже вздрогнула.

– Тогда по машинам! – скомандовал весело водитель.

Когда въехали в город, за окном была настоящая ночь, хотя часы показывали начало седьмого. Большая, ярко освещённая театральная площадь с огромными сугробами снега по бокам в ярком свете неоновых фонарей выглядела сказочно. Театр был ещё закрыт.

Как только остановилась маршрутка, к ней быстрым шагом подошли мужчина и женщина – зять и дочь Нины Сафроновой.

– Мам, привезла? – спросила дочь не здороваясь.

– Привезла, доченька, привезла. Вон мешок, забирайте. А ты чего такая сердитая?

– Как тут не быть сердитой, если муженёк на бровях явился. Еле растолкала. А капуста где?

– Капусту, Ленуся, забыла. С маршруткой передам. Позвоню тогда.

– Только в выходные передавай, чтобы наш папа мог встретить.

– Хорошо, дочка.

– Что стоишь истуканом?! – заорала Лена. – Бери мешок, и пойдём уже. Спасибо, мам. Вот возьми узелок. Я туда сложила кое-какие вещички и ещё кое-что.

– Товарищи, товарищи, – скомандовал бывший начальник почты Селивёрстов Фёдор Кузьмич, – предлагаю сгруппироваться и сделать общий снимок для отчётности, так сказать.

Он всегда и везде ходил с фотоаппаратом, но его фотографии редко кто видел. Он носился от одного к другому, одних меняя местами, других заставляя присесть, а третьим поправлял съехавшую шапку или застёгивал пальто.

– Фёдор Кузьмич, темно уже, какая фотография, – пытались остановить его. Но это было бессмысленно.

– Без паники! – кричал он. – Встаньте кучнее и не волнуйтесь. Для этих целей вспышка имеется. С ней хоть в погребке снимай, хоть под одеялом, – и он залиvisto засмеялся от произнесённой шутки.

Было заметно, что и он тоже принял свои законные «наркомовские».

– А вы что тут встали? – обращался он к остановившимся людям. – Либо вливайтесь, как положено, в наш коллектив, либо идите куда шли. Мы люди простые, деревенские... Окультуриваться сюда приехали, нам цацкаться с вами времени нету. Ну а если не-возмогу – присоединяйтесь. Мы никого от себя не гоним. И вас щёлкну. Это мы умеем. Это быстро. Чего тогда ждём?

Люди как ошпаренные быстро и молча отходили в сторону.

– Эх, жаль, гармонии у нас нет. Снимок был бы просто потрясающий!

– Федя, хватит балаболить. Ты либо снимай быстрее, либо мы расходимся, чай не лето. Ноги начинают мёрзнуть.

– Да подождите вы, крышка с объектива не снимается. Примёрзла, что ли?

– С ним свяжешься, себе рад не будешь, – прогнусавил Владимир Попов. – Вечно у него если не зима, то лето.

– Всё-всё. Кто там волнуется? Мы об этом не договаривались. Помним, что нервные клетки не восстанавливаются. Глубоко вздохнули и улыбнулись. Снимаю!

Было слышно, как что-то зажужжало, щёлкнуло, и яркая вспышка ослепила всех.

– Ну вот и замечательно! Есть свидетельство нашего окультуривания в городе. Может, кто-то маленькими группами хочет себя увековечить?

– Мы лучше в театр пойдём, – сказала Раиса Павловна, жена председателя совета ветеранов. – Все уже заходят, и нам пора. Лучше там пофотографируемся.

В театр зашли толпой. Председатель подал контролёрше список, заверенный печатью. Она посчитала людей и объявила, что их места во втором ряду с первого по двадцатое. Все отметили, что это очень здорово: и видно хорошо, и слышно отлично.

– Гардероб внизу, – сказала она и показала рукой.

Войдя в театр, все сразу онемели от увиденного. Тот после пожара был отреставрирован так профессионально, что такой красоты никто и никогда не видел. Приехавшие люди почувствовали себя жалкими перед этим великолепием. Они по широкой лестнице робко спустились вниз в гардероб. И здесь всё поражало величием. Зеркальные стены и трёхгранные колонны делали помещение просто бескрайним. Кафель отражал свет хрустальных люстр. Никто не проронил ни одного словечка, находясь в шоке. «Театралы» просто оцепенели от увиденного.

Раздевшись и сдав пакеты, все оглядели друг друга.

Как оказалось, кроме трёх женщин, все остальные выглядели далеко не торжественно: свитера, потёртые брюки и стоптанные ботинки.

Мужчины тихо что-то клали себе в карманы.

Затем все гуськом двинулись в туалет: мужчины – поправить настроение, другие – справить нужду, а остальные – просто посмотреть или помыть руки. Там от блеска и чистоты тоже рты не закрывались. Но здесь у многих сразу возникли серьёзные проблемы. Во-первых, не знали, как смывается вода в унитазах. На кнопку в стене даже не обратили внимания. Во-вторых, возникли вопросы с водой. Никто не подозревал, что надо просто подставить руки под кран – и водичка потечёт сама по себе. Краны крутили, тянули вверх и вниз и даже рвали на себя. А вот о работе сушилки все имели понятие – цивилизация простёрла свои руки далеко в глубинку.

Налюбовавшись красотами туалета, все поднялись в фойе. Оно состояло из двух ярусов. И здесь было на что посмотреть: выложенные под мрамор полы, высокие расписные потолки, картины, зеркала и мозаика на стенах, мягкие цвета какао кресла, причудливые люстры... Всё дышало атмосферой покоя и торжества, в которой хотелось быть благороднее и чище.

Мужчины, поправив в туалете настроение, выглядели раскованными и слегка шумными. Селивёрстов фотографировал беспрестанно. Он метался по театру как заводной. А за ним, как пчёлы за маткой, следовали наши «театралы».

Прозвучал звонок. Народ двинулся в зал. Он тоже вызвал ликование. Высокие, расписанные под дерево потолки, хрустальные

люстры и красные бархатные кресла создавали атмосферу таинственности и ожидания сказочного чуда.

– Я так боюсь гриппа, – сказала Лидия Тихомировна Попову, который не отходил от неё ни на шаг. – Маску, что ли, надеть, но в них никто не ходит.

– Да где её здесь возьмёшь, эту маску?

– А я с собой взяла две штучки. Тебе дать?

– Давай.

Она порылась в сумочке и протянула ему маску – она тут же оказалась у Попова на лице. Так он в ней и просидел до конца спектакля.

Когда они сели в кресло, Лида шепнула:

– А я вначале отказалась от поездки. А сейчас понимаю, какое наслаждение пропустила бы.

– Ты думаешь, нас сюда три часа пёрли, чтобы красоту эту показать? Фигушки. В стране эпидемия объявлена, народ никуда не ходит, боится. Вот нами и заполнили зал. Артисты же не будут в пустом зале играть. Они тоже жрать хотят.

Вскоре все расселись по своим местам. Основная масса мужчин села с краю, галантно пропустив женщин в середину. И только Владимир Иванович сидел в маске в середине ряда вместе с Лидией Тихомировой. Она маску надеть постеснялась. «Грипп гриппом, а красоту маской скрывать не буду. Это недопустимо», – подумала она.

Наконец занавес открылся. И как только начался спектакль, сразу же раздались телефонные звонки. Сначала все делали сброс, но они повторялись и повторялись. Тут уже было не до спектакля. Требовалось отвечать. Из-за разговоров монологи актёров не были слышны. Более продвинутые писали SMSки. Да и спектакль, если честно, дух захватывал не у всех.

Наконец закончилось первое действие и толпа ринулась в буфет. Но он был настолько мал, что в нём тут же создалась давка, подойти к прилавку нечего было и пытаться. Лидия Тихомировна в тайне мечтала съесть пирожное, потому что жутко хотелось есть, но друг и сосед по креслу, Владимир Иванович, большими глазами телка смотрел на неё из-под маски и не принимал никаких мер по спасению дамы от мук голода.

И вновь «театралы» большим стадом ходили по залу, наслаждаясь красотой, хотя, если честно, они с большим удовольствием насладились бы куском мяса с хлебом и луком. Как вдруг мысли о еде ушли сами собой – на их пути встретились живые негры. Наши так были поражены, что, побросав всё, стали с ними фотографироваться, что привело представителей знойной Африки в неописуемый восторг. Африканцы весело смеялись от произведённого ими эффекта и позировали каждому, даже позволяли себя обнять. Попов ради этого даже снял маску. Сафронова фотографировалась с узелком. И только трое: военком, милиционер и Лида – не принимали участия в этом братании.

Второе действие не смотрели, а досматривали. Хотелось уже быстрее домой. Наконец и оно закончилось. Хлопали больше от радости, чем от наслаждения великой силой искусства.

Быстро одевшись, все резво ринулись к маршрутке и тронулись в обратный путь.

– У родника останавливаться будем? – повернувшись, спросил шофёр.

– Непременно, – ответил председатель. – Обязательно надо перекусить и поправить нервную систему, а то слышно, как у многих в животах кишки разговаривают.

– Ну и как вам спектакль? Мне не понравился. Артисты какие-то неживые, хоть бы походили по сцене. И слышно плохо было, видно, микрофоны у них не работали, – сказала бывшая заведующая детским садом.

– В театре микрофонов нет. Просто мы сидели близко, и звук пролетал над нами, – категорично заявил бывший начальник милиции.

– Больно ты грамотный! А я говорю: микрофоны не работали! Это у вас в милиции без микрофонов орут, и в основном матом. По мужу знаю.

– Не работали только для тебя. Вы мне лучше скажите, на каком языке вы изъяснялись с неграми?

– На русском.

– Да? А вы не задумывались, что они шпионы, что посланы к нам в страну, чтобы завербовать вас, дураков.

– А может, у них мать русской была? – возразила Тамара.

– У всех сразу? Вот привлекут вас, дикарей, чекисты и шёпотом, без микрофонов будут разговаривать с вами, но вы их услышите. Может, кто-то и целовался с ними, – захохотал он. – Тайга большая. Будете носиться по ней с двуручной пилой «Дружба», – и он снова засмеялся. – А может, и расстреляют, смотря как дело повернут. Я с удовольствием приму в этом участие.

– Дурак какой, – прошептала Нина. – Чай нынче не тридцать седьмой год, а двадцать первый век. И расстрельная статья отменена.

– Отменена для бандитов, а вы государственные преступники. Мне дед рассказывал, как на партийном собрании один коммунист, извиняюсь перед дамами, пукнул. Случайно, конечно. И что? Впяяли ему идеологическую статью и отправили на двадцать пять лет в солнечный Магадан. Враг народа! Правда, оттрубил он двенадцать лет. Хрущёв его реабилитировал.

– Что мы незаконного совершили – сфотографировались и всё. Мы и фотографии все уберём, можно же, Фёдор Кузьмич?

– Если надо, то уберём.

– Тогда уберите, пожалуйста.

– Геннадий Николаевич, вы так народ до инфаркта доведёте! – возмущённо сказала Лидия Тихомировна. – Скажите им, что неудачно пошутили.

– Лидия Тихомировна, пусть испугаются. Как дикари, честное слово. Негров увидели... Чисто по-человечески стыдно за всех нас.

– Приготовились, господа, – прокричал шофёр, – подъезжаю. Выходить будете?

– Нет! Нам и здесь хорошо.

И праздник начался. В салоне сразу сделалось шумно, зашелетели пакеты, между сиденьями устанавливали заранее приготовленные доски, на которые ставилась выпивка и закуска. У ветеранов было всё предусмотрено до мелочей. Участвовали все. И очень активно.

– Ну что, – встал председатель совета ветеранов со стаканом самогона, – у всех налито? Для женщин имеется хорошее сухое вино. Давайте отметим нашу поездку, а заодно и перекусим.

Все дружно выпили и с аппетитом, жадно стали поглощать пищу. Голод и правда оказался не тёткой. Вот теперь Лидия поняла, зачем у каждого были эти пакеты, но её никто об этом не предупредил. Опыт приходит постепенно.

– Нинон, скажи всем нам, зачем ты по театру ходила с узелком и странно улыбалась, как бедная Лиза. На тебя стыдно было смотреть. Даже негры показывали пальцем, – прогнусавил полным ртом Попов.

– Правда, что ль? Лида, я походила на Лизу? Я честное слово не знаю, какой она была, – глупо посмотрела она на Александрову.

– Я тоже не знаю, как выглядела эта Лиза, но с этим узелком ты больше походила на дурочку. Чего его не сдать было в гардероб?

– А ты не могла подсказать? А ещё подруга!

– При чём здесь подруга? Может, у тебя в нём что-то ценное лежало. Откуда я знаю. Могла бы и сама догадаться.

– А вот не догадалась!

– Плохо.

– Меня фотографировал кто-нибудь? Хочется посмотреть на себя.

– Тебя все, кто был в театре, фотографировали, – засмеялся Юрий Сергеевич.

– Ну и пусть смотрят. Умный не засмеётся, – и она залпом выпила стакан самогона.

– Это по-нашему! – похвалил её бывший начальник милиции. – Не собачьтесь! Всё закончилось замечательно. Надо и нам повторить благородный поступок Нины Сафроновой.

И все опять выпили. Лидия Тихомировна пила вино и ела ножку курицы, положенную ей Тамарой.

Когда организм почувствовал насыщение, движения стали замедленными и полились песни: «Расцвела под окошком белоснежная вишня...», «В жизни раз бывает восемнадцать лет...», «Огней так много золотых на улицах Саратова...». Сначала пели все вместе. С каждой новой рюмкой дружный хор терял ритм и такт. И наконец хор совсем расстроился: в корме пели одну песню, в носу – другую.

Нина встала и начала приплясывать, перекрикивая всех, что надо уже перейти на частушки.

– Ты узелок в руку возьми. Так веселее будет! – прокричал Попов.
– Дурак какой, – обиделась Сафронова. – Я тогда вообще петля не буду.

Время приближалось к полуночи. Но закуски и спиртного было больше чем достаточно. Фёдор Кузьмич, откинувшись в кресле, крепко спал.

Снова заговорили об искусстве. В пьяных головах появилась трезвая мысль: посетить филармонию и органнй зал. Председателю совета ветеранов постановили решить этот вопрос незамедлительно.

– Товарищи, товарищи! – закричала Лидия Тихомировна. – Не пора ли заканчивать? Надо ехать. Между прочим, мне завтра, точнее, уже сегодня, на работу.

– Ничего страшного, отгул возьмёте.

– Какой отгул? У меня больные на сегодня назначены. Не будут же они по вашей милости ко мне месяц ходить! Хватит гулять! Сегодня всю культурную программу выполнили. Пора и честь знать!

– Ну что, друзья, надо уважить требования нашего любимого доктора. Без неё мы как без рук, точнее, без зубов. Вася, заводи свою шарманку! – крикнул шофёру Попов. – Поедем в родные пенаты. А это мероприятие, – он щёлкнул себя по горлу, – можем продолжить и дома. Не будет других предложений? Вот и славно! А к этому времени Нина созреет и станцует нам молдавский танец с узелком, – и он заржал как сивый мерин на весь салон.

Во втором часу ночи маршрутное такси остановилось напротив дома Александровой. Она вышла, пожелав всем спокойной ночи.

– Когда будете ехать в филармонию, не забудьте и меня взять! – прокричала она в темноту открытой двери.

Слышали там её или нет, она не знала. Лида улыбнулась и побежала кормить собаку и котов. Настроение было приподнятое: воодушевлённая увиденным в театре и в ночном небе, она, счастливо улыбаясь, думала: «Как здорово, что я согласилась поехать! Можно всю жизнь ходить по земле и не видеть блеска звёзд. А от такой красоты недолго и с ума сойти».

И она шагнула в привычную жизнь с радостным ожиданием следующего праздника. «А в пакет непременно положу свои фирменные огурцы», – мелькнуло в её красивой голове.

На тридцатилетнюю годовщину окончания школы из класса собралось пятнадцать человек – пять местных и приезжие: одна из Петербурга, двое из Москвы, один из Самары, четверо из Украины (Киева, Днепропетровска, Николаева и Харькова), а двое Бог весть откуда – из областного центра, что в ста километрах от посёлка. Но всё равно... Как-никак, а первая после выпуска встреча.

Если ты себя видишь каждый день, то с тобой вроде бы ничего и не происходит, ты как бы стоишь на месте и не стареешь вовсе. А вот остальные... Остальные, оказывается, так стареют, что даже узнать трудно.

Но проходят первые шокирующие полчаса, и все вновь превращаются в тогдашних Витек, Людок, Мишек и Тамарок... И вновь перед тобой вчерашние бесшабашные школьники, безудержные хулиганы, а не солидные дяди и тётки с животами и умело заретушированными морщинками. И сердце бьётся в том же ритме, и так же хочется подставить старинному товарищу подножку и дёрнуть женщину, в которую был тогда тайно влюблён, за воображаемую косу... И кажется, что ничего не изменилось, не было этой долгой разлуки, а просто все расставались на каникулах.

Договорились встретиться в шестнадцать часов на центральной площади у памятника. Женщины выглядели потрясающе. Любую выбирай в королевы, примадонны, царицы – не ошибёшься. «Гусары» не блистали красотой и изысканностью, но каждый был с букетом цветов и дорогой сигаретой в зубах. Чтобы встреча не носила протокольный характер, условились своих половин не брать, а то всё будет напоминать семейную встречу Нового года, где за столом каждый чего-то ждёт и хочет, изображает деловое веселье, но в мыслях мечтает быстрее лечь спать, устав от постоянных понуканий. И только Валерка Тюмин, прокурор из столицы, приехал со своей молодой любовницей. Она театрально жалась к его плечу, изображая страстную любовь, беспрестанно улыбалась и целовала «милого» в щёку, а он держал её за талию, как бы показывая всем, что именно так и живут лучшие представители столичного бомонда. Но одноклассники не обращали на это никакого внимания и были возбуждены только встречей. Все обнимались и целовались так страстно и искренне, как будто всё это делали впервые. Потные руки мужчин с волнением и трепетом ощущали застёжку бюстгальтера и резинку трусов одноклассниц, а те как бы этого и не замечали. Говорили все сразу, стараясь перекричать друг друга, вспоминая свои давние шалости.

– Надо было учителей пригласить, – вдруг деловито изрекла Маша Чернова.

– Зачем они нужны? Им всем за семьдесят... Что мы с ними делать будем? За ручку водить? И без них обойдёмся! – заводила класса Мишка Истомин и сейчас был на месте и поставил здесь жирную точку. – Между прочим, через полтора часа в ресторане праздничный ужин. Разрешается всё, кроме ссор и драк. Надеюсь, все это понимают. А пока есть время и все трезвые, предлагаю пройти к школе и возложить у её порога цветы. Именно оттуда начался наш долгий путь по дороге жизни.

Всем пришлось по нраву идея пойти к школе.

– Миша, – сказал деловито Тюмин, – я с тобой в некоторой степени согласен про дорогу жизни, идущую от школьного порога. Все мы в самом начале шли по ней, по этой самой дороге, но у каждого она была своя. Так или на так?

– Валера, не надо умничать! Сейчас ты своей философией только тоску на нас нагонишь, – Люся Онищенко в школе вечно спорила с ним, не давая развернуться его пустой идее.

– Люська, отцепись. Я мудрую вещь хочу сказать.

– Вот приедешь в свою Москву и будешь в ней умничать, а сейчас – анекдот. В поезде парень рассказал. Я смеялась, аж тушь из глаз потекла. Между прочим, про школу, слушайте, а то не буду рассказывать.

– А ну тише все! – провизжала Света. – Рассказывай, Люся.

– Прямо как у нас. Через 30 лет после окончания школы Иван пришёл на встречу с одноклассниками. Все рассказывают о своей семье, работе.

– Иван, – спрашивают его, – а кем ты работаешь?

– Я – генерал.

– Не может быть! Ты же в школе ничего не знал.

– А я и сейчас ничего не знаю. Но к утру подчинённые всё сделают! Все дружно засмеялись.

– А в нашем классе военным кто-то стал? – поинтересовалась Екатерина.

– Да. Три человека. Витя Спирин. Лётчиком был. Разбился молодым. Царствие ему небесное. Потом Слава Теплов. Он танковое училище закончил. Служил где-то на востоке. О нём больше ничего не знаю. И Сашка Федченко. Я его в Киеве встречал. Полковник. Причём каждый из нас спешил и договорились вечером встретиться, но и встреча сорвалась. Больше мы не виделись. Я даже не спросил, где и кем он служит.

– А ты, Валя, кто?

– Э-э-э, стоп! О себе и о жизни будем говорить в ресторане. А сейчас только воспоминания и общий восторг, – Миша Истомин уже начинал руководить коллективом. – А помните, в девятом классе стул кто-то прибил у доски. Утром приходит историчка, а стул оторвать от пола не может. Учителя труда вызывали, он гвозди выдёргивал. Потом разбирались долго, но виновного так и не нашли. Никто не знает, кто это сделал?

– Желающих признаться не нашлось. Но мне кажется, Витька Акимов. Он после этого долгое время очень тихий был. Прямо паймальчик.

– Катя, а помнишь, как вы с Геней Сидоркиным ушли вместе после первого урока? Ушли и пропали. Куда вы ходили тогда? Главное, скромная была – и на тебе!

– Цветы нюхать! А чего это тебя так заинтересовало?

– Девчонки все тебе завидовали. Но вы как-то быстро расстались. Даже не интересно.

– А пацаны Генке завидовали. Катя была самой красивой девочкой в классе. Да ты и сейчас осталась такой. И ещё была самой тихой. И вдруг... Я тебе каждый день записки писал и в парту подкладывал.

– А мы что, для тебя некрасивые, Федотов? Ведёшь себя перед дамами, как босяк! – зло фыркнула Люба. – Никакого такта, никакой культуры. Одну выделил, а всех в грязь швырнул. Аж настроение испортилось.

– Извините, девочки, вы у нас самые-самые... – смущённо произнёс Леонид. – Любовь, дай я тебя поцелую.

– Да иди ты, Лёнька. Катьку свою целуй...

– И до Екатерины время дойдёт, а сейчас подставь мне свою щёчку и извини.

– Подхалим! Целуй быстрее, а то уже к школе подошли.

Сзади раздался истерический смех. Смеялись Лёва и Зина. Они от хохота даже согнулись пополам.

– Ребята, что произошло?

Но те смеялись как умалишённые.

– Да остановитесь вы, в конце концов. Расскажите, и мы посмеёмся.

– Ой, не могу! – стонала Зина. – Девочки, у кого зеркальце есть? Вся тушь смылась.

– Мы тогда учились то ли в первом, то ли во втором классе, – снова прыснул Лев. – Помните, ребятам из восьмого класса, а их там было человек пять или шесть, на двадцать третье февраля в парты положили по бутылке водки. Я это хорошо знаю, потому что в этом классе мой брат учился. Это учудили они сами, а на девчонок свалили. Короче, утром учительница входит в класс на первый урок, а пацаны все пьяные. Никто лыка не вяжет. По углам уже наблёвано. Один даже посреди класса спит.

Все тоже начали смеяться, схватившись за животы. Прохожие подозрительно оглядывались на взрослых и солидных людей, не понимая причины их веселья.

– А как они по коридору бродили и постоянно падали, скользя по вылившейся из них пище! – визжала Люся.

– А мой Колька свалился на техничку и с головы до ног украсил её. А она его кулаком в глаз. Так он потом целый месяц с огромным синяком ходил, – стонал Лев.

– Главное, что их никто не мог вывести из школы, до того они были грязные и пьяные. Вызывали милицию и «скорую помощь». Всем в больнице капельницы делали. Это мне мама рассказывала, – уточнила Галя Смирнова.

– А мой брат, – Лев от смеха уже икал, – до сих пор запах водки не переносит. Его сразу начинает выворачивать наизнанку. Даже когда уколы делает, заставляет кожу протирать одеколоном.

– Вот, оказывается, какой есть простой способ борьбы с алкоголизмом. запатентовать его надо. В детстве один раз напоил – и как бабка пошептала. А мой как запьёт... Трагедия одна, – скорбно проговорила Люба. – И чего только не делали – всё впустую.

– Успокойтесь все! Вот и наша школа. Всё бы отдал, чтобы снова вернуться в то далёкое время. И учиться бы стал по-другому. Что ни говорите, а школьные годы действительно чудесные, – сказал молчавший до сих пор Петя Климов, местный шофёр. – Правда, Николай? – обратился он к своему другу и напарнику Коле Любимову.

– Что правда то правда, – ответил тот закуривая.

– Не вздумайте только расплакаться. Это на всех вас не похоже. А мне несколько не жалко тех лет, – твёрдо заявила Чернова. – Прошли и прошли.

– Боже, какая ты чёрствая!

– Ты у нас мягкий.

– А ну перестаньте! Не хватало ещё здесь поругаться. Жалко, что двери закрыты... – Михаил горестно вздохнул. – Давайте положим цветочки и помолчим немного.

Все стояли, опустив голову, как стоят перед чем-то святым. И каждому было грустно, что бы он до этого ни говорил. Школа

знаний, школа жизни, школа, которая каждому дала так много всего... И теперь этот каждый идёт по жизни, пользуясь её запасами, даже не замечая этого.

– Ребята, а вы помните нашего физика? Василий Михайлович, кажется. Он говорил с нами обо всём. И анекдот расскажет, и пикантную историю, и ещё чёрт-те что, кроме самой физики. Помню, поведал он как-то очередную ересь, класс смеётся покотом... А Лидка Конопацкая, на последней парте сидела, смеялась всегда с закрытым ртом и тряслась всем телом. Кстати, кто не знает: умерла она два года назад – отравление грибами. Так вот, Василий Михайлович поглядел на неё и говорит: «Лида, ты сейчас похожа на монгольскую наездницу». Какой уж тут был урок.

– А многих наших уже нет в живых? – тихо спросила Зина.

– По моим сведениям, восемь человек. Считаю, четверть класса. Но это те, кто хоть изредка мелькал перед глазами. А о скольких мы вообще ничего не знаем... – ответил Борис, местный милиционер.

– Да, жизнь летит как птица. Вроде бы недавно институт закончил, а уже надо к пенсии готовиться – философия жизни.

– Миша, ты ещё слезу пусти.

– Разве я не прав?

– Давайте хоть сегодня не будем говорить о годах и проблемах, – грустно улыбнулась Катя. – А нашу математичку помните, Валентину Сергеевну? Когда начинался её урок, класс становился просто неуправляемым. К доске ходила только Лена Попович. Вызывает она как-то Машу Чернову, я с ней сидела за одной партой, а Мария ей говорит: «Валентина Сергеевна, у меня колено болит. Я не дойду до доски».

И вновь хохот накрывает улицу.

– Катя, вы в школе с Машей были такие подруги, просто не разлей вода, а потом стали чужие, будто между вами кошка чёрная пробежала. Женщины так повздорить могут только из-за мужчины. Я права? – заметила Галина.

– А вот это тебя не касается, – отрезала Мария. – И вообще, не пора ли двигаться к ресторану. Уже и выпить хочется, и покушать. Боря, что там по твоим часам?

– Через двадцать минут должно начаться вбрасывание. Поэтому предлагаю не торопясь двигаться в сторону ресторана. Всё равно он от нас никуда не денется.

– Валера, а как зовут твою боевую подругу? – зло спросила Любовь, семейная жизнь которой всегда быстро прерывалась из-за склочности её характера. – Мы уже почти два часа гуляем, а она как чужая в нашей дружной компании. Представь её нам! Ты же ведь её сюда продемонстрировать привёз? Так демонстрируй! Кто она, чем занимается, и вообще...

– А ты что, ещё не познакомилась, Люба? Не похоже на тебя. Тайн за семью замками для тебя никогда не существовало. Явно затянула с этим делом. Это моя Стелла!

– Ого! Прямо как в оперетте! – ахнула Любовь. – Это мы тут все незвучащие. «Стелла! Ты недаром зовёшься звездой», – пропела она и закружилась, поднимая оборки платья и обнажая ноги с варикозным расширением вен. – И что дальше?

– Она литературный критик.

– О как! Не кайлом, значит, махает. Современный Белинский... – и она зло засмеялась.

– Люба, – Валерий покраснел, – до чего ты гнусная баба. Я тебя сейчас побью! При чём здесь Белинский? Он критик, Стелла критик... Делают одно дело, но в разное время. А-а-а... – он горестно махнул рукой, – разве ты поймёшь. У тебя одно целый день у флюорографического аппарата: «Вдохнули – задержали дыхание – выдохнули». Мозг и атрофировался.

– Теперь ясно, доступно объяснил, кто есть кто. А что, прокурорам дано право избивать непокорных? Скажи, а твоя жена сейчас с внуками забавляется?

– Любовь, ты невыносима, я бы тоже тебя побил. Что ты лезешь к людям. Мы радоваться собрались на этой встрече, а ты дёготь вёдрами в мёд льёшь, – Истомин зло закурил. – Ты лучше нам расскажи, как гуляла налево и направо от своих многочисленных мужей.

– А тебе какое дело? Да. Гуляла. А они водку жрали и пьяные потом измывались надо мной. Места живого на теле не было! – всхлинула она. – А этому кобелю я после ресторана всё между ног вырву, так и знай, – повернулась она к Тюмину.

– Мы тогда с вами никуда не пойдём.

– Не бойся, Валера, она пошутила. Только скажи нам всем, много у тебя в жизни таких красавиц было? – поинтересовалась Света.

– Она у меня единственная, – Тюмин наклонился и поцеловал Стеллу.

– Не лги! Я знаю только четырёх.

– Откуда ты можешь знать, если мы живём в разных городах.

– Оттуда, дорогой мой. Моя подруга вместе с тобой работает. Так что ваши похождения нам известны.

Стелла стояла в стороне и плакала.

– До чего вы все вредные. Довели человека до слёз, – он подошёл к Стелле и притянул к себе. – Не слушай ты их, милая. Лепечут языком незнамо что. Ты у меня одна-единственная и лучше всех!

– Ребята, не отставайте, – Катя взяла обеих под руки и ускорила шаг. – Стелла, не слушай никого, Валера классный мужик. У женщин зависть стоит на втором месте после жадности.

И только Светлана шла поодаль и недовольно бурчала себе под нос:

– Прокурор выискался... Небось взятки берёт... А кому он был бы нужен без взяток. Сморчок!..

– Света, успокойсь ты, наконец, или нет? – не выдержала Зина. – Чем тебе мужик не угодил? Что он тебе плохого сделал? Надо было в школе не юбкой трясти, а учиться хорошо. Небось, в магазине тоже обсчитываешь покупателей. Машину чай не в лотерею выиграла?..

– Да, не в лотерею...

– Может, уже отменим встречу?! Вижу, все достаточно надоели друг другу. Ведёте себя как на базаре. За каких-то полчаса умудрились переругаться. Для этого тридцать лет копили свою злость? Хватит! – прокричал Истомин Миша. – Давайте уважать друг друга. Не пойму, что мы делим? Кто кому дорогу перешёл?

– Действительно. Мы что, за сотни километров приехали сюда отношения выяснять? Если так, то давайте здесь, не сходя с места, перегрызёмся друг с другом и разъедемся по домам, – не выдержала Мария. – Ехали на праздник, а попали на базар. И правда, хватит уже. Иди к нам, Стелла. Мы тебя в обиду не дадим.

– Вот и пришли, – остановил всех главный организатор банкета Борис. – Наш стол я распорядился поставить у стенки слева. И мешать никому не будем, и полумрак интима придаст нашей долгожданной встрече атмосферу любви и дружбы. Рассаживаемся так: мальчик – девочка, мальчик – девочка... На роль тамады предлагаю Мишу Истомина. Другие предложения будут?

– Боря, тебе бы в жизни не милиционером быть, а поэтом, – засмеялась Люся. – Такого раньше в тебе не замечалось. А то выбрал: «Руки на капот, ноги шире плеч», – снова залилась она задорным смехом.

– Он последние годы в начальниках ходил, – уточнил Пётр, местный шофёр. – Здесь доброта у него и появилась. А до этого был лют!

– Петька, не выдавай чужих тайн, – Борис улыбнулся и погрозил ему пальцем.

Все шумно вошли и стали рассаживаться.

Когда гул утих, поднялся Миша Истомин.

– Дорогие мои и любимые одноклассники и одноклассницы! Сегодня мы собрались здесь спустя тридцать лет, чтобы вновь вспомнить и пережить те далёкие годы. Об одном прошу: без оскорблений и обид. Вслушайтесь только в эту цифру. Тридцать лет!!! За это время все мы стали взрослыми, у каждого есть дети, внуки, которым мы с вами дали жизнь! Но когда-то... Когда-то и мы были молодыми и беспечными. Всё казалось в розовом свете. Боже, как же хочется снова вернуться туда, в то счастливое время! – он помолчал. – Предлагаю следующий сценарий нашей встречи: каждый встанет и расскажет о себе, своём жизненном пути. И обязательно смешную историю, что-то весёлое из нашей вчерашней жизни. Но не анкетные данные, а с задором, юмором... И чтоб улыбка не сходила с наших лиц.

– При этом не обязательно рассказывать свои семейные тайны, – уточнил Валентин Громов. – Они у каждого есть и для многих могут быть неприятными.

– Справедливое предложение. Ну, коль я уже стою, предлагаю первый тост выпить за наш дружный, весёлый десятый «В» класс. За ту огромную стаю, которая, оперившись, в один миг разлетелась

в разные стороны, чтобы стать отцами, матерями и просто людьми. За всех нас и за тех, которых с нами нет по тем или иным причинам! – он поднял фужер с шампанским. – Будьте здоровы и счастливы!

Все выпили.

– Одно ценное пожелание, мальчики: не забываем закусывать, чтоб к концу вечера за столом не было пьяных! – прокричала Катя Тимофеева.

– Очень дельное предложение, – заметила Галина Смирнова.

– Итак, – снова поднялся Михаил, – начинаем нашу встречу. Кто подзабыл, напоминаю: фамилия моя Истомин, заместитель начальника кафедры травматологии и ортопедии Киевской медицинской академии, доктор наук, профессор.

– Ого! С тобой и сидеть страшно. Высоко взлетел, Миша, – засмеялся Коля Любимов. – Хотя ты и в школе был головастый.

– Сиди, я не кусаюсь, – улыбнулся Истомин. – После окончания Одесского медицинского института трудился хирургом в Виннице. Два года отработал в госпитале в Эфиопии, где стал кандидатом наук. Потом... Это уже неинтересно, но один случай из своей практики расскажу. Думаю, он вам понравится. Я тогда уже работал в Полтаве. «Скорая помощь» нам доставила женщину лет шестидесяти с тяжёлыми травмами головы и рук – муж побил. Определили её в палату как лежащую больную. Санитарочка принесла и поставила под кровать ей «судно», пояснив, чтобы та в туалет в него ходила. В полночь в отделении раздался жуткий грохот. Как оказалось, больную, видно, сильно перемкнуло, и она, «надев» два судна на ноги (второе у соседки позаимствовала), пошла в них в туалет. А дежурная медсестра, услышав среди ночи такой грохот, так испугалась, что её потом сердечными каплями отпаивали. За вас, друзья! – Михаил выпил рюмку и сел.

Рассказ вызвал всеобщее оживление.

– Стоп-стоп-стоп! – закричала Люся Онищенко. – Можно, я тоже расскажу один интересный случай про больницу, а то забуду, – затараторила она. – А уж потом о себе.

– Давайте выпьем, что ли, а то с этими рассказами будем сидеть до утра, – предложил Николай Любимов.

– И всё на столе останется, – подвёл итог его друг и сосед Петя Климов.

– Люсьен, говори уже, – подал голос Леонид Федотов, – а то если не скажешь, тебя разорвёт от напряжения.

– И разорвёт, представь себе. Так вот, слушайте. Лежала я как-то в своей больнице с воспалением лёгких. И в нашу палату поступила женщина, тоже с пневмонией. Доктор её осмотрел и назначения в лист написал – лекарства всякие и банки на левый бок. А почерки у врачей, сами знаете: левой ногой пишут – прочитать невозможно. Вечером в палату входит сестра, практикантка из училища, с листами назначения: ставит градусники, раздаёт таблетки на утро, кому-то уколы делает... В самом конце подходит к этой женщине, протягивает ей бритву и говорит, чтобы та шла в ванную комнату брить лобок.

– Зачем? – недоумённо спрашивает женщина. – У меня же лёгкие больные.

– Ничего не знаю. Доктор чёрным по белому написал: «Банки на лобок». Что не ясно? Много вопросов задаёте, больная.

Делать нечего, она пошла брить лобок.

После трёх банок в том месте у неё всё было синее.

На следующий день обход врача. Та и спрашивает, зачем ей поставили банки на лобок, если у неё воспаление лёгких. Доктор аж дар речи потерял. «Покажите», – говорит. А когда увидел, чуть со смеху не упал, а та плачет и причитает, мол, что она теперь мужу скажет.

От смеха в ресторане задрожали стёкла.

– О себе что сказать? – продолжала Люся. – После школы сразу вышла замуж за племянника соседки, тёти Маруси Онищенко. Он из Харькова к ней в гости приезжал. В Харькове теперь и живу. Работаю в сберегательной кассе. Муж машинист. Двое детей. Очень рада всех видеть. За это и выпьем.

Долго сидели молча. Было слышно, как все с аппетитом поглощали пищу.

– Между прочим, если в компании наступает тишина, значит, в это время рождается полицейский, – произнесла Екатерина.

– Почему? – не поняла Зина.

– Не знаю почему, но так говорят в народе. Боря, выходит, теперь твоя очередь слово молвить, коль ты у нас представляешь органы правопорядка.

– Если честно, и рассказать нечего. Армия, потом школа милиции... А теперь пенсионер... Вот кратенько и всё. Как пишут классики, «его путь не был усыпан лепестками роз». Истории смешные могу рассказывать до утра. Вот одна из многих. Проходил я медкомиссию в военкомате перед призывом в армию. Ходишь из одного кабинета в другой... Все, естественно, в семейных трусах. Захожу к хирургу. Сидит за столом в резиновых перчатках молодая докторица лет двадцати пяти. Посмотрела она мои ладони, стопы, провела рукой по позвоночнику – всё в порядке. «Спустите до колен трусы, нагнитесь и раздвиньте ягодичы». Я, хоть и стыдно, делаю, как она сказала. «Повернитесь», – вновь командует она и одной нежной ручкой, хоть и в перчатках, отодвигает мошонку, а другой пальцем тычет мне в пах.

И какая реакция у восемнадцатилетнего юноши?.. Всё взметнулось вверх и упёрлось ей в грудь. Она аж отшатнулась. В это время в кабинет входит мужчина в халате, тоже врач. «Ого! – воскликнул он. – У вас золотые ручки, Елена Сергеевна. С ними мы можем резко повысить рождаемость в стране», – и смеётся. Она сидит красная как рак, я стою со спущенными трусами тоже красный. Сцена, наверное, была потрясающая. «Иди, сынок, – говорит врач, – и зови следующего. Посмотрим на его стойкость и самообладание. Сможет ли он противостоять женскому теплу? – и опять засмеялся. – А ты готов служить на Военно-морском флоте». Я вылетел из военкомата и бегом домой. Две недели не выходил на улицу – стыдно было. А через месяц повезли меня, родимого, правда, не на флот, а на китайскую границу.

И снова ресторан огласил истерический смех.

– Боря, – Маша Чернова выпила рюмку, ни с кем не чокаясь, – не строй из себя полового гиганта, – фыркнула она.

– Молчи. Не тебе об этом судить.

Пир шёл горой. Уже на еду никто не обращал внимания, до того все были сыты. А на столе появилась, испуская клубы пара, жареная морская рыба и картофельное пюре с аппетитно поджаренной

куриной ножкой, темнел остывший пережаренный шашлык. К фруктам никто не притронулся, зато под закуску хорошо шли овощные салаты и вода с соками. Почти все курили безостановочно.

– Катя...

– Что «Катя»? Окончила медицинский колледж. Стоматолог. Лечу и рву зубы. И так каждый день. Что рассказать интересного, даже не знаю. Мы учились уже в десятом классе, когда мама мне на день рождения подарила золотые серёжки. А носить в то время на себе всякие украшения нам запрещали. Форма – и всё. А я, дурочка, взяла их с собой в школу. Закончились уроки, вышли мы с Машей из школы, и я их вставила в уши. Иду, а сердце так и выпрыгивает наружу от счастья. А тут дождь, откуда он только взялся, просто хлынул как из ведра. Мы портфелями накрылись и побежали. Впереди лужа. Чтобы её не обегать, всё равно уже все мокрые, решили перепрыгнуть. Я скорее сердцем почувствовала, что в неё что-то упало. Рукой за уши – серёжки одной нет. У меня от страха всё в пятки ушло. Мы с Машей на коленях каждый сантиметр грязи в этой луже через свои руки пропустили. А дождь хлещет... Люди идут – удивляются, спрашивают, что потеряли... А сказать боязно. Мать за такое сразу прийдёт. Минут сорок, наверное, так ползали, но всё же нашли. Радости не было предела. Пошли домой к Маше Черновой, там помылись, я переделась в её одежду, чаю попили и бегом домой, пока мама не пришла с работы. После этого я почти две недели пролежала в больнице с ангиной. А серёжки надела уже после школы. И то, наверное, целый год ходила и постоянно проверяла, на месте ли они.

Заиграла быстрая музыка, и всех из-за стола как ветром сдуло. Начались танцы, быстрые и медленные, вновь сближая одноклассников, превращая их из взрослых людей в позавчерашних школьников.

И только холодная минеральная вода, которая теперь полилась мощным потоком, гасила пожар пробудившейся юности. Для официанток наступило золотое время прибыли.

Из открытой пасти двери на одноклассников глядела непроглядная ночь.

Миша Истомина поднял вверх руку:

– Мальчики, девочки, прошу всех к столу. Давайте присядем. Танцы подождут. Есть объявление, похожее на предложение.

Все, тяжело дыша, стали рассаживаться.

– Мои хорошие, – продолжал он, – уже без нескольких минут двадцать два часа. Мы покушали, выпили... К великому сожалению, из-за нехватки времени всех послушать не удастся, а точнее, их весёлые истории. Но чтобы не обидеть остальных, если позволите, я оставшихся кратенько представлю, а потом, несмотря на наступившую ночь, предлагаю сходить на нашу гору детства Шихан, а рассвет встретить на берегу реки Хопёр. Не будет других предложений?

– Принимается! – пьяно прокричал Лёва. – За данный регламент работы предлагаю выпить.

Все дружно опять выпили и, попив воды, закурили.

– Если я ошибусь или скажу неправильно, без стеснения меня поправляйте. Итак, Маша Чернова – работник архива в Питере, хранительница нашего прошлого. Света Терехова торгует здесь в магазине. Валеру Тюмина представлять не буду, все уже знают, кто он. Коля Любимов и Петя Климов, друзья с детства, – водители местной автобазы. Без их колёс горизонт для пассажиров никогда не станет ближе. Галя Смирнова работает учителем в школе, к порогу которой мы положили цветы, преподаёт математику. Считаю, что учитель – самая нужная на земле профессия. Лёва Соломатин – главный архитектор города Днепропетровска. Валя Громов в Николаеве работает мастером на судостроительном заводе. Люба – рентгенотехник в поликлинике Пензы. Зина Герасименко тоже из Пензы. Трудится на часовом заводе. Кроме того, что Лёня Федотов из Самары, больше о нём ничего не знаю. Он после школы куда-то исчез, и я увидел его только сегодня, хотя сюда, домой, приезжаю каждые два-три года.

– Если обо мне никто ничего не знает, пусть я для всех так и останусь загадкой, – ухмыльнулся Лёня.

– Возражений ни у кого нет?

– Нет! – закричали пьяные голоса.

– Ну и хорошо! А теперь давайте снова наполним рюмки, выпьем за наш дружный десятый «В» класс. Пусть у всех всегда будет всё хорошо! Здоровья всем!

Все опять шумно выпили.

– Теперь давайте заберём, что осталось выпить-закусить и рыбу. Очень вкусная!..

– Воду не забыть взять, – тихо сказала Маша Кате. – Всё время хочется пить.

– И воду, конечно, – подтвердил Михаил.

Все дружно высыпали на улицу. Прохладный ночной воздух прояснял мозги.

– Хорошо как! Жаль, гитару никто не взял, – полной грудью вздохнул Петя.

– Делов-то! Сейчас зайдём к тебе и возьмём, –по-хозяйски распорядилась Зина.

– Я же не играю. Просто так сказал.

– Жаль, а то бы попели.

И толпа праздно двинулась вверх по улице, громко разговаривая и смеясь. Говорили сразу все, никто никого не слушал.

– Товарищи дорогие, – догнала их официантка, – вы никого у нас не забыли? Это не ваша подруга спит в туалете?

– Наши все на месте, – твёрдо заявил Борис, посчитав всех пальцем. – Это, скорее всего, кто-то из ваших гостей.

– Да нет. Наши гости, кроме вас, давно все разошлись. Девушка в белом платье в чёрный горошек не ваша разве?

– Так это Стелла! Мы про неё и забыли.

– Иди, Тюмин, забирай своё счастье, снимай любовь с горшка, – зло засмеялась Люба.

– Люба, ты как была змеёй, так ею и осталась, – Валерий развернулся и пошёл в ресторан.

– Тюмин, – вдогонку крикнула Мария, – на следующую встречу тоже с ней приезжай!

– Вы нас не ждите. Мы с ней дальше не пойдём.

– Зачем вы его всё время обижаете? – горестно проговорила Катя.

– А пусть не выпендривается! Удивить всех захотел?.. Не выйдет! Мы тоже не пальцем деланные.

– Пойдёмте уже. А то рассвет встретим здесь, а не на речке.

На улице стояла кромешная тьма – протянутой руки не было видно.

Шли долго, часто останавливаясь, допивая остатки нескончаемой водки. Но проливали гораздо больше, чем наливали.

Николай и Пётр уже не могли сами идти. Их, крепко взяв под руки, вели опытные в этом деле друзья-одноклассники.

Кто-то сзади пару раз упал, из кого-то выходила недавно съеденная пища, но на такие мелочи никто даже не обращал внимания.

Девочки пытались петь, но их порыв не был поддержан. Все превратились в бесчувственных, равнодушных и абсолютно инертных существ, которые реагировали только на команду: «А давайте выпьем за...»

В тишине прозвучал гнусавый и тягучий голос Гали Смирновой:

– Ребята, а пить у нас больше нечего. Всё... Fenite... Alles...

– Галька, что ты там лопочешь? У нас было с собой четыре с половиной бутылки. Куда они делись?

– А я откуда знаю, – она громко всхлипнула. – Честно... Я не брала.

– Такого быть не должно! – прокричал Борис. – Пошли все ко мне! У меня дома самогон есть. Закусить что-нибудь осталось?

Были помидоры, котлеты, рыба, но на мешок кто-то рухнул – и в нём кисель... Яблоки с виноградом тоже подавились.

– Ничего, будем запивать, – засмеялся он. – Мешочек хоть цел?

– Мешочек цел, но вот моё платье вымазалось чем-то липким, – расстроено вымолвила Света.

– В десяти метрах колонка должна быть, там и смоем твою грязь, – брал на себя управление толпой Борис. Он был трезвее всех.

Сзади что-то шумно упало.

– Помогите кто-нибудь встать, – послышался голос Екатерины.

– Всем стоять! Кто-то из наших просит помощи. Мы не имеем права ему не помочь. Он наш товарищ, – произнёс, шатаясь, Миша Истомин.

– Да подойдёт ко мне кто-нибудь или нет?

– Слышали? Я никогда не ошибаюсь.

Борис пошёл назад и, споткнувшись, тоже упал, страшно матерясь.

– Ты мне руку чуть не сломал, бугай, – захныкала Екатерина. Её подняли. Она ощупала себя.

– Рука болит, коленку содрала... Я пошла домой. С меня достаточно...

– Я провожу тебя, – Леонид взял Катю под руку.

– Не надо меня никому провожать, я сама прекрасно знаю, где живу, – её нетвёрдые шаги стали удаляться.

– Пусть идёт, скатертью дорога! – прокричала ей вслед Зинаида.

– Мы идём или стоять будем? Свете надо платье застирать.

Все долго и дружно застирывали Светино платье ледяной водой. Кто-то сзади гладил её по трусам и ногам, но ей это было абсолютно безразлично.

Начали появляться первые потери. За Екатериной ушла Галина. Петю и Колю тащить за собой уже никто не мог, поэтому их завели домой и передали с рук на руки «счастливым» жёнам. Куда-то незаметно исчезли Зина и Лёва. Но это уже никого не волновало.

Наконец дошли до дома Бориса. Сколько сидели там, что пили и что делали, никто сказать ничего не может. Но сидели долго. Небо на востоке начало сереть. О том, что хотели идти на Шихан, встречать рассвет на Хопре, все давно забыли.

Пошатываясь, поднялась Маша Чернова.

– Ребята, – сказала она голосом, не требующим никаких возражений, – ночь скоро заканчивается. Надо бы поспать немного. Пошли все ко мне. Родительский дом пустой. Правда, в девять должен брат с семьёй приехать в отпуск, но к этому времени мы встанем и разойдёмся.

Все тупо встали и пошли за Черновой. Уже к этому времени сознание каждого было выключено и всё происходило на уровне безусловных рефлексов.

В начале десятого Серёжа, брат Черновой Маши, подошёл к родному дому. За ним шли жена и дочка. Выглядело всё очень странно. Первое, что бросилось в глаза, – вырванная «с мясом» калитка. У завалинки спал скрючившись мужчина с татуировкой на левой кисти «Лёня», на пальцах были выколоты перстни.

Сергей, остановив жестом жену и дочь, крадучись двинулся к дому. Двери в дом были распахнуты настежь. На крыльце сидела незнакомая рыжая собака, возле которой лежала обглоданная палка сырокопчёной колбасы. В косяке двери торчал топор. На появление Сергея собака никак не среагировала. Холодок пробежал по его спине, а лоб предательски покрыла испарина. Выдернув топор, он тихо, на цыпочках вошёл в дом. Картина, представшая перед его глазами, напоминала поле брани после сражения. С леденящим душу храпом повсюду валялись тела. В комнатах резко пахло перегаром и желудочным содержимым. Переступая через спящих, он прошёл на кухню. Под обеденным столом лежала сестра, голова которой покоилась на грязном половике. Попытка разбудить не увенчалась успехом. Тогда он взял ведро воды и со всего маху вылил на неё. Мария подскочила как ошпаренная, сильно ударившись головой о крышку стола.

– Маша, что здесь происходит? – поинтересовался Сергей.

– Ты уже приехал? А который час? У нас вчера была встреча выпускников, тридцать лет окончания школы отмечали. Всё прошло тихо и очень здорово.

– То, что тихо и здорово, я вижу. Вставай, буди своих друзей, и надо делать уборку в доме. Я не собираюсь целый день торчать из-за них на пороге. Предлагаю в том же духе отметить следующую годовщину окончания школы – тоже тихо и очень здорово...

– Рот закрой и не изображай из себя святого. Надо будет – себе рёмся.

Но, как оказалось, следующего юбилея так больше и не было. Что-то всем постоянно мешало. Одним – расстояния, другим – семейные дела, а третьим... Третьим было лень куда-то ехать. И ещё многих после прошлой встречи точила необузданная человеческая зависть к успехам других. Да и здоровье у отдельных стало пошаливать. Уж лучше дома полежать на диване, чем ехать непонятно куда и зачем. Увиделись один раз – и достаточно.

В начале семидесятых в Николаеве произошло грандиозное событие: чехи для корабелов построили пивной завод. Вода уж им очень для этой цели понравилась, и наладили производство великолепного пива, назвав и завод, и пиво романтическим именем «Янтарь». И потекло пиво буквально рекой. По городу как грибы после дождя стали вырастать пивные ларьки и резко увеличилось количество пивных баров, у которых роились счастливые николаевцы.

А пиво, надо сказать, получилось поистине вкусное. Пьёшь и пить хочется. И цвет его действительно был янтарный, видно, от этого и назвали его «Янтарь», пена же так тяжела, что на ней свободно лежали пять копеек и не тонули.

Стас Русланов этот напиток очень любил. Каждые субботу и воскресенье, если не был на вахте, ранним утречком, с неизменной папиросой «Беломорканал» в зубах, с чувством собственного совершенства, он с двумя трёхлитровыми банками в сумке шёл к пивному ларьку. Выстояв очередь, брал две кружки, отдавал продавщице банки и, рассчитавшись, шёл к столику, с достоинством наслаждаясь божественным напитком с вяленой рыбой. И душа радовалась, и мир делался добрее.

Этой традиции он никогда не изменял.

Однажды летом Русланов шёл в штаб с Черноморского завода, где проверял подчинённую ему боевую часть на крейсере. Погода стояла отличная, и ехать в общественном транспорте не хотелось. До штаба идти – не больше сорока минут, и воздухом надышишься, и на людей насмотришься, да и в центральный продовольственный магазин, что на проспекте, надо зайти, папирос купить.

У винно-водочного отдела толпились мужики. Станислав через головы взглянул на прилавок. Продавали бутылочное пиво! А это в то время было большим дефицитом, как туалетная бумага и мандарины с бананами.

Уплатив в кассе за пять бутылок, Стас аккуратно и с любовью положил их в «дипломат», больше тот не вмещал, и запер его, от греха подальше, на ключ, чтобы не раскрылся.

Ощущая приятную тяжесть в руке, Русланов не торопясь шёл в штаб бригады. От нахлынувшего счастья ладони сделались влажными, а из-под фуражки вытекали струйки пота.

В кабинете он решил ещё раз посмотреть на своё «янтарное» счастье. Он доставал каждую бутылочку, нежно гладил её и клал на место. И вдруг... Его аж передёрнуло. В очередной бутылке он увидел мышь. Стас потряс её, полагая, что это тень от чего-то, но... мышь не исчезала.

Таких игр судьбы с ним Стас не допускал. Он ковал своё счастье сам, а не ждал благоволения с небес.

Выяснить телефон завода «Янтарь» не представляло большого труда.

– Здравствуйте, – пробасил он в трубку представившись, – я сегодня на проспекте в центральном магазине купил бутылочное пиво. В одной из бутылок плавает дохлая мышь. К кому я могу обратиться по данному вопросу?

– Молодой человек, – ответила трубка строго, – такого у нас быть не может!

– Не может, так не может, – спокойно ответил Русланов. – В таком случае я сейчас с этой бутылкой иду в горком, пусть вам там подтвердят, что это так. А уж тогда вас будут гладить совсем в другом направлении. До свидания, всего хорошего.

– Подождите! Не надо куда ходить! Я сейчас вам дам телефон главного технолога завода, позвоните ей. Она у нас отвечает за качество продукции.

Стас снова закрутил диск на телефоне. Было занято.

– Алло, – вскоре произнёс на том конце приятный женский голос.

– Вас беспокоит Русланов Станислав Васильевич.

– Это вы нам звонили по поводу мыши?

– Так точно, – отрапортовал Стас.

– Ничего не предпринимайте, я сейчас к вам подъеду, только скажите, по какому адресу вы находитесь.

Станислав продиктовал координаты части.

Через сорок минут к воротам штаба подъехал микроавтобус, из которого вышла миловидная, слегка полноватая женщина лет тридцати – тридцати пяти и спросила Русланова у дежурного по КПП.

Дежуривший офицер немедленно позвонил Стасу, который вскоре вышел.

– Полянская Марина Викторовна, – представилась она, протягивая руку.

– Пойдёмте ко мне в кабинет, – пригласил её Станислав.

– Подождите. Я вам кое-что привезла. И куда всё это отнести?

Шофёр распахнул боковую дверь. В салоне стояли пять ящиков пива и два бочонка литра по два.

– Что это? – спросил Стас, показывая на бочонки.

– Нефильтрованное пиво. Такого вы ещё не пробовали. Мы его на экспорт делаем.

Моряки всё быстро отнесли в учебный кабинет.

– Марина Викторовна...

– Станислав Васильевич, я надеюсь, что сегодняшний инцидент между нами исчерпан?

– Больше чем. А что теперь делать с этой злосчастной бутылкой? Вы её заберёте?

– В обязательном порядке. Виноватые в любом случае будут наказаны.

– Марина Викторовна, предлагаю продолжить нашу беседу в другом месте. Разрешите мне сейчас пригласить вас в кафе и распить мировую бутылку шампанского.

Русланов в данное время был абсолютно свободен. Его жена пошла в отпуск и с детьми уехала к родителям, поэтому он мог позволить себе многое.

– И ещё, чтобы упростить между нами отношения, предлагаю прямо сейчас отбросить отчества и сразу же перейти на «ты». Как вы на это смотрите?

– Положительно. У меня же совершенно другое предложение. Если ты располагаешь временем, то поехали ко мне в гости.

– Сегодня полностью в твоей власти, – радостно заулыбался Станислав. – Подожди меня минут двадцать. Я быстро сбегаю в штаб и назад. Хорошо?

– Только сегодня? – хитро улыбнулась она. – Иди, решай свои вопросы, я посижу в машине.

Сославшись на неотложные дела, Стас отпросился у начальников, и они с Мариной поехали к ней домой.

Так между ними возникла «мышинная» любовь, которая длилась несколько дней.

Через неделю новостроящийся корабль вышел на ходовые испытания, которые продолжались почти месяц, и на нём в море ушёл Русланов. Потом из отпуска вернулась жена, а Марина не ходила на жён декабристов и долго ждать не могла. Она быстро нашла себе новую замену и напроочь забыла эту мышиную возню.

Пятиминутка в областной больнице началась с большим опозданием. Проводил её начмед, который сразу предупредил, что главного врача срочно вызвали в управление и он будет минут через тридцать. До его возвращения никому не расходиться.

– А больные? – спросил дерматолог.

– Кому-кому, а вам, Николай Матвеевич, переживать не надо. Ваши больные не умирают. Ничего страшного, если почешутся лишние пять минут.

Ропот и возмущение ни к чему не привели.

Заслушав доклады дежурных, начмед принялся монотонно читать приказы и наставления, пришедшие в больницу за истекший месяц.

– Владимир Сергеевич, – прервал начмеда педиатр, – разрешите выйти.

– Неужели и в вас проснулось милосердие? Не верю.

– Мне надо справить нужду.

Все засмеялись.

– Разрешаю это сделать прямо здесь. Под себя.

– Я не шучу.

– Я тем более.

Педиатр закинул ногу на ногу, изображая на лице неподдельные человеческие страдания.

– Жаль, Дмитрий Иванович, что я не Станиславский. Он бы точно поверил в искренность вашего желания покурить. Но... Придётся потерпеть.

По залу прокатился смех. Педиатр на реплику никак не отреагировал.

Начмед снова принялся читать документы. Ветераны и местные светила, откинувшись на стульях, стали дремать, показывая, таким образом, абсолютное безразличие ко всему происходящему. Молодые врачи сделали бы то же самое, но стаж работы им подобное не позволял.

Вдруг резко распахнулась дверь и в конференц-зал, где господствовала дрема, влетел потный, красный и взъерошенный главный врач. Бросив папку на стол, он плюхнулся в кресло, налил в стакан воды и с жадностью её выпил. Марево безразличия мгновенно растворилось.

– Средний медперсонал может быть свободен! – прохрипел он. – Чья была больная Анисимова? – без предварительного объяснения спросил он.

– Моя, – произнёс ординатор хирургического отделения Тимофеев, – она на моём дежурстве позавчера умерла.

– Встаньте, Владимир Петрович, когда я вас спрашиваю! – хлопнул главный врач изо всей силы ладонью по столу, и его лицо налилось цветом переспелой вишни.

– А что, собственно говоря, случилось, почему вы на меня кричите?

– Я кричу? Вы бы послушали, как на меня начальник управления орал и слюной брызгал! А теперь расскажите мне и коллегам о вашей больной и неуместной шутке.

Тимофеев недоумённо пожал плечами:

– Больная Анисимова, пятидесяти двух лет, поступила в хирургическое отделение с диагнозом «рак прямой кишки III степени с метастазами в печень и органы малого таза». Прооперирована. Произведена резекция прямой и сигмовидной кишок. Толстая

кишка выведена через брюшную стенку наружу. Помимо всего прочего, она страдала пороком митрального клапана сердца. Около шести часов утра, во время моего дежурства, на второй день после операции, она скончалась в реанимации. Документы оформил, в полицию сообщил. Полицейские приехать сразу не смогли, были на выезде. Мы переправили её в морг.

– Кто перевозил тело?

– Студенты-практиканты, что со мной дежурили.

– Они здесь или с утра разминаются пивом?

С заднего ряда поднялись два рослых молодых человека.

– Фамилии ваши?

– Мирошник и Лопатин.

– Расскажите теперь вы нам, Мирошник и Лопатин, что было дальше. Уж очень хочется послушать про ваши изощрения, из-за которых и разгорелся весь этот сыр-бор.

– Погрузили труп на каталку и отвезли в морг.

– И всё?

– Всё.

– А вот и не всё! – опять заорал главный врач. – Докладывайте свои действия по порядку, поминутно! Как везли, куда везли, зачем везли и что делали дальше!..

– Привезли в морг. Двери оказались открытыми. Сторож и санитар были пьяны и спали. Санитар на кушетке, а сторож – положив голову на стол, заваленный окурками, пустыми бутылками и кусками чёрствого хлеба. Разбудить их никак не удалось.

– Что вы сделали дальше?

– Учитывая, что все столы были заняты, мы привязали женщину к стулу рядом со сторожем, а в руки ей сунули документы и ушли. Не бросать же её на пол.

В зале засмеялись.

– Тише, товарищи! Опасно шутите, молодые люди. А который был час, случайно не припомните?

– Около семи утра.

– А теперь я расскажу продолжение, которое в конвульсиях поведало мне областное начальство. Поскольку уборщица морга заболела и лежит у нас в терапии с гипертоническим кризом, её

подменяла наша санитарочка, Клавдия Васильевна, из неврологического отделения. Семья большая, денежки нужны, каждая копейка на счету... Женщина она в возрасте, всё в этой жизни видела-перевидела, поэтому и согласилась. Чтоб пораньше прибраться и пойти на основную работу, она подошла туда минут через пятьдесят после ухода наших пособников смерти. А кто где спит и кто с кем сидит, ей было глубоко до одного места. Подобное у них она видела чуть ли каждый день. Смахнув грязь со стола, Клавдия Васильевна принялась мыть пол. Под столом мешали ноги. Она толкнула внизу шваброй сторожа, тот замычал, но ноги поднял, то же самое повторила и с женщиной. Та никак не прореагировала. Тогда Клавдия Васильевна толкнула её изо всей силы, думая, что та напилась и ни на что не реагирует, как вдруг женщина начала падать вместе со стулом. В глазах Клавдии Васильевны всё померкло. Она в испуге отшатнулась назад и, споткнувшись о ведро, упала со всего маху на кафельный пол, разбив себе затылок и потеряв сознание. А женщина она, сами знаете, огромных размеров. По полу растеклась кровь. Мало того, документы из рук трупа вывалились и упали на живот нашей санитарки.

В зале снова засмеялись.

– Это далеко не смешно. Дальше – больше. Эта, на первый взгляд обыденная, история приобретает вполне детективный характер. В это время приехал следователь, старший лейтенант, с судмедэкспертом и стали подходить студенты, которые пришли на занятие по судебной медицине на вскрытие трупа. Врач пошёл переодеваться, а блюститель порядка, увидев лежащую в луже крови Клавдию Васильевну, сразу же нагнулся над ней, полагая, что здесь пахнет криминалом. Все остальные – лежащие, сидящие и студенты, стоящие с выпученными глазами, – его перестали интересовать. Осмотрев место происшествия, полицейский несколько раз сфотографировал лежащее тело и пошёл в кабинет врача позвонить о случившемся в свой отдел. В это время от шума проснулся отёкший санитар. Он слегка покачивался и отравлял атмосферу жутким перегаром.

– А чего здесь трупы валяются? – сам себя спросил он.

Встав на колени и подсунув под женщину руки, он резко выдохнул и рывком поднял её.

И тут Клавдия Васильевна открыла глаза.

– Куда ты собрался меня нести, идиот? – спросила она, обхватив для надёжности его за шею. – Что ты собираешься со мной делать, паразит?

– Молчи. Здесь я решаю, кого и куда нести, – равнодушно ответил санитар.

Сзади послышался грохот падающих тел. Это следователь, вышедший из кабинета, и пять студентов рухнули как подкошенные, упав в обморок.

Теперь конференц-зал дрожал от невероятного хохота.

– Итог! – главный врач тоже смеялся. – Клавдия Васильевна со швами на голове и с сотрясением головного мозга лежит у себя в родной неврологии, два студента – в травматологии. Один с переломом лучевой кости и гематомой в области глаза, другая – с вывихом плеча. Следователь отошёл быстро. Для смягчения взрывоопасной обстановки санитар, судмедэксперт выпили с полицейским по стакану спирта. Клавдию Васильевну отвезли в больницу. Труп женщины, доставленный из хирургии, вскрыли. Ваш диагноз, Владимир Петрович, подтвердился.

Доктора уже смеялись до колик в животе.

– Если бы в управлении меня наказали, виновные сразу бы начали завидовать мёртвым... Для восстановления моего пошатнувшегося психоэмоционального равновесия Тимофеев и эти два оболтуса сегодня вечером ведут меня в ресторан. Пятиминутка закончилась! Всем разойтись по местам. А вас, Мирошник и Лопатин, строго предупреждаю: не портите себе карьеру в таком возрасте. Тем более такими неуместными шуточками. Головой иногда надо думать, а не только курить.

Если даже на Солнце есть чёрные пятна, то и в каждом нашем деле обязательно присутствуют шероховатости. Рано или поздно они обязательно проявятся. Одни серьёзно начинают мешать делу, другие так и остаются потенциально опасными.

Даже в благом деле без этого никогда не обходится.

Сотрудники Николаевского военно-морского госпиталя решили съездить в Очаков на море, покупаться, позагорать, воздухом морским подышать и, наконец, просто развееься. На природе и пьётся сладко, и с аппетитом естся... А если погода испортится, то есть куда пойти. Место ведь историческое.

Короче, всегда найдётся чем заняться.

И вот автобус, наполненный врачами, медицинскими сёстрами и обслуживающим персоналом, исключая дежурную службу, медленно припарковался к стоянке. Все шумно, с сумками и непослушными детьми, вышли на улицу. На безоблачном небе светило яркое солнышко.

Спустившись к морю и найдя свободное место, все живо поставили вещи и стали проворно раздеваться, чтобы быстрее окунуться в так манящую морскую пучину.

Володя Замуйко, начальник медицинского склада, приехал с женой Надеждой и двумя детьми, семилетним Олегом и пятилетней Валентиной. Пока он раздевал детей, пока раздевался сам, все уже стояли в купальниках и плавках, готовые нырнуть в набегающие волны. Его глаза остановились на медицинской сестре терапевтического отделения, Вере Соловейко, и от увиденного он застыл на месте. Точнее, окаменел.

Ей было лет за тридцать, но замужем она никогда не была. Именно это Владимира как-то нисколько и не волновало.

На её далеко не дурном лице, на верхней губе, подчёркивая переизбыток мужского полового гормона, признак страсти и темперамента, красовались маленькие тёмные усики. Но эту картину Вова видел каждый день, привык и не обращал на подобное никакого внимания. Но когда он увидел её ноги, густо покрытые тёмными волосами от бёдер до стоп, стрелы Амура пронзили его сердце в нескольких местах, в глазах потемнело, а вся кровь мощным потоком хлынула в малый таз, сосредотачиваясь в пещеристых телах. О купании в таком состоянии можно было сразу забыть, и он как подкошенный стыдливо рухнул на песок. А чтобы было удобно, комфортно и ничего не раздражало, он выкопал в оном месте глубокую ямку и лёг.

Владимир пытался себя чем-то развлечь, думал о высоком, но... Верины ноги постоянно стояли перед его глазами. А мужское начало вело себя просто вызывающе. И он лежал, проклиная всё и вся.

– Вова, ты чего не купаешься? – спросила подбежавшая супруга, брызгая на него водой. – Вода – просто парное молоко!

– Надя, я полежу, погрею поясницу. Неудачно спрыгнул из автобуса – и сильно стрельнуло в спине, – проклиная себя и Веру, страдальчески ответил Владимир.

– Вот беда! Может, доехать до аптеки и взять обезболивающее? Всё хорошо было – и на тебе, – сокрушённо сказала Надежда.

– Не надо, пройдёт. Ты отдыхай. Вон наши в волейбол начинают играть. Пойди, присоединись к ним.

– Надя, что Володя не купается? Заболел? – подошла всё та же Вера.

– Спину прострелило. Спрыгнул с подножки неудачно.

Владимир застонал сквозь сжатые зубы, увидев рядом с собой Соловейко.

– Надя, у меня анальгин в сумочке есть. Я сейчас принесу, – и она убежала.

– Надюша, ты брала что-нибудь крепенькое? – спросил Владимир. – Налей мне с полстакана, попустит.

– Не много? Опьянеешь быстро без закуски.

– А ты что-нибудь и закусить принеси.

– Не торопись. Сейчас все соберёмся, а то так неудобно будет.

Жена пошла к своей сумке и прокричала:

– Ребята, идите все сюда! Вова спину сорвал, подойти не может, давайте отметим наше сюда прибытие.

В это время к Владимиру подошла Вера, присела на корточки и протянула таблетку и стакан воды.

– Выпей, Вова, должно помочь.

Замуйко с трепетом коснулся её ладони. И снова ток прошёл сквозь его тело, глаза закрыла пелена, а кровь опять сконцентрировалась в определённом месте. Он сейчас всецело находился во власти этой женщины.

– Давай я помассирую тебе спину. Поможет, правда, – и она принялась гладить его по пояснице.

От таких её действий тело Владимира сжалось в комок и стало дрожать.

– Чего ты дрожишь?

– У тебя руки холодные. Давай не будем пока это делать. Вон и наши сюда идут. Сейчас выпьем, всё расслабитя и встанет на место.

Что-что, а наш народ умеет организовываться. В мгновение ока вокруг Замуйко образовался круг, стелили полотенца, выкладывая на них водку и съестные запасы. Все дружелюбно и с сожалением похлопывали Владимира по спине, желая ему скорейшего выздоровления, а он грустно улыбался и тоже себе этого желал. Вова опять невольно посмотрел на Веру – и сильная боль пронзила его в районе паха. Непроизвольно снова вырвался стон.

– Бедняжка, – сказал невропатолог, – в понедельник ко мне, буду лечить. Разве можно в таком возрасте так мучиться? На вот, выпей сразу целый стакан. Гарантирую, что отпустит.

Владимир залпом выпил вонючую жидкость, закусывая её сочным помидором, который размазался по всему лицу.

– Вова, может, тебе помочь сесть? – порекомендовал рыжий анестезиолог.

– Не надо! – почти прокричал «больной». – Мне становится лучше.

– Как хочешь. Держи тогда хлеб и курочку. И закусывай хорошо. Не дай Бог опьянеешь.

– Давайте выпьем за наш организованный отдых, – поднял рюмку начмед, назначенный старшим этого мероприятия. – И пусть у нас есть в нём некоторые нюансы, – он посмотрел на Замуйко, – это не должно омрачать нашего веселья. Тёплого нам моря и ласкового солнышка!

Все дружно выпили сначала по одной, следом по другой, а потом и по третьей.

– Василий Васильевич, лето на исходе, а мы второй раз на море выезжаем. Несправедливо, – произнёс дерматолог.

– Съездим ещё, обещаю. Я, как вернёмся, этот вопрос адресую начальнику госпиталя. Он принимает решение. Но думаю, против не будет. Я же тоже, как и вы, исполнитель. Голова у нас одна. Она и превращает мысли в реальность. Только Замуйко с собой брать не будем, – засмеялся он. – А теперь купаться! Родители не забывают, что у них дети, а за ними надо следить! Потом постукаем в мячик. У нас всё должно быть в меру и силы остаться до вечера. А ты лежи, – погрозил он пальцем Владимиру. – Если помрёшь, тут и прикопаем, – захохотал он опять над собственной шуткой.

– Василий Васильевич, грешно смеяться над больными людьми, – строго проговорила Надежда.

– Надя, прости. Это я так шучу. Не обращай на меня внимания.

– Ты как, Вова? – нагнулась супруга.

– Знаешь, и правда, немного попустило.

– Хорошо. Но ты только лежи, не вставай, а мы пойдём искупаемся. Не скучай! – и она, взяв за руки детей, весело побежала к морю.

Владимир чувствовал, что с каждой выпитой рюмкой напряжение ослабевает и уже можно вставать. Он аккуратно рукой всё

поправил и приподнялся, стряхнув песок с плавок. Ещё немного оставалось признаков «болезни», но с этим жить было можно. Он облегчённо вздохнул и пошёл купаться. Жизнь возвращалась в прежнее русло. Но чтобы подобное не повторилось, он смотрел куда угодно, только не в сторону Веры.

– Володя, как спина? – перекиривая купающихся, спросила жена.

– Лучше, отпустило уже. Только далёкая боль осталась. А где Валя с Олегом?

– А вон на бережку в песочке играют.

Ближе к вечеру уставшие, но счастливые медицинские работники ехали домой. Говорить не хотелось, многие даже дремали.

И только Владимира преследовала одна лишь доминанта – скорее приехать домой, уложить детей спать, а с женой заняться супружескими обязанностями. Длительно находясь в таком жутком перенапряжении, тупая, ноющая боль внизу живота давала о себе знать.

Вскоре наступила ночь и всё то, что происходит между мужчиной и женщиной.

– Ты сегодня как необъезженный жеребец. Спина как будто и не болела, – прошептала жена, целуя его, откинувшись на кровати.

Владимир довольно улыбнулся, повернулся на бок и мгновенно уснул.

Жить без потрясений скучна и даже однообразна. Без них мир блекнет.

...И СНОВА ПРО ДЕВОЧКУ ОЛЮ

Достаточно давно два великих писателя, Илья Арнольдович Ильф и Евгений Петрович Петров, написали свой знаменитый роман «Двенадцать стульев», в конце своего повествования убрав навсегда со сцены главного героя романа, Остапа Бендера. Но возмущённые читатели засыпали писателей письмами с просьбой вернуть своего любимившегося героя на страницы новой книги. И новый роман под названием «Золотой телёнок» был написан!

Не знаю, насколько полюбился мой рассказ «Про девочку Олю» из книги «Миражи тумана», с которой я как бы тоже расстался на страницах книги, но меня спрашивали и даже звонили, задавая вопрос: «Будет ли в новой книге продолжение про Олю?»

Оля оказалась настолько колоритной, уникальной и необыкновенной девочкой, что читателям, особенно юным, захотелось узнать о ней ещё больше, особенно моему внуку Захару.

С превеликим удовольствием исполняю вашу просьбу. Надеюсь, что и эти небольшие зарисовки вам тоже понравятся.

ПЕРВОЕ СЕНТЯБРЯ

Наступило первое сентября. Олю, одетую в новую форму, белый передник, коричневые сандалики, с огромным, на всю голову бантом, чтобы скрыть ещё не отросшие волосы её самостоятельной подстрижки перед выпуском из детского садика, с вялым букетом каких-то непонятных цветов и апельсиновым ранцем, мама за руку вела в школу. Девочка сильно волновалась. Ведь наступал новый, неизвестный этап в её жизни, отчего верхняя губа непроизвольно полностью погрузилась в рот и там нежно щекотала миндалины. В ранец она положила всё: учебники, тетради, письменные принадлежности, карандаши, пластилин и много чего ещё, что купили ей к школе. Оле было так тяжело, что её буквально клонило к земле, но она принципиально несла этот груз и не отдавала его матери.

– Франя, – смеясь, кричали матери, тоже ведущие своих детей в храм знаний, – ты что так девчонку нагрузила, она еле ноги у тебя волочит.

– В школе угол печки развалился, вот кирпичей и положила. Не нести же их в руках, – тоже смеялась мать. – И в кого ты такая настырная уродилась? Как со Славиком мне было легко, – нравоучительно шептала мать, но Оля её не слушала.

Вот, наконец, и школа.

Детям разрешили сложить у порога свои портфели, построили всех, и линейка началась с торжественной речи директора школы, которая поздравила всех с началом нового учебного года, и особенно первоклашек, пожелав хорошей и отличной учёбы и примерного поведения. Потом подняли флаг, прозвучал гимн. Но Ольге всё это было не интересно. Она ожидала чего-то нового, необычного. Но его не было. Все школьники были ей знакомы по селу. И учителя ничего необычного собой не представляли, все жили рядом. Вон у той муж тракторист, а у этой пьяница и бьёт её, а вон та разведена, и к ней мужики разные ночами заходят.

– Держи букет, – дёрнула она за рукав Васю Каниболоцкого, мальчика, с которым ходила в детский сад. – Он мне мешает жить!

– Нельзя. Сейчас цветы будем вручать учителям, – прошептал он.

– Вот и вручишь! А я не вижу, кому надо их вручить, достойных нет. Я тебе его вручаю.

– Спасибо. Только...

– Я всё сказала. И сядешь за парту со мной. И молоко за меня будешь пить! Понял? Иначе... – и она сильно ущипнула его за мягкое место, на котором сидят.

– Ой! – тихо простонал он и взял у Ольги букет. Теперь их было у него два. – Буду пить.

– Молодец, хороший мальчик!

– А сейчас, дети, вручите цветы своим учителям.

Над школой вспорхнули голуби и зазвучал школьный вальс. Многие родители плакали.

Все разбежались, и только Оля осталась стоять на месте.

– А у тебя нет букета? – подошла пионервожатая. – Забыла? Ничего, это бывает.

– И ничего я не забыла. Каниболоцкому отдала.

– Кто это?

– Мальчик, с которым я буду сидеть.

– Надо было вручить своему учителю или другому.

– Не хочу я им никому вручать.

– Плохо! Чья ты, девочка?

– Чемерисина.

– Трудно с тобой будет.

– Мне с вами уже трудно.

– А где твои родители?

– Тут, – Оля злобно зыркнула на вожатую. – Но маму не трогать, иначе я в эту проклятую школу вообще не пойду! И могу прямо сейчас уйти отсюда, – и её губа непроизвольно поползла в рот.

– Ладно, девочка, стой, не будем спорить. Сейчас уже пойдёте в класс. Может, там у тебя всё наладится. Знаешь, кто твоя учительница?

– А чё не знать, если она живёт во втором доме от меня.

– Ну, хорошо, хорошо... – и пионервожатая отошла.

– Внимание! – послышался голос завуча. – Учителя забирают своих учеников и идут по классам. Первыми заходят первоклассники. А за ними второй, третий и так далее. Командуйте! – обратилась она к учителю физкультуры.

– Школа, равняйся! Смирно! – заорал он. – Нале-во! Шагом марш! Разбираем портфели, берём друг друга за ручки и заходим в школу!

Ученики недружно повернулись и, шаркая ногами, двинулись в здание школы.

– Каниболоцкий, а чего у тебя мой букет в руке? – спросила Ольга, беря его за мокрую ладошку. – И руку вытри, держать противно.

– Ты же мне его подарила.

– Я и забыла. Куда ты рванул? Почему мой ранец не взял? Вон он, оранжевый, один лежит. И домой мне его из школы понесёшь.

– Дети, – сказала учительница, – заходим в класс и расслаживаемся, кто, где и с кем хочет.

Ольга, оттолкнув желающих сесть на первую парту в среднем ряду, посадила вначале Васю, а потом села сама.

– А мама сказала сесть в середине класса, – прогнусавил Каниболоцкий.

– Меня не интересует, что сказала тебе твоя мама. Теперь здесь командую я. Ясно?

– Ясно, – обречённо произнёс мальчик.

Наконец все расселись.

– Здравствуйте, дети. Я ваша учительница. Все знают, как меня зовут?

– Екатерина Матвеевна, – произнесла Ольга, и её щёки от гордости порозовели.

– Правильно, Оля, Екатерина Матвеевна. А сейчас я буду с вами знакомиться.

Она, открыв классный журнал, стала называть фамилию и имя ученика, а тот поднимался и крутил головой во все стороны, как китайский болванчик, что стоял у бабушки на комод.

Ольге казалось, что перекличка длится вечно и что её в этом списке нет, что позабыли вписать и назовут всех, кроме неё. От этого ей сделалось обидно за себя, и она уже собиралась встать и уйти, как прозвучала её фамилия. От неожиданности она быстро встала и тоже завертела головой, как и все остальные. Только сейчас она поняла, что в списке стоит последней, и как ей потом объяснили, список составлен строго по алфавиту. Но этого слова она ещё не знала.

ВСЁ ВЫШЕ...

Надо сказать, что Оля, при всей её своенравности, была девочкой умной и развитой, быстро схватывая всё новое, в отличие от других детей. Их тупость её выводила из себя, за это многим доставалось от неё на перемене. Она быстро читала, грамотно писала и правильно решала. Но вот поведение... Поведение явно мешало ей жить.

Через пару недель учиться в первом классе Ольге сильно надоело. Она поняла, что здесь уже всё знает и делать тут нечего, а тупые ответы её товарищей только нервировали. Стало не интересно. И на другой день она пошла в соседний класс, который оказался пятым.

Утром она молча вошла в этот класс и села на заднюю парту. Дети с интересом смотрели на это чудо и ждали учителя. Наконец прозвенел звонок и в класс вошла Вера Фёдоровна, учительница истории, жена директора школы. Дети встали.

– Здравствуйте. Садитесь. Кто мне скажет, какое задание я вам задавала?

В классе раздался смешок. Она оглядела учеников, но ничего подозрительного для себя не заметила.

Смех раздался с новой силой. И только тогда она увидела на последней парте серьёзную маленькую девочку с закушенной верхней губой, прижавшуюся к парте.

– Ты как сюда попала, девочка? Кто ты? Заблудилась? Ребята, помогите ей найти свой класс.

– Это Чемерисина Ольга, из первого класса.

– Вот и хорошо, что разобрались. Пойдём, я сама тебя отведу.

– Я буду учиться здесь! – твёрдо заявила малышка. – Там я всё знаю.

– Как здесь? Как знаешь? – растерялась Вера Фёдоровна. – Так не бывает. Дети тебе правду скажут. Вначале надо закончить первый класс, потом второй, третий, четвёртый, а уж потом учиться в пятом.

Она попыталась взять Ольгу за руку, но та мёртвой хваткой вцепилась в парту так, что оторвать её было просто невозможно.

– Мальчики, помогите мне, – попросила растерянная учительница.

Ребята схватили Олю и стали вместе с партой тащить к выходу. И только у двери её руки не выдержали и разжались.

Злобно пнув ногой двух пятиклассников, она с силой захлопнула дверь и, вся раскрасневшаяся и возбуждённая, пошла в свой класс. Садясь на своё место, она с такой силой толкнула Каниболоцкого, что тот свалился на пол.

Так она просидела все уроки, тяжело и обиженно дыша, не выходя из класса на переменах и ни с кем не разговаривая.

САРИ

1

Первый класс был просто огромный. В нём училось тридцать семь детей, все родители которых трудились в совхозе. И чтобы дети не болтались по селу без дела, их кормили, а потом они автоматически переходили в группу продлённого дня, где делали уроки, читали или занимались чем-то полезным.

Принципу, который Ольга усвоила с пелёнок: «Делу чуть-чуть, а потехе намного больше», – она была верна всю жизнь. А раз занималась она хорошо, её назначили шефствовать над отстающими учениками. Это было не из весёлых занятий. Уж здесь она не церемонилась. Особо «одарённым» знания приходилось втолковывать кулаком.

Быстро сделав уроки, она брала в библиотеке книги и читала, порой строго поглядывая на расшумевшихся.

Её боялись и слушались.

В среду и в выходные дни отец Ольги в клубе крутил кино. Сеансы шли один за другим: для детей в шестнадцать часов, а в восемнадцать и двадцать – для взрослых.

Возможности посмотреть фильм бесплатно Оля никогда не упускала. Пригрозив глупым ученикам, она брала лучших подруг, и они довольные шли в клуб.

В этот раз демонстрировали индийское кино. Взяв с собой Капличную Лену, соседку, что училась во втором классе, они быстро направились в клуб, время поджимало. Фильм потряс девочек. Они

с замиранием сердца смотрели на роковую индийскую любовь, происходящую на экране. Ольга даже пару раз всплакнула от нахлынувших чувств.

После кино подружки пошли к Лене. У неё был магнитофон и записи индийских песен.

Быстро раздевшись, девочки стали весело танцевать, изображая Гиту и Зиту, вертя в разные стороны плечами и бёдрами.

– Нет, – наконец сказала разгорячённая Оля, – так дело не пойдёт. Мы совсем не похожи на Зиту и Гиту.

– Почему? – удивилась наивная Лена.

– У них между бровей были точки.

– Давай мы тоже их себе нарисуем.

Ольга старательно, с глубоко засунутой губой, нарисовала подруге синими чернилами большое пятно между глаз, себе же она это сделала красным карандашом.

И вновь счастливые девочки пустились в пляс.

Но вдруг Олю осенила новая идея.

– Лена! – резко остановилась она. – А ведь они были одеты в сари. Без них мы ни капельки не похожи на индианок.

– Можно взять мамин платки.

– Платки не пойдут. В них ходят только кулёмы и старухи.

Ольга подняла глаза, и её взор потеплел. На окне, от потолка до пола, висела розовая штора.

– Неси табуретку, – скомандовала она.

В одно мгновение она влезла на комод.

Вскоре занавеска рухнула к ногам растерянной Елены. Не успела подруга опомниться, как полотно было быстро разрезано поперёк на две ровные части.

– Ура! – взвизгнула радостно Оля. – У нас есть настоящие сари, – и набросила одну половину на Лену, а другую на себя.

Теперь всё выглядело натурально, теперь от Гиты и Зиты девочки ничем не отличались. Дом вновь наполнился жарким воздухом далёкой Индии.

И вдруг Ольга в окно увидела идущую по улице с работы маму Елены, тётю Валю, а мама у подруги была очень строгая. Трудилась она на ферме, а отец был конюхом. Он часто выпивал и тогда

был со всеми крут. Мать с дочерью в это время даже убегали из дома и ночевали у соседей.

Как только она это заметила, быстро схватила своё пальто, сунула ноги в сапоги и, не попрощавшись, пулей вылетела из дома, чуть было не сбив входящую во двор тётю Валю.

Вбежав в дом, Олька со всего маху врезалась в мать, которая не устояла и повалилась на кровать.

Надо сказать, что девчушка за свою короткую жизнь сделала столько шкоды, что мать, увидев её бегущей, не задавая лишних вопросов, сразу пустилась в погоню за ней, понимая, что дочь опять что-то натворила.

– Что ты снова сделала, бисова дытына?

Увидев, что тётя Валя с двумя половинками занавески бежит к ним, Ольга стремглав вылетела из дома и забилась в дальнем углу свинарника.

– Франя, ты посмотри, что твоя дочь наделала! – прокричала с порога Валентина и бросила ей обрезки ткани.

– Батюшки! – всплеснула руками мать Ольги. – Я её придушу!

– Твоё право. Только мне на окна нечего теперь вешать. Хорошо, если мой придёт трезвый, а не дай Бог пьяный. Тогда он и меня и вас поубивает.

– Денег, Валя, у меня нет, сама знаешь, чтоб новую тебе купить. Давай я её прострочу. Сделаю так, что и шва видно не будет.

– Она всё равно станет короче.

– Не будет. За счёт подогнутой ткани я её удлиню. Не переживай, будет как новая. Иди, Валюша, занимайся по хозяйству, я тебе её сама принесу.

– А где эта преступница?

– Как увидела, что ты идёшь, – ветром из дома сдуло. Где-то затаилась. Нет у меня времени её сейчас искать. Надо со шторой быстрее разобраться. А явится...

2

Ольга сидела в свинарнике, пока не услышала, что пришёл отец. Она вылезла оттуда, с ног до головы испачканная в грязи.

– Что ты там делала, замарашка? – засмеялся отец. – Решила провести эксперимент по превращению человека в свинью? Вижу, что тебе это удалось, – и он снова зашёлся смехом.

Девочка хотела запихать в рот губу, но та оказалась в грязи, и она принялась её сплёвывать.

– Меня мама убить собирается, – плаксиво сказала она.

– Это серьёзная угроза. За что?

– После фильма мы пошли к Лене и начали играть в индианок. А чтобы было всё натурально, я у них порезала шторы, чтобы сделать сари.

– Получилось?

– Получилось.

– Это замечательно. Вот если бы не получилось... Тогда другое дело. Пошли в дом. Или тебе со свиньями веселее?..

Мать сидела за столом и строчила на машинке.

– Явилась, чёртово отродье? Иди сюда, мерзавка! А почему она такая грязная, где опять была?

– Дочь уходит от нас, – грустно произнёс отец. – Она нашла себе новое пристанище.

– Где, если не секрет?

– У свиней. Судя по внешнему виду – это у неё получилось, она с ними уже нашла общий язык, – снова засмеялся отец.

– Туда ей и дорога. Ты знаешь, что она сегодня сделала?

– Слышал уже. По индийскому радио про это говорили, – он хохотал как умалишённый.

– Правда, что ли, говорили? – дёрнула за рукав отца Ольга.

– Не только говорили, но и приглашали с дружественным визитом. Снимай всё с себя и бросай стирать. Мать просто заскучала без работы. А сама в ванну забирайся, я сейчас туда воды тёплой принесу.

– Ваня, не пускай её больше на фильмы. Она скоро всё село разнесёт! – крикнула мать. – И не потворствуй ей! Ишь, защиту себе нашла в лице отца.

– Хорошо. На индийские больше не пойдёт, теперь только на военные, – и он снова залился долгим смехом.

ДИЗАЙНЕР

Конечно, слов «дизайнер», «менеджмент», «лизинг», «мерчендайзер», «бэкграунд» и прочую ересь в то время никто не знал и, главное, хуже от этого себя не чувствовал, а что самое парадоксальное – подобное состояние никому не мешало жить.

Перед Пасхой по всей Украине белят хаты, а многие на них ещё и цветочки дивные рисуют. И стоят те дома, сияя радостью и красотой, словно в доброй, чудесной сказке. И от этого у всех на душе становится ясно, чисто и радостно.

На краю села в небольшом домике жила бабушка Вера с внуком Димой. Родители мальчика зарабатывали деньги далеко на Севере, приезжая лишь в отпуск, чтобы забрать сына и поехать с ним к тёплому морю.

Дима был мальчик спокойный, уравновешенный и умный. Оля его никогда не обижала и даже иногда дружила с ним.

Как-то ей было скучно, и она пошла в гости к Диме, смело шагая по лужам в высоких резиновых сапогах. Прошедший дождь разогнал подруг и друзей по домам.

Оля твёрдо знала, что тот дома, сидит у окна и читает книгу.

– Выходи гулять! – помахала она ему рукой.

Минут через десять, в пальто, кепке и резиновых сапогах, Дима вышел на улицу.

– Смотри, как бабушка красиво побелила! Наш дом издали похож на снежный сугроб.

– А вон рядом листочки по бокам нарисованы.

– Ну и что?

– А давай и мы его немного разукрасим. Вот, смотри!

– Она не задумываясь схватила комок грязи и со всего маху бросила его в стену. Грязь прилипла к белоснежной стенке, образовав причудливый цветок.

Диме это тоже понравилось, и он с задором принялся швырять грязь туда же. Вскоре из белой стена превратилась во что-то непонятное, грязное и противное.

– Ну, я пошла, – сказала довольная Ольга. – Ты что читаешь?

– Про Незнайку в Солнечном городе.

– Я это уже читала. Понравилось.

И снова Оля пряталась, и снова ждала, когда придёт с работы отец...

На другой день он развёл два ведра извести, отнёс их к испачканному дому, а мать с бабушкой Верой заново белили стену. А наказанная Оля с интересом смотрела из-за угла на их работу по ликвидации их вчерашнего искусства.

ОРНИТОЛОГ

Осень выдалась тёплой и дождливой. Грибов в лесу – косой коси, не перекусишь. Оля несколько раз с мамой ходила за ними и знала, чем отличаются съедобные грибы от поганок.

В этот раз она пошла с подружками.

Быстро найдя первые три гриба, она обратила внимание на юрких ящериц. Те, быстро мотая хвостиками, носились взад и вперёд по сухой траве. И так её заинтересовали эти пресмыкающиеся, что, забыв напрочь о цели похода, Ольга решила их поймать. Но это оказалось далеко не простым делом. Несколько раз девочка ухитрялась схватить ящерицу за хвост, только тот оставался в руке, а его хозяйка куда-то быстро исчезала.

Приметив, что они прячутся в расщелинах между камнями, Оля притаилась и стала ждать, пока одна из них не вылезет наружу. И удача не заставила себя долго ждать. Первой она поймала некрасивую серую ящерицу, вслед за ней – голубую. Бросив обеих в ведро для грибов, она, размахивая им, быстро пошла домой.

– Что так быстро? Ничего не нашла? – удручённо спросила мать.

– Почему не нашла, смотри, – и она, сняв крышку, радостно перевернула ведро на дорожку в зале, из которого покатились три гриба и юркнули под шкаф две ящерицы, одна серая и некрасивая, а другая – голубая.

Мать от неожиданности даже взвизгнула.

– Что ты опять притащила в дом? Ваня! – позвала она мужа. – Иди полюбуйся, твоя дочь ящериц вместо грибов в дом принесла и

выпустила их! Отодвигайте шкафы, выносите дорожки, но чтобы в доме этой гадости не было. А я пошла картошку копать.

Мать ушла, а дочь, заглотив губу, смотрела на своего покровителя.

– Иди, дочка, гуляй, я сам всё сделаю.

Ольга счастливо улыбнулась, поцеловала отца в щёку и быстро побежала на улицу.

Шло время. Осень подходила к концу. На улице стало прохладно. Тепло одевшись, Оля вышла на улицу, но из ребятишек никого не было видно.

Слоняясь бесцельно по двору, она от нечего делать стала выдёргивать ветки из середины кучи, что лежали за сараем. Получался шалаш.

Сделав большую дырку, Ольга залезла внутрь. Внизу под корягой, свернувшись клубочком, лежал толстенный уж. Девочка встала на колени и притянула его к себе. Он даже не пошевелился. Тогда взяв его на руки, она побежала в дом и положила его у печки. Немного согревшись, тот зашевелился и поднял голову.

– Мама, смотри, он ожил!

– Кто? – спросила вошедшая на кухню мать.

– Уж!

– Какой уж?!

– Ну, вот этот, – показала она пальцем, – что лежит возле печки.

– Где нашла ты эту тварь и зачем притащила в дом? – мать тяжело села на стул, резко побледнела, и мелкая испарина покрыла её лицо.

– Под сучьями.

– Пойди и положи его на место. Зимой они впадают в спячку. Он здесь абсолютно не нужен.

Ольга взяла ужа за хвост, вышла на улицу и, раскрутив его, выкинула далеко за забор.

Наступила зима. Она была такой холодной и жгучей, что даже несколько раз отменялись уроки в школе. И даже птицы, замерзая

на лету, падали замертво на снег. А снега в этом году было так много, а наст такой твёрдый, что в отдельных местах на пешеходных дорогах прокапывались туннели.

Оля спала у окна. Проснувшись, она сразу же садилась и смотрела на улицу. Если на снегу лежали птицы, быстро одевалась, бежала в сад и собирала их, раскладывая возле печки.

И всё-таки двух ей удалось спасти – голубя и ворону.

ЛЕКАРЬ

Оля очень любила всех лечить. И это у неё получалось. Все раненые кошки и собаки в округе ходили в зелёнке и повязках. Но больше всего ей нравилось дёргать у одноклассников зубы. Заметив, что зуб у кого-то шатается, она без лишних разговоров привязывала к нему крепкую нитку и сильно за неё дёргала. Зуб со свистом падал на пол.

Однажды на речке мальчик зацепился за корягу, упал и поломал ногу. Ольга своим платьем и его майкой привязала к ноге толстые палки и на себе полтора километра волокна до амбулатории.

Услышав по телевизору, что чеснок и лук являются хорошими средствами защиты от простуды и гриппа, она составила список, посчитав, сколько кому зубчиков чеснока надо принести сегодня, а на следующий день – лука. И утром перед занятиями все поедали это. Запах в классе стоял такой жуткий, что учительнице периодически приходилось выходить в коридор, чтобы вдохнуть свежего воздуха. Но как итог – в классе никто не болел, даже учительница!

Историй про Олю так много, что их нельзя вместить в одной книге. Оставим её пока в первом классе. Пусть учится и переходит во второй класс, третий... Будут у неё новые приключения, о которых мы расскажем на страницах следующей книги.

ВОЗРАСТНЫЕ РАЗЛИЧИЯ

Егор – белокурый, шустрый, без одного зуба шестилетний мальчик. Это мой старший внук. Уже перешёл во второй класс. Говорит быстро, глотая слова, из-за чего его порой трудно понять.

Родители на лето привезли его к нам, чтобы оздоровиться деревенским степным воздухом.

Целый Божий день он ищет приключения, находя их в изобилии.

Утро.

Прятели ещё либо спят, либо сидят дома, ждут, когда солнышко поднимется повыше.

Егору скучно. Он хвостиком ходит за бабушкой.

– Бабушка Галя, а сколько Шнурку лет? (Это наш очень лохматый и довольно страшный серый кот).

– Два, – отвечает бабушка.

– А мне скоро семь. Значит, я старше его?

– Ну, конечно, старше.

Егор подходит к коту, встаёт рядом с ним и проводит ребром ладони черту возле колена, отмечая рост Шнурка.

– Действительно, я старше, – заключает он и довольный уходит в поисках неизведанного.

ЗАБОТЛИВЫЙ ВНУК

После обеда бабушка перед сном всегда читает Егору сказки. Они заходят в комнату, где работает телевизор. На экране показывают мультипликационный фильм «Ну, погоди!»

– Егор, будем читать, или ты посмотришь мультфильм? – спрашивает внука бабушка.

– Я, пожалуй, посмотрю, а ты, бабушка, пока отдохни.

О КРАСОТЕ, И НЕ ТОЛЬКО

Захар – мой второй внук. Он на два месяца младше Егора, поэтому в школу пойдёт только этой осенью.

Когда я приезжаю в гости к детям, то обязательно забираю Захара из садика, и мы с ним идём гулять.

Надо сказать, что Захар очень развитый ребёнок. Он в четыре года уже бегло читает, считает и пишет. Причём не просто читает простые слова, например, «мама», «папа», «дай», а серьёзные, какие не каждый взрослый прочтёт бегло: «электрификация», «девальвация», «интеграция», «корреспонденция», «непотопляемость»... и даже «радиопеленгатор».

Также он знает множество стихов, сказок и порой таких вещей, что просто диву даёшься, откуда такое взялось в голове этого мальчика.

Каждый вечер он пополняет эти знания. Папа обязательно перед сном читает ему книжки. Это и сказки, и приключения, и просто забавные истории.

Выйдя из садика, мы обязательно гуляем. Вначале бесцельно бродим по улице, потом заходим в магазин, где берём что-то к чаю. И, естественно, беседуем, причём всё время говорит Захар, а я лишь изредка вставляю какое-то слово. Говорит он очень громко, что привлекает прохожих, в основном женщин. Они сначала с интересом смотрят на умного мальчика, а потом переводят взгляд на

импозантного дедушку, сердцем чувствуя силу его недюжинного таланта.

И вот набродившись по улице, мы идём в магазин. Народу здесь всегда превеликое множество, но слышимость отменная.

Первым делом покупаем сладости, а потом – по необходимости.

У меня кончился шампунь, и я беру с полки бутылку зелёного моющего средства.

– Дедушка, – искренне удивляется Захар, – зачем ты взял зелёный шампунь? У тебя же волосы станут зелёные.

Магазин замолкает, слушая нас.

– А ты посмотри вокруг, у кого-нибудь здесь есть зелёные волосы?

Он оглядывает покупателей.

– Нет, дедушка, ни у кого зелёных волос нет.

– А у меня будут.

– И что тогда?

– Все увидят меня и тоже захотят иметь зелёные волосы.

Магазин утопает в хохоте.

Дедушка доволен и внук, кажется, тоже.

Время идти домой – ужинать, читать сказку и спать.

Впереди у нас с Захаром ещё множество нерешённых проблем.

РОЗЫСКИ РОДИТЕЛЯ

Дома у Егора кошка родила пятерых котят. Четверых дедушка куда-то сразу дел, и остался один, беленький, с рыжими «сапожками» и кончиком хвостика. Мурка была очень довольна своим творением. Она тихо пела ему песенку и постоянно облизывала, отчего Мушкетёр, так бабушка назвала его, был постоянно мокрый.

Егор заметил, что в последнее время к Мурке часто захаживал рыжий кот и они очень мирно сидели бок о бок.

Он поймал этого кота, приволок в дом, посадил рядом с Муркой и Мушкетёром.

– Отвечай! – грозно обратился к нему Егор. – Это твой сын?

Кошка перевернулась на спину и громко запела, а потом лизнула кота. Тот тоже принялся лизать Мурку.

– Вижу, что твой, – погладил его Егор. – Иди гуляй. А то Мурка совсем стыд потеряла, сиськи напоказ тебе выставила, бессовестная. Вопрос с отцовством был решён быстро и положительно.

ЗУБНАЯ ПРОБЛЕМА

Дедушка, когда приезжал в гости к Захару, спал с ним. Они ложились и либо читали, либо беседовали, пока не приходил папа и не прекращал эти светские разговоры. Утром всем рано вставать. Одним на работу, другим в садик, и только Маргарита с мамой могли спать, пока не проснутся.

Вдруг Захар остановил свой взгляд на прикроватной тумбочке, на которой лежали зубы.

- Дедушка, что это? – спросил он.
- Зубы. Я их каждый день снимаю.
- Я посмотрю, – и он начал подниматься в кровати.
- Чужими руками их трогать нельзя. Можешь повредить.
- Я аккуратно.
- Нет-нет.
- Хорошо, я только погляжу, а трогать не буду.
- Ну, посмотри.

Он долго стоял, поворачивая голову то на один, то на другой бок, то совсем опускал её вниз.

- Я пойду попью воды, – и он убежал на кухню.

Не было его долго.

Когда мама вошла на кухню, Захар сидел на диванчике и усердно пытался вытащить свои зубы, оттягивая их вниз изо всех сил.

- Что ты здесь делаешь? Марш спать!
- Я хочу зубы вытащить, как это делает дедушка.
- Будет тебе столько же лет, как дедушке, будешь их снимать, а пока иди, ложись спать.

Захар долго лежал молча.

- Дедушка, – наконец прошептал он, – а зубы больно снимать?
- Больно.
- А зачем же ты их тогда снимаешь?
- Когда я был таким, как твой папа, у меня начали болеть зубки. Мне бы их надо подлечить, а я боялся идти к зубному врачу, терпел.

Один за другим они стали разрушаться, и мне пришлось их выдёргивать. А если бы вовремя полечил – и проблем бы никаких не было. А сейчас приходится вынимать. Зубы надо беречь. Без них очень плохо. И зубного врача не бояться. Он вылечит, и будешь здоров. Понял?

– Понял, дедушка. Я буду следить за зубами. Думаю, что на следующей неделе надо сходить к зубному врачу.

– Правильное решение. Ну, спи. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, дедушка.

Уже засыпая, он спросил:

– А ты дашь мне их хоть один раз поносить?

– Когда будешь большой, непременно дам.

– Хорошо. Я скоро вырасту, – услышалось его ровное, спокойное дыхание.

АСТРОЛЯБИЯ

Пожинав, шестилетний Захар ходил по квартире и что-то искал. Он был сосредоточен и слегка взволнован.

В прихожей он наткнулся на сидевшую на горшке сестру Маргариту.

– Маргоша, скажи мне честно, ты у меня в игрушках не брала бумажку? На ней разные буквы были написаны. Ну что ты сидишь и хлопаешь своими карими глазами! Брала или нет? Скажешь, не виновата? Мы с папой вчера читали книжку про древних мореплавателей, так там было написано про прибор «астролябия», который определяет широту на земном шаре, в том числе и на море. Папа написал мне на бумажке, кто изобрёл этот прибор, и сказал, что сегодня вечером меня спросит. Я положил бумагу в коробку, поверх игрушек. Кроме тебя, её никто не мог взять. Говори, ты брала? Теперь меня из-за тебя ругать будут, а тебе всё равно.

Маргарита что-то своё мычала, разобрать которое было невозможно.

– Какая же ты всё-таки непорядочная, Рита. Ты только и делаешь, что жизнь мне калечишь! Ой! – вдруг вскрикнул он. – Мой дедушка Саша с бородой, моряк, он должен знать. Пойду попрошу тихонько маму, чтоб она ему позвонила. – И мальчик направился в большую комнату. – Мама, набери мне дедушку с бородой.

– Зачем? Он чем-то занимается, а ты его своей пустой болтовнёй будешь отвлекать.

– Мама, я только спрошу и всё.

– Хорошо. Только говорить будешь одну минуту.

– Даже меньше. Можешь засечь время.

Он взял телефон и убежал с ним в другую комнату.

– Дедушка, – зашептал он, – ты моряком был?

– Был. Что ты хотел спросить?

– Скажи мне быстро: кто придумал астрорябию?

– Что придумал? – рассмеялся дед.

– Астрорябию. Папа перед сном спросит, а Рита куда-то задела бумажку.

– Я попробую тебя спасти. Сейчас включу компьютер, а ты приготовь листочек и ручку, чтобы записать.

– Хорошо, дедушка, спасибо.

– Захар, ты слушаешь меня? Это прибор для измерения широты.

– Я знаю.

– А придумала его женщина, философ, астроном и математик, пиши, я по слогам тебе буду говорить: Ги-па-ти-я А-лек-сан-дрий-ска-я. Записал? – дедушка ещё раз продиктовал внуку имя и фамилию. – А изобрела она его в 370 году нашей эры. Запомнил?

– Спасибо, дедушка, – в телефоне зазвучали короткие гудки.

Еле дождавшись вечера, дед позвонил детям.

Поинтересовавшись их делами, он попросил пригласить к телефону Захара.

– Захарище, как твои дела?

– Нормально, дедушка.

– Скажи мне, зачем тебе нужна в таком возрасте астрорябия?

– Мы с папой читали книжку про морские путешествия, а там про этот прибор немного написано. Папа написал на листочке, кто его изобрёл, а Рита куда-то его дела, вот я тебе и позвонил. Спасибо, ты меня выручил. Но когда я папе сказал год его изобретения, он не поверил и тоже полез в компьютер, а потом спросил, откуда я знаю. Я честно сознался, что это ты мне сказал. Папа нас с тобой похвалил.

- Это правильно! Мы же с тобой молодцы, как ты считаешь?
- Считаю, что молодцы. До свидания, бабушка, я тебя люблю.
- До свидания, мой хороший. И я тебя люблю.

СРАВНЕНИЕ

Чтобы оздоровиться, папа и Захар поехали на пару недель отдохнуть на море. Мама от этой затеи отказалась, сославшись на то, что беременным трястись в транспорте противопоказано.

Был уже вечер, когда они поселились в номере. Купаться было поздно, поэтому, немного погуляв, пошли перед сном попить чаю с булочками, которые испекла бабушка.

Вскипятив воду, папа пакетиком заварил в чашках чай, то погружая его, то вынимая.

Утром всем не терпелось искупаться.

Переодевшись и взяв полотенце, папа с сыном побежали к морю.

Вода оказалась прохладной. Папа взял Захара на руки и зашёл с ним в воду. Потом вместе с ним то приседал, то поднимался.

– Папа, ты меня, как чайный пакетик, бултыхаешь. Пойдём лучше на берег, а то я замёрз как цуцик, – трясущимися от холода губами проговорил Захар.

ФАНАТ ФУТБОЛА

Шёл чемпионат Европы по футболу, вечером у всех торговых точек стояли выносные столы, работал телевизор. А цены на пиво возрастали в несколько раз, но народ приехал на море не по комнатам сидеть, а отдыхать, поэтому всё было занято. Все хотели после отдыха и футбол посмотреть, и покричать, и пиво попить.

Папа с Захаром тоже пришли посмотреть футбол. Но они пиво не любили и потому стояли на дороге, откуда тоже хорошо было видно телевизор.

До начала очередного матча оставалось минут пятнадцать.

Папа купил мороженое, и они не торопясь ели его.

– Папа, мы будем стоять или пойдём сядем?

– Здесь все места забронированы. И нужно делать заказ у официанта...

– А вон видишь два пустых места, – и он, опрометью бросившись на площадку, быстро сел за стол. Обернувшись в сторону ларька, поднял руку и громко крикнул: – Официант! Примите, пожалуйста, заказ!

Папа быстро подошёл и вывел Захара на дорогу.

– Ты побежал, а не спросил, взял ли я деньги. А я забыл. В следующий раз возьму.

– Жалко, а так хотелось посидеть, расслабиться!

ГЛАВНЫЙ ГЕРОЙ

Захар о чём-то задумался, потом спросил:

– Дедушка, а кто главный герой в сказке про Буратино?

– Захар, ты меня пугаешь. Конечно, Буратино.

– А вот и нет!

– Кто же?

– Старый столяр Джузеппе, по прозвищу Сизый Нос.

– Почему?

– А если бы он не нашёл полено, то и не было бы никакой сказки.

– Логично.

– Дедушка, а почему у тебя не сизый нос?

– Потому что я почти не пью алкоголя. А старый столяр без него не мог жить.

– Это плохо, правда?

– Не всегда!

ДУРАКИ

Егор с дедушкой, когда вечером спала летняя жара и стало немного прохладнее, пошли гулять на детскую площадку. Егор катался на качелях, лазил по перекладинам, бегал, а дедушка дышал воздухом и считал ворон.

– Дедушка, – подбежал Егор, – вон тот мальчик сказал, что я дурак. Я дурак?

– Как тебе сказать? Дурак – это тот, кто верит телевизионным новостям, в которых выступают очень уважаемые люди и считают, что говорят правду. А раз ты новостей не смотришь, значит, ты не дурак, а просто глупенький мальчик.

– Раз вы с бабушкой смотрите эти новости, значит, вы дураки?

– Нет, мы не дураки, потому что не верим, что нам говорят.

– Понял! Это хорошо, что мы все умные, – и он убежал.

А дедушка продолжал дышать воздухом и считать ворон.

«Надо домой идти, – подумал он. – Пора ужинать и новости посмотреть».

ЗЕЛЁНКА

– Доктор, доктор! – слышу я сзади женский крик и оборачиваюсь.

Ко мне, высоко подбрасывая грудь, бежит соседка, пожилая женщина. Она уже не дышит, а свистит всеми пятью долями лёгких.

– Что случилось? – я тоже подбегаю к ней, мысленно прокручивая все возможные варианты неотложных состояний в медицине.

– Я в аптеке купила зелёнку и буквально на минуту, чтоб не таскать тяжесть на второй этаж, оставила внука сторожить сумку на улице, а сама побежала сдать в ремонт обувь. Спускаюсь вниз... Так он выпил этот флакон. Что делать? И каким образом он открыл его? Ведь пробка...

– Сколько ему лет? И ещё скажите, как он себя ведёт, его состояние?

– Шесть с половиной лет. Сидит на скамейке и улыбается, дурачок. Губы, язык, зубы, подбородок, руки, рубашка – всё зелёное. Это страшно, доктор? Что делать?

– Не волнуйтесь. Ничего страшного нет, но давайте поспешим. Ведите!

– Что вы будете делать?

– Только сфотографирую – и ничего более.

– Вы шутите? Он не отравится, не умрёт?

– Вы мне верите?

– Да, – неуверенно сказала женщина.

– Правильно! А вот зелёного ребёнка я сфотографирую для истории. Посмотрите через несколько лет, смеяться будете.

РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ПОВОДУ НОВОГО ГОДА

Алиса – внучка моей хорошей знакомой. Ей три с небольшим года. Развита, разумна, рассудительна и непослушна не по годам. Она сидит за столом и, высунув от напряжения язык, деловито красит кисточкой ногти на руках, рассуждая о своём, о женском. Папа на работе, мама что-то делает на кухне.

– Наверное, опять котлеты. Как они уже надоели! То сосиски, то эти вонючие котлеты. Уже тошнит от них. А хочется рыбы. А рыбу нельзя. Видите ли, в ней кости. Ну и что? Их и вытащить можно. Вон как Барсик рыбу аппетитно ест, аж слюнки текут. И хруст по всей квартире слышен. И не давится, и ничего не втыкается в горло...

Приближался Новый год. Но зимнего праздника не чувствовалось: за окном светило яркое солнышко, и градусник застрял на десяти градусах тепла.

– Дочка, – в зал вошла мать, – одевайся, пойдём елочку купим, папу, видно, нам не допроситься. Скоро Новый год, ты хоть знаешь об этом? Придёт Дедушка Мороз, а подарок ему и положить некуда. Ёлку ещё установить и нарядить надо. Заканчивай свою покраску и быстро собирайся.

– Мама, – говорит Алиса, не отрываясь от своего занятия, – ты давно смотрела на улицу?

– А что там такое? – удивлённо спрашивает мать.

– Подойди, посмотри.

Та быстро подходит к окну, ищет на улице что-то необычное и особенное.

– Подошла. И что?..

– Где снег? Где мороз? О каком Новом годе ты мне говоришь? О каком Деде Морозе?.. Нет снега – нет зимы. А раз нет зимы, значит, не будет и Нового года. И ёлочку незачем покупать. Это хоть тебе ясно? Глобальное потепление! До чего вы всё-таки бываете беспомощные, взрослые. Лучше помоги мне колготки снять, надо и на ногах ногти освежить.

«ТЕСТ НА БЕРЕМЕННОСТЬ»

Алиса безумно любила смотреть сериалы. Хлебом не корми – дай поглядеть.

Она садилась в кресло, что стояло напротив телевизора, и растворялась в экранных реалиях, при этом её тело медленно скользило вниз, пока ноги не касались ковра, а платье не задиралось до головы. Но этого она не замечала. Так Алиса и сидела, напоминая мостик: голова покоилась на сиденье, а ноги упирались в пол. Сколько с ней родители по этому поводу ни боролись – хватало на пять, максимум шесть минут. И вновь начиналось медленное сползание.

В этот раз транслировали сериал «Тест на беременность». Фильм вызвал у Алисы бурный интерес. Она смотрела его затаив дыхание.

– Мама, а почему у этой тётки такой большой живот? – вдруг спросила она мать, лежащую на диване.

– Она беременна и будет рожать ребёнка. А почему ты меня об этом спрашиваешь?

– А рожать больно или терпимо? – задала она очередной вопрос, не реагируя на вопрос матери.

– Терпимо, – ответила та.

– Значит, буду рожать! – твёрдо заявила Алиса с присущей ей серьёзностью и шмыгнула носом.

На такое категоричное заявление малолетней дочери родительница не нашлась что ответить.

НОВЫЙ ГОД

Рита впервые в жизни встречала Новый год по-взрослому, в коллективе. Если сказать честно, то в её жизни уже один Новый год был. Но в то время, как, собственно, и в это, ей было глубоко всё равно, что справлять – День Парижской коммуны, День мелиоратора или Новый год. Маргарите было не совсем ясно, что это такое, но всё равно интересно.

– Как-никак, а уже почти два с половиной года! – казалось, думала она, говоря что-то слогами, носясь по дому как угорелая. –

Надо быть красивой, хоть вчера мама и замучила этой красотой до слёз!

Вечером на неё что-то надевали и снимали, опять надевали, пришивали, гладили и ушивали и снова примеряли. Это была мука. Но, слава Богу, наступила ночь, и надо было идти спать, а то бы замучили до полусмерти.

Утром разбудили ни свет ни заря. И началось всё по-новому. С головы постоянно сваливалась или налезала на глаза шапочка, и ничего не было видно. Мама с папой даже поругались из-за этого.

Наконец решение было найдено. Слегка распоров шов, мама вставила туда резинку, и теперь шапка не падала, а обручем сдавила голову, что даже сорвать её с себя было невозможно.

Как оказалось, Маргарита теперь была Красной шапочкой.

Кто такая Красная шапочка, ей не сказали, но, поглядев в зеркало, она осталась довольна своим внешним видом. И родители тоже радостно улыбнулись.

Не снимая костюма, её обмотали большим полотенцем и, наскоро покормив пропущенной через блендер кашей с вареньем, быстро направились в детский сад. А чтобы она не перепачкалась раньше времени, папа её нёс на руках.

Все дети не походили на самих себя. Рита даже снисходительно ухмыльнулась. Одни в белых платьицах со снежинками, другие вырядились в невиданных зверей, а у Мишки Слипченко было три головы, одна своя, а две драконьи.

Но Маргариту это волновало мало. Она быстро ушла в себя и до конца праздника оттуда не выходила.

А воспитатели просто замучили. В тысячный раз они водили хоровод, кружились, приседали и мычали про то, что ёлочка должна зажечься. А Анна Степановна вырядилась, как чума, в голубого зайца, прыгала и читала стихи. Рита улыбнулась второй раз.

Как оказалось, Новый год – это вовсе не праздник, а сплошные муки. Но всё равно, Красная шапочка Рите пришлась по душе. И родителям тоже. Хотя...

АДАПТАЦИЯ

Марине на день рождения подарили роликовые коньки. Она ждала этого подарка всю свою долгую семилетнюю жизнь и даже от счастья расплакалась.

В приподнятом настроении и светясь от счастья, она ходила с ними целый день, гладила, разговаривала, примеряла и даже украдкой целовала.

Но выйти в них сегодня на улицу не представлялось никакой возможности – шёл проливной дождь, а по дому кататься запретили.

Вечером пили чай с тортом и вкусными конфетами.

Наконец пришло время ложиться спать.

Почистив зубы и умывшись, Марина поставила коньки возле кровати. Переодевшись, она легла, накрылась одеялом, повернулась к стенке и радостно уснула.

Утром мама пришла будить её.

– Вставай, доченька, позавтракаем и пойдём в поликлинику проходить медицинский осмотр перед школой.

Марина открыла глаза и потянулась. В ногах что-то брякнуло. Мама подняла одеяло и не поверила своим глазам. На ногах у дочери были коньки.

– Ты в них спала? – удивлённо спросила мама.

– Мамочка, должны же ноги к ним привыкнуть! Как же без адаптации? Ведь в жизни всегда так! Разве ты не знаешь?

О РОДОСЛОВНОЙ

Захар приехал на каникулы к бабушке с дедушкой. Днём он переделал кучу работы: рисовал, читал, решал с бабушкой задачи, смотрел мультфильмы, после обеда ходил с дедушкой и собакой Мишей за травой курам, собирал в курятнике яйца, играл с соседским мальчиком. В течение дня у него не было ни одной минутки свободного времени.

Наступил вечер. Поужинав, бабушка набрала в ванну воды и стала купать внука. Он и плескался, и нырял, и тёр себя мочалкой...

– Бабушка, – неожиданно спросил он, – а у тебя дети были?

– Ты что, Захар?..

– Ах, да! Точно. Ведь мой папа – твой сын.

Решив для себя эту проблему, он вновь погрузился в воду.

ПОЗНАНИЯ ЖИЗНИ

Когда Петя был совсем маленький, он с родителями приехал к папиным родителям в деревню. И всё ему здесь было интересно. Город – одно, а вот деревня... Короче, ему там сильно понравилось: простора много, контроля мало.

Наступал вечер, и он с бабушкой Зоей ходил встречать коровку из стада, пил парное молоко, что цедила ему старенькая прабабушка Шура, мылся и ложился в свою кроватку спать, а мама рассказывала ему сказку.

– Мама, – вдруг спросил он, – а ты женщина?

– Да, женщина.

– А папа мужчина?

– Папа – мужчина.

– А тогда бабушка Шура кто?

НАБЛЮДАТЕЛЬНОСТЬ

Чтобы пойти ребёнку в детский садик, необходим медицинский осмотр, и мама с Вовой поехали в поликлинику. Троллейбус был полупустой. Все, кто работал, укатили рано, а сейчас в нём ехали одни пенсионеры да мамы с детьми, как-никак, а на часах уже десять утра.

Вова с превеликим удовольствием прокомпостировал билеты и уселся на переднем сиденье напротив мамы. Он смотрел в окно, считая проезжающие мимо машины, а мама что-то вязала.

Вдруг Вова взглянул на мать и громко, на весь троллейбус, спросил:

– Мама, ты что, в туалет хочешь?

Пассажиры, побросав свои занятия, внимательно посмотрели на маму.

– Нет, – так же громко ответила мама, чтобы в транспорте это слышали все, и слегка порозовела. – С чего ты взял?

- А я обратил внимание: все, кто хочет в туалет, становятся задумчивыми. Вот и ты сейчас задумчивая.
- Вовсе нет. Я думаю совершенно о другом.
- А-а-а... – безразлично проакал Вова и стал снова смотреть в окно, считая проезжающие мимо них машины.

ДОМАШНЕЕ ХОЗЯЙСТВО

Бабушка и дедушка жили в селе недалеко от города.

А получилось так. Там открылась шикарная больница, и дедушка поехал в ней работать. А бабушке что делать? Она как ниточка за иголкой поехала с ним.

Дали им там дом, и зажили они, как в сказке: в сарае разместились курочки с петухом и стали нести яйца, а в большой будке поселился пёс Миша. Он-то и охранял эту птицу.

Вскоре у них поселилась кошечка Манюня. Она и правда была маленькой-маленькой и больше походила на повзрослевшего котёнка. Но это ей нисколько не мешало ловить мышей и крыс ростом с неё.

А появилась она у них довольно интересно.

Как-то вечером дедушка с бабушкой сидели на крылечке и о чём-то беседовали, как вдруг через забор перепрыгнула кошечка и, ни на кого не обращая внимания, смело подошла к дому. Бабушка и дедушка следили, что будет дальше.

Дойдя до порога, она с деловым видом прошла между ними, обошла дом, вышла оттуда и побежала в гараж, откуда не выходила неделю, лоя там крыс и мышей, после чего вошла в дом полноценной хозяйкой.

Из-за её роста дедушка с бабушкой так и называли кошечку – Манюней. И стала она у них жить.

Манюня была нежной и ласковой кошечкой, любила петь песни, сидеть на коленях, спать с дедушкой и ловить мышей. А коготки были у неё острыми, как бритовки.

Потом у неё родился сын Сиропчик. Долго его рожала Манюня, почти два часа. Он был велик для маленькой кошки, и она, рожая его, от боли сильно кричала. Бабушка сразу сказала: «Этого котёнка мы оставляем».

Когда Сиропчик вырос, то сильно походил на породистого кота. Он был огромен. Его короткая серая, с голубым отливом шерсть была густой и мягкой, как у бобра. Он был умён, добр и благороден. Его слегка раскосые глаза на крупной морде излучали мудрость и интеллект. И ещё он сильно почитал дедушку. Хотя надо сказать, что дедушку любили все. Когда он обедал, Сиропчик прыгал к нему на колени, просовывал голову под руку и клал её на стол, ожидая лакомого кусочка. Спал он тоже с дедушкой.

Через год Манюня родила Ерофеича. В нём не было ничего необычного. Кот как кот: серый, наглый, беспардонный и домой приходил в основном только поесть. Спал он тоже с дедушкой.

Манюня рожала по два-три раза в год. А из дома выходила лишь погулять с котами да полакомиться деликатесными мышками.

Наступило лето. Манюня вновь родила котёночка, пушистого и разноцветного. Он быстро рос, набирал в весе, но не брезговал полакомиться и мамкиным молочком.

Дедушке дали отпуск, и он уехал к себе на родину, оставив на хрупкие бабушкины плечи всё хозяйство.

А лето было действительно очень жаркое, поэтому входную дверь на улицу всегда оставляли открытой, чтобы прохлада ночи остужала жар нещадно палящего дневного солнца.

Бабушка перебралась спать на дедушкину кровать, а у стенки, возле подушки, спала Манюня со своим великовозрастным сыном.

Как ночью ушла кошка, бабушка не почувствовала, но вдруг услышала рычанье Манюни. Она включила ночную лампу и повернулась к стенке, узнать, что там такое. От увиденного село огласил её душераздирающий крик. На соседней подушке лежала задавленная крыса, возле которой сидели Манюня и котёнок. Это мама решила побаловать родное чадо деликатесом и приучала к дальнейшей самостоятельной жизни.

Теперь до приезда дедушки из отпуска входная дверь была всегда закрыта, а все коты гуляли на улице. Вскоре у котёнка появился новый хозяин.

Но жизнь продолжалась. Были новые питомцы. И каждый был по своему хорош, каждый имел свой характер и норов, но лучше и добрее, чем Манюня и Сиропчик, не было никого. Светлая им память!

«ПАЗАЗИТ»

Раннее воскресное утро.

Солнышко, едва оторвавшись от горизонта, с неохотой начинает просыпаться. Его заспанное личико норовит схорониться за тучкой и рассчитывает ещё немножечко понежиться, но налетевший ветерок-озорник срывает с него это покрывало. И оно, сладко потянувшись, раскидывает во все стороны свои лучики, начиная свой долгий путь к закату.

Монотонно грохочет трамвай, эхом отражаясь от застывших домов. Редкие пассажиры едут на рынок за свежими фруктами и овощами. На переднем сиденье сидят старенькая бабушка и кто-то ещё, голова которого накрыта большим цветастым платком.

Бабушка периодически зло толкает это накрытое существо в область головы, неизменно повторяя одно и то же слово: «Паразит!»

Пассажиры с удивлением смотрят на эту картину.

Наконец кто-то не выдерживает и спрашивает:

– Бабулечка, кого вы всё время толкаете и обзываете? Это нехорошо.

– А это хорошо? – та гневно срывает платок.

У окна сидит внук, а на его голове надет чугунный горшок.

– Не успели родители уехать на юг отдохнуть, как этот паразит, – она снова толкает его в голову сухеньким кулачком, – напаялил на свою дурную башку этот чугунок. Теперь ни туда ни сюда. Пилить надо. Вот это чудо и везу сейчас в больницу.

Из горшка донеслось какое-то гуденье.

– Молчи уже, паразит, скоро приедем, – и она накрыла внука цветастым платком. – Горшок жалко. Где такой теперь купить можно? Чай весь чугун по границам развезли. И чего его туда понесло? Родители узнают, убьют обоих. Сиди тихо и жди, паразит.

Вскоре они вышли, а из окон трамвая с интересом смотрели пассажиры, как бабушка тащила за собой в больницу ничего не видящего внука.

МУКИ ПОЗНАНИЯ

Мама и её четырёхлетний сын Паша из Ленинграда поехали к отцу на родину. Он был военный моряк и охранял южные рубежи Отчизны. Ему после длительного похода сразу дали отпуск, который все решили провести «вдали от шума городского».

Здесь и правда всё было хорошо: лес, речка, тягучий, ароматный и целебный воздух, состоящий исключительно из кислорода, который излечивал буквально от всех недугов, и, разумеется, свобода, о которой так мечтал Павел. И если бы не комары, то это место можно было бы смело назвать райским.

И ещё простор, от которого Павел просто сходил с ума.

Пока ждали приезда отца, мама с сыном ходили на рынок, в лес и даже один раз на речку, правда, не купались, только ноги помочили, но всё равно здорово. И ещё поднимались на гору Шихан, откуда всё было видно как на ладони.

Сегодня они пошли за хлебом. На Пашу надели новенький, привезённый из города, голубой мохеровый костюмчик и только вчера купленные сандалики. На повороте мальчик заметил растёкшийся у дороги гудрон. Он был такой ровный, чистый, иссиня-чёрный и притягательно блестел на солнце. Очень хотелось по нему пройти, но мама крепко держала сына за руку.

На обратном пути, сославшись на то, что у него расстегнулся ремешок на сандале, Паша приотстал. Догоняя маму, он разбежался и со всего маху прыгнул в гудрон. Ноги мгновенно погрузились в вязкую массу, и вытащить их оттуда ему было просто невозможно. Он стоял и испуганно глядел на мать. Та, увидев эту картину, просто обомлела. И вокруг не было никого, кто бы мог помочь. Найдя длинную палку, она протянула её сыну и стала тащить того к себе. Попытка выдернуть оттуда страдальца не привела к успеху. Тогда она попросила Пашу расстегнуть сандали. Теперь мать быстро вытащила своё чадо, а потом той же палкой и сандалики. В этой борьбе за жизнь костюмчик остался чист.

Получив от матери шлепок по заднице, сын сердито засопел. Они поспешили домой. Бабушка Зоя в это время была на работе, а прабабушка Шура, поохав, взяла нож и принялась на крыльце

счищать им гудрон с обуви. В это время мама что-то стала делать в доме. А непослушный мальчик босиком бесцельно бродил по двору. О Павле все ненадолго забыли.

Минут через десять, рыдая во весь голос, он, с головы до ног испачканный гудроном, который соплями стекал с его мохерового костюмчика, вошёл в калитку.

– Чего тебя туда понесло? Зачем надо было опять туда идти? Чего не сидится спокойно! И, главное, ушёл без спроса, – теперь шлепки сыпались как из рога изобилия.

– Мамочка, не бей! Я думал, что там скользко, и захотел прокатиться, – захлёбываясь от плача, причитал Павел.

– Ты один раз уже застрял! Этого тебе показалось мало? Прокатился?

– Я разбежался, думал, буду скользить, но сразу же застрял и упал.

– Что было дальше? Как ещё не утонул...

– Меня дядя вытащил.

– «Спасибо» хоть сказал спасителю? Раздевайся! У меня нет денег каждый день покупать тебе новые вещи. До конца лета будешь ходить чёрный и голый. Так и отца пойдёшь встречать! Он, между прочим, послезавтра приезжает. А всю эту одежду придётся выбросить. Восстановить её не представляется возможным.

После этих слов Павел дал волю слезам.

Сходил гудрон кусками, и очень долго. И пока тело не очистилось, со двора парень не выходил.

Теперь Пашка знал твёрдо: гудрон – это не лёд, и на нём кататься нельзя.

СУП С КЛЕЦКАМИ

Захар перешёл во второй класс, и бабушка, съездив в город, привезла его на оздоровление в село. А здесь – полная свобода! Вот только солнце днём печёт как сумасшедшее...

– Захар! – прокричала бабушка в окно. – Иди обедать!

– А что ты приготовила? – спросил ради приличия Захар.

– Суп с клёцками.

Минут через пять он вошёл в дом.

- Мой руки и садись за стол, я наливаю.
- Суп с клещами?
- С какими клещами?
- Я же тебя спрашивал, что будем есть. А ты ответила: «Суп с клещами».
- Ты с этой улицей не только слух, но и разум скоро потеряешь. Не с клещами, а с клёцками.

СЕБЯЛЮБИЕ

Пятилетняя Алиса в воскресенье проснулась поздно. Лохматая, потирая глаза кулачками, она вошла на кухню. В центре стола стоял огромный торт.

- Ого! У нас сегодня праздник? – спросила она маму потягиваясь.

- Да, – ответила мама.

- По какому поводу?

- У нашего папы день рождения. Пойди и поздравь его.

- Не буду. Никакого дня рождения у него нет! – авторитетно заявила Алиса.

- Как это нет, когда есть.

- День рождения бывает только у меня!

- У тебя был два месяца назад, он прошёл. Теперь у папы.

- Нет! Только у меня! – Алиса насупила брови. – А если ещё и у него, то это не мой папа.

- Что ты такое говоришь?! – мама тревожно посмотрела в сторону спальни.

- А говорю то, как оно есть и должно быть! – девочка повернулась и не спеша пошла в туалет.

СВЯЩЁННЫЙ МЁД

Захар немного простудился. Бабушка на ночь согрела ему чай, достала с полки маленькую баночку мёда и поставила на стол.

- Пей чай вприкуску с этим мёдом. Держи его во рту, пока не растает. Он свящённый. Утром будешь здоров.

Захар попил чаю и пошёл спать.

– Как спал, как ты себя чувствуешь? – спросила бабушка утром, когда внук проснулся.

– Хорошо, бабушка! Свящённый мёд помог. Можно, я его ещё поем, для закрепления успеха?

– Можно, – засмеялась бабушка. – Только сначала пойдй умойся, съешь кашу манную, а уж потом дам тебе опять свящённого мёда, – снова засмеялась она.

УПРЯМСТВО

Родители где-то на стороне зарабатывали деньги, а Лёня жил у бабушки с дедушкой. Он слонялся из угла в угол, ища занятие по душе, но не находил его.

– Лёня... Лёнька! Иди сюда! – крикнула бабушка.

– Что? – недовольно спросил он.

– Пойди дедушке помоги... Слышишь, как он в сарае ругается, видно, не получается у него там что-то.

– Я не буду ему помогать! – насупился Леонид.

– Это ещё почему? – в голосе бабушки послышались железные нотки.

– Не буду – и всё! Не хочу. Лучше в углу постою, – и он направился в комнату, где находилось его место наказания.

– Я тебя туда ещё не ставила, – назидательно сказала бабушка.

– Не поставила, так поставишь. И я уже стою.

БООООРЩЩЩ

Для того чтобы понять колорит и специфику разговора жителей Одессы, надо хотя бы раз побывать на Привозе или пару раз проехать в переполненном трамвае.

Одесситы разговаривают изощрённо, и каждый придаёт своей речи что-то такое, своё, отчего смысл сказанного нисколько не меняется, не искажается, а наоборот, расцветает радужными красками, как картина в умелых руках художника. Подобное зарождается с пелёнок и заканчивается на смертном одре.

Лето.

Жарко.

Маленькая кучерявая четырёхлетняя девочка Гила, понимается, евреечка, с огромными чёрными глазами, в широченном, длинном, почти до пят, застиранном, но уже грязном платье, заложив руки за спину, бесцельно бродит по двору. Ей скучно.

– Здравствуй, Гила, – это во дворе появилась соседка Ольга, торгующая на углу фруктами. – Ты бы съела этот банан, который я тебе несла через весь квартал.

– И наше вам здрасте! Ты здесь почему или куда? – она бесцеремонно берёт банан и начинает его есть.

– Ты вышла погулять, или море совсем высохло?

– А знаешь, что означает моё имя на иврите? – она говорила сама с собой, почти никогда не слушая вопросы других.

– Конечно. Гила – это радость.

– Хоть ты на вид и глупа, а соображаешь. Мой непутёвый дедушка так и говорит: «Ты моя радость, а бабушкино счастье».

– Ты сегодня давно по двору гуляешь?

– Просто меня некому занять. Ребёнок брошен и никому не нужен. Дедушка, как всегда, сидит в своём кресле и читает поганую газету. А бабушка варит боооорщщщ (здесь акцент надо делать на букву «щ»).

– А ты любишь борщ-щ?

– О-о-о-о, боооорщщщ!.. – она мечтательно закатывает чёрные глаза. – Суп – говно... А боооорщщщ ложка за ложкой, ложка за ложкой... – и она снова поднимает сверкающие счастьем глаза, разворачивая подол платья веером. – А ты что сегодня делаешь?

– С тобой разговоры разговариваю.

– А вот я уйду, и тогда ты что (акцент на букве «ч») будешь делать?

– Буду обедать.

– Я тоже люблю кушать!.. Ты любишь боооорщщщ?

– Гила! – послышался крик из окна. – Разве не видишь, в какую сторону ушло солнце? Или ты уже покушала у соседей, как это делают все нормальные дети? Твой борщ-щ покрывается льдом, и дедушка готовит клюшку, чтобы гонять по нему шайбу.

– Бабушка, не торопись! – кричит она. – Я уже умываю руки и почти за столом.

И она, путаясь в подоле платья, стремительно бежит к дому.

О ПОХОДЕ И НЕМНОГО О ДРУГОМ

Захар вечером с бабушкой пошёл на детскую площадку.

– Где ты вчера был, Захар? Почему с детьми не приходил играть? – спросила бабушкина знакомая Ольга, дочка которой качалась на качелях.

– Я вчера ходил в поход с дядей Сашей и дедушкой, – гордо ответил Захар.

– И куда вы ходили?

– На берег большого озера. Я цаплю видел и ещё хищную птицу. Жгли костёр, шашлык жарили, картошку пекли. Дедушка ночевал в палатке, а мы с дядей Сашей у костра.

– Как вас волки не съели?

– Там же нет волков, – утвердительно заявил он. – И потом, у дяди Саши был нож, а у меня палка.

– Если палка, то тогда, конечно, вам ничего не было страшно. А дедушка наловил рыбы?

– Он удочку забыл взять. И потом, я рыбу не люблю.

– Как! Ты не любишь жареную рыбу? Она же такая вкусная.

– Ну... – пожал Захар плечами. – Вообще-то люблю. Только хвосты, а тело нет. Бабушка, я побежал, а то смеркаться начинает, и ты захочешь домой.

– Беги, внучек, а мы тут с тётей Олей посидим.

Захар побежал к ребятам, а женщины засмеялись.

ПЕРЕД ОТЪЕЗДОМ ДОМОЙ

– Захар, – печально сказала бабушка за ужином, – вот и заканчиваются твои каникулы, и ты завтра едешь домой, к папе и маме. Я к тебе так привыкла, что скучать буду и плакать.

– Почему завтра? Я не хочу ехать домой. Мне здесь нравится.

– Необходимо, внучек, ехать, скоро тебе в школу идти. Надо к ней подготовиться. Форму купить и всё остальное... Каникулы твои закончились.

– Ну вот, каникулы закончились, каникулы закончились... – мальчик готов был зарыдать.

– Запомни, Захар: каникулы, как и конфеты, заканчиваются быстро, не успевай начать! – крикнул дедушка из спальни.

– Если так, включай тогда быстрее компьютер, будем досматривать мультфильм «Алёша Попович и Тугарин Змей», а то дома мне некогда будет этим заниматься. У меня же начнутся уроки, а потом опять будут каникулы. И я снова к вам сюда приеду, Правда, бабушка?

– Конечно. Время быстро пролетит, – поцеловала внука бабушка, и он, схватив свою подушку, побежал на дедушкину кровать.

НАХОДЧИВОСТЬ

Папа ходил в магазин, купил хлеб, творожную массу, сыр и немного колбаски на «оливье». Потом подумал и взял детям по конфетке «Чупа-чупс».

Из магазина он пошёл забирать Риту из детского сада. По дороге домой Маргарита с превеликим удовольствием и аппетитом сосала конфету.

После ужина другую конфету дали Захару. Он аккуратно развернул её. Подошла Маргарита.

– Дай! – задвигала она пальчиками.

– Не дам. Ты свою уже съела. Это – моя.

– Дай хоть подержать.

– На. Но только подержи.

Из карих глаз Маргариты брызнули искры счастья. Она мгновенно сунула «Чупа-чупс» в рот.

– Э-э-э, дай сюда. Так не честно! – возмущённо произнёс Захар.

– А давай вместе её сосать, – хитро посмотрела на него Рита. – Я немножечко, а потом ты. Я совсем чуть-чуть, можно?

– Хорошо, – согласился Захар.

Но чуть-чуть у Маргариты не получилось, а вот половину она точно сосала.

1

– Вера! Иди сюда, что скажу, не поверишь...

Надежда Митрофановна, скрестив руки на груди, сидела на завалянке, греясь на солнце. Ей явно было скучно.

– Не могу, тётя Надя, спешу очень. Соль в доме закончилась, а я борщ поставила вариться. Вот и бегу в магазин. А то Славка придёт на обед – скандал будет.

– Дам я тебе этой соли...

– Нет, нет, как-нибудь потом зайду. Извините. Ещё макарон хотела купить, риса и муки килограмм пять. Через четыре дня Коленке десять лет исполняется. Пирог хочу испечь.

– С чем печь будешь?

– С вареньем каким-нибудь. Бывайте... – и быстро двигая крупными бёдрами, Вера скрылась за углом.

Митрофановна попыталась задремать, но не получалось.

– Здравствуйте! – раздался рядом мужской голос. – Вы квартиру на несколько дней не сдадите?

Вздвогнув от неожиданности, она подняла голову. Перед ней стоял матрос. В одной руке он держал спортивную сумку, в другой бескозырку.

– Сдаю, – неожиданно вырвалось у Митрофановны. – А ты кто такой будешь, откель в наши края прибыл в такой красивой форме? Моряк, что ли? В наших местах таких отродясь не бывало. И как ты сюда попал? От нас до моря, что от Земли до Сатурна.

– Ого! – засмеялся моряк. – Научно-технический прогресс буквально пронзил все слои нашего общества.

– А ты думал, здесь одни дураки живут?

– Что вы... Это я так, вырвалось.

– То-то же. Поставь сумку и присаживайся рядом. Я должна о тебе знать всё. Вдруг ты бандит или ещё кто... Приехал меня ограбить, аль другие какие нехорошие мысли тебя гложут, – и она ощерилась щербатым ртом. – Для начала скажи мне, как зовут тебя, фамилию свою назови, откель ты такой красивый к нам в глушь приехал и про родителей не забудь сказать. Начинай. Теперь я до вечера тебя пытать буду. А зовут меня Надежда Митрофановна.

– Я не согласен. Как в старину было? Вначале гостя надо накормить, напоить, спать уложить, а уж потом вести с ним беседы разные.

– Раньше, милок, много чего было: и хлеб по шестнадцать копеек, и сырок плавленный по десять, и яйца по восемьдесят, а мясо по рубль девяносто... А сейчас?.. Так что первые твои предложения пропускаем и начинаем сразу с беседы. Слушаю тебя, и не смей врать мне, не люблю этого. А чтобы наш разговор не был тебе в тягость – на семечки, грызи. Они нервы успокаивают. Я их тоже люблю, но... сейчас с этим делом плоховато, – и она открыла рот, показывая съеденные годами зубы.

– Ну, если так, тогда слушайте, – он поставил сумку на землю и примостился рядом с Надеждой Митрофановной. – Зовут меня Коля. Николай Матвиенко. Три года отслужил на флоте на подводной лодке во Владивостоке, и недели не прошло как демобилизовался. Думал, думал, куда с тех мест податься, и решил приехать сюда.

– Вон как! Далеко тебя судьба забросила... А что домой не поехал, к родителям, почему к нам?

– Нет у меня ни дома, ни родителей.

– Ой, батюшки светы... – Надежда Митрофановна перекрестилась.

– Жили мы в Белгородской области. Когда мне было восемь лет, умерла мама, упала с крыши и разбилась.

– Свят-свят-свят... Спаси и сохрани, – Надежда Митрофановна осенила себя тремя крестами. – Царствие ей небесное. Чего её туда понесло?

– С отцом крышу перекрывали...

– А отец?..

– Отец сильно запил. С работы выгнали, он шофёром работал, меня в детский дом забрали. После этого, рассказывали, он словно с цепи сорвался, дом за гроши продал, а по весне его труп с проломленной головой нашли в низовьях реки. Утонул сам или помогли, никто не знает. Следствия как такового не было, а если и было, то формальное. Нет человека – нет проблем. И денег при нём не нашли.

– И больше родственников нет? – Митрофановна зажала рот рукой.

– Была бабушка, мамина тётя по двоюродной сестре. Кстати, здесь жила. Мы с мамой приезжали к ней на недельку перед моей школой...

– Кто ж такая?..

– Грушина Анна Павловна.

– Час от часу не легче. Она сгорела два года назад. Ночью гроза была, и молния ударила в её дом, так он как порох в одну секунду сгорел.

– Мне уже сказали. Я на могилке её был.

– Так ты сирота? Молодой, ни кола ни двора... Аннушка моей подругой была. Хорошая женщина, добрая. Никогда никому за жизнь грубого слова не сказала. Бог детей ей не дал. Вот как бывает. У алкоголиков и тунеядцев рождаются каждый год, а у хорошего человека... Жила тихо, неприметно... Так ты ей внук приходишь? Ну и дела!.. Невесело тебе, парень. И что собираешься делать?

– Пока не знаю. Мысли роятся в голове, а собрать их в кучу не могу. Скорее всего, опять подамся в дальние края, на Камчатку или Сахалин, устроюсь на рыболовецкое судно, а потом посмотрим, что дальше делать.

– Пойдём, сыночек, в дом, покормлю тебя, за столом и продолжим разговор, а то я сама штой-то проголодалась, – Надежда Митрофановна хитро улыбнулась. – Потом отдохнёшь с дороги, а я подумаю, что нам с тобой дальше делать. Люди должны помогать

друг другу. Без этого никак нельзя, а то мы будем хуже лютого зверя. Пойдём, Коля, пойдём.

– Спасибо, Надежда Митрофановна.

– Не ломай себе язык, зови меня просто – тётя Надя, так сподручней тебе будет.

2

В доме Надежды Митрофановны было три комнаты. В одну из них и отвела Николая.

– Вот здесь ты будешь жить. Переодевайся пока. Есть у тебя во что?

– Конечно! Спортивный костюм.

– В нём жарко. Оденься попроще. После этого на улице помой под рукойником руки, лицо... Полотенце там же висит, на заборе. После этого – сразу за стол.

Через десять минут Николай сидел за столом и с аппетитом ел куриный бульон с лапшой и пюре с котлетой. На плите закипал чайник.

– Вот что, Коля, я думаю. Ты поживи пока у меня, пообвыкнешься тут, притрёшься, так сказать. Как говорится, отдохни после службы. Скороспелых решений никогда принимать нельзя, они, как правило, являются неверными. Это баба хвостом может крутить в разные стороны, и так и эдак. У неё семь пятниц на неделе. А мужик вначале должен всё продумать, взвесить, посоветоваться, если нужно, а уж потом... Ты ешь, ешь. С тебя за постой ничего брать не буду. Да и откуда у тебя деньги? Так поживёшь. И не мотай головой! Я тут решаю, что и как. Живи. Вместо сына мне будешь. А то детки мои разлетелись кто куда. Милка в Турцию поехала отдыхать, там и осталась. Двое детей. Муж, злодей, её даже на улицу не выпускает, запрещает общаться с родственниками. Это она как-то умудрилась передать с нашими туристами, они и отписали мне. Уж пятнадцать лет там живёт, а где, неизвестно. Отец помер, так и похоронили без дочери. Витенька мой на границе с Китаем служил, там какая-то заваруха была, он и погиб в перестрелке. Так вот и живу здесь одна-одинёшенька, – на её глаза навернулись слёзы. – А у тебя, Коля, зазноба есть?

– Нет, пока не обзавёлся. Надо сначала на ноги встать, а уж потом жениться. А так... Не хочу нищету плодить. В доме должен быть достаток.

– А специальность у тебя есть?

– Я много могу. До службы на агронома два года учился. Осенью буду восстанавливаться. Обязательно закончу. Землю люблю больше, чем море. На машине езжу, мотористом могу быть, электриком, штукатуром... Даже складно под гитару пою, – улыбнулся он.

– Ты, оказывается, парень, завидный жених. Водку пьёшь?

– Не люблю. Я и без неё всегда весёлый. Не вижу в ней никакой радости и толка.

– Неужели и не куришь?

– Тоже не курю. Пробовал – не понравилось.

– Молодец! – Надежда хлопнула его по плечу. – Покушал? Сейчас иди, полежи, отдохни часика два. Проснёшься – ещё побеседуем. Сейчас кровь в желудок упала, ничего соображать не будешь, а мысли у меня для сурьёзного разговора имеются. Иди, не путайся под ногами, а я посуду помою.

3

Николай лёг на диван и мгновенно уснул. Проснулся он бодрый, весёлый и жизнерадостный, полный сил и энергии. Сколько проспал, ответить на этот вопрос он не мог, часы оставил на улице, когда умывался, но явно не час и не два – гораздо больше, а ходики на стене остановились на двенадцати.

Солнце быстро катилось за горизонт, собираясь там передохнуть, чтоб предстать утром перед людьми свежим, красивым и тёплым.

Никого ни дома, ни во дворе не было. Николай сел на крыльце, сладко зевнул и потянулся. Поднявшийся ветерок нёс опадавший цвет с вишни и яблони. За время службы он втянулся в постоянную рабочую атмосферу, непрерывные тревоги, авралы, погружения и всплытия... Находиться который день бездельником ему порядком надоело, руки просили работу. Николай обошёл двор. За сараем лежали пиленные дрова. Он нашёл в сенях резиновые сапоги, в сарае топор и с удовольствием принялся их колоть. И так это его раззадо-рило, что он не услышал, как подошла Надежда Митрофановна.

– Чего ты размахался? Отдохни немного. Спасибо, конечно, но бросай всё, поговорить надо. Накось, попей водички минеральной, умаялся поди.

Коля вытер катящийся со лба пот и, не отрываясь, выпил целую бутылку.

– Молодец! – довольно улыбнулась Надежда. – В здоровом теле всегда здоровый дух.

– Вы куда ходили? Я проснулся, а дома никого нет. Испугался, подумал, бросили меня, – улыбнулся он.

– Молочка тебе заказала, воды купила, сарделек на вечер и конфет к чаю. Ещё картошки потушу с солёной капустой и молоком. Ел такое кулинарное чудо?

– Не приходилось.

– Попробуешь – ещё попросишь сделать, сосед пару крупненьких карасиков принёс, и блинчиков пожарю. Может, ты картошки не хочешь, тогда могу макароны сварить или кашу какую. Говори.

– Вы не волнуйтесь, что приготовите, то и буду есть. И сильно не тратьтесь. Я к еде непритворлив.

– Об этом, Коля, не беспокойся. У меня в погребе запасов на три атомные войны, а после пенсии я всегда кое-какие запасы делаю. Не дом, а полная чаша. Я не бедный человек. Могу себе многое позволить. Если честно, даже не знаю, сколько у меня кур, а уток с гусями – тем более. Эти со своими выводками только поздней осенью приходят. Мясо круглый год на столе. Заметь: каждый день я собираю по семьдесят-восемьдесят яиц.

– Ничего себе! Круто!

– А ты думал. Каждые полторы недели приезжают из города и забирают тысячу яиц. А это – почти три тысячи рублей. Куда мне эти деньги девать?

– А кормите чем?

– У меня земля в аренде. Кормов в достатке. И продаю, и так даю...

– Прямо как в сказке... А магазин далеко от вас?

– Считаю, седьмой дом от меня. Сразу после детского сада. А чего ты хотел? Он закрыт сейчас. Пойдём на крылечко. Ты видел у меня пруд за огородом? – встрепенулась она. – Муж, царствие ему

небесное, председателем колхоза был, построил дом именно здесь, пойдём, покажу.

За домом и правда разливалось огромное озеро, берега которого поросли кустарником. По воде золотились дорожки от заходящего солнца.

– Как красиво! – прошептал Николай.

– Огород поливаю прямо оттуда, мотор качает, а брызгалки стоят по всему периметру. Ничего у меня никогда не сохнет, и урожай собираю великий. Опять же из города приезжают, забирают оптом. Да и не огород вовсе, а огородище. Пятьдесят соток! Половина засажена фруктовыми деревьями и кустарниками, а другая под картошку и овощи. Тяжело мне уже им заниматься, силы не те. Вот ты приехал, твой будет. За один сезон, если постараться, то и машину хорошую можно купить. И лодка есть с мотором, только старенькая уже. Сосед на ней на рыбалку ездит. И мне кое-что от этого перепадает.

В небе с громким писком стремительно летали стрижи и ласточки в поисках корма для своих самок, сидящих на яйцах.

Вечер ещё не наступил, а первые комары со своей гнусной песнью начали впиваться в разгорячённое тело Николая. Он начал неистово хлопать себя руками.

– У тебя рубашка с длинным рукавом есть?

– Нет, – замотал головой Николай, – не приобрёл ещё.

– Невелика беда. Иди, прими душ. Вон он с другой стороны са-рая стоит. Водичка, небось, за день на солнышке нагрелась. А я тебе полотенце вынесу и рубашку мужнину. Твои трусы, где они у тебя лежат?

– В сумке. Там же и шампунь с мылом.

– В душе всё есть. Или ты привык к своему?

– Абсолютно нет, просто хотел оставить их в кабинке, чтоб все ими пользовались.

– Молодчина! Ступай, я мигом.

4

Вскоре Николай вышел из душа свежий, бодрый, в приподнятом настроении.

– Хорошо как здесь у вас, просторно и легко.

– А я тебе что говорю. Лучше место, чем наше село, только в Трускавце, на Украине.

– Там никогда не был, а здесь и правда здорово. Из детской памяти о ваших краях ничего не осталось. Я и бабушку смутно вспоминаю. Помню чётко, что волосы она в косу заплетала, а на левой руке у неё не гнулся мизинец. Почему, не знаю.

– Это она в детстве на льду поскользнулась и палец сломала. А медицина наша была не ахти какая. Может, в городе что-нибудь и сделали бы, а здесь гипс наложили и забыли про него. Она его целых полгода носила. А когда сняли, то ахнули – палец перестал гнуться. Иди, посмотри телевизор, а я ужин приготовлю.

– Может, чайку попьём?..

– Поужинаем и обязательно попьём.

Через час с небольшим только собрались садиться ужинать, как открылась дверь и вошла соседка.

– Надя, у тебя гости? – заявила она с порога.

– Явилась не запылелась. Всё ей надо знать, – прошептала Надежда. – Да, гости. Внук Аннушки со службы вернулся.

– Это которой? Здравствуй, Надежда, ближе.

– Здравствуй, Лена.

Николай тоже поздоровался.

– Как какой? Грушиной, что в доме сгорела.

– Экий красавец вымахал! – посмотрела она пристально на Николая. – Вот как бывает... Раз – и всё кувырком. Что родители?..

– Лена, ты по делам или так?.. Мы ужинать собрались.

– Какими же путями он к тебе пришёл? – Елене не терпелось узнать подробности.

– А такими и пришёл... Ногами. Это все вопросы? Тогда ступай, мы за стол садимся, а то всё остынет.

– Надо его с моей Женечкой познакомить. Хорошая была бы пара. Она у меня писаная красавица.

– Интересно, сколько твоя писаная красавица в девятнадцать лет абортов сделала?

– Сколько не сделала, все её! Чтоб и у тебя хата сгорела, черноротая!

– Кто из нас черноротый, не известно. Ступай с миром и сюда больше не заглядывай.

Та резко вышла, с силой хлопнув дверью.

– Самая непорядочная в селе женщина. Её у нас никто не любит. И вся семья их такая. Муж за попытку ограбить в городе сберкассу сидит, а сын в розыске. Дочь, Евгения, переспала со всем районом. Не будем больше о них говорить, они недостойны этого. Давай есть.

Наработавшись, Николай ел с большим аппетитом. Надежда Митрофановна наблюдала за ним с восторгом.

– И правда, вкусно, – сказал он. – Не думал даже. А можно добавки?

– Конечно! Со сковородки будешь есть, чтоб не переключивать? И не забывай курицу, пока горячая. Ешь всю. Я не буду, надоела. Для разнообразия мясо в магазине покупаю.

– Можно и со сковородки, мне без разницы.

– Сейчас рыба, а потом чай с блинами.

– Я речную рыбу не помню, когда ел в последний раз.

Надежда Митрофановна положила ему в тарелку два больших карася.

– А вы?

– Не хочу. Утром ела. А потом у меня эта рыба каждый день почти. У Василия на послезавтра закажу окуньков или судачка, уху тебе сделаю. Он всегда мне даёт рыбу в качестве аренды за лодку. И не просто лодку, а лодку с мотором! А хочешь, сходи с ним тоже на рыбалку, развеешься, воздухом речным подышишь, про азарт вспомнишь... Я скажу ему. У меня и удочки и сети есть...

Николай засмеялся:

– У вас, тётя Надя, как у доброй волшебницы, есть всё.

– Ты ещё многого не знаешь. В гараже у меня велосипед стоит, мотоцикл, а в поле трактор, а под навесом комбайн и ещё кое-что.

– Ничего себе! Откуда у вас всё это?

– Узнаешь сразу всё – и интерес ко мне пропадёт. А так... Ты рыбу с хлебушком кушай, костей в ней много. Я чай ставлю, или блины с молоком будешь?

– С молоком.

– Правильно! Чай в городе пьют, а в селе молоко, – она достала банку из холодильника и налила холодного молока в огромную кружку. – Горло не заболит?

– Этим не страдаю. А вы давно здесь живёте?

– Почитай уж сорок лет. Раньше я жила далече отсюда, в Николаевской области, а село называлось Степовое. Двадцать лет мне исполнилось, я уже работала бухгалтером в совхозе, и приехал к нам на практику студент из Саратовского сельскохозяйственного института, будущий аграрник. И как-то сразу мы понравились друг другу, встречаться стали, а когда его практика закончилась, свадьбу наметили на новогодний праздник. Полгода я прожила в Саратове. Он закончил институт и был направлен сюда агрономом, а через пять лет стал председателем колхоза. Работал мой муж, Иван Алексеевич, как заводной. И вскоре колхоз стал приносить большую прибыль государству... Ценили его, большие награды со званиями получал, даже предлагали в академию перейти, но он отказался. Любил свою работу. А когда всё стало разваливаться и деньги обесценились, он приватизировал себе девяносто пять гектаров земли, купил технику и стал преуспевающим фермером. Дело пошло хорошо. И сам в достатке был, и людей не обижал... Полтора года как схоронила его. Ничем не болел. Приехало как-то сюда большое начальство, и он с ними на зимнюю охоту пошёл, да там и провалился под лёд. За неделю сгорел, царствие ему небесное, – Надежда Митрофановна вытерла мокрые глаза.

Они сидели тихо, полумрак располагал к этому.

– Пойдём, Коля, новости посмотрим да и спать будем ложиться. Сегодня уж я твоим распорядком стану командовать, а завтра нам с тобой надо будет решить кое-какие проблемы.

5

За окном рассвет только занимался, когда Николай проснулся. Спать абсолютно не хотелось. Он надел спортивные штаны, кроссовки и тихонечко вышел на улицу. Было слегка прохладно. Он выпустил кур, дал воды собаке, сделал зарядку и искупался. Взяв топор, только начал колоть дрова, как вышла Надежда Митрофановна.

– Коля, доброе утро! Ты таким образом превратишь меня в барыню. Глаза открою, а всё уже сделано. Я должна двигаться, трудиться, а не сиднем сидеть, а то совсем разленилась. И так сижу, как старуха древняя, на завалинке и в дрёму пускаюсь. А мне всего пятьдесят шесть. Так что не разлагай меня.

– Доброе утро, тётя Надя! Я ничего ещё и не делал, только собой занимался. Правда, кур открыл да воду у Верного поменял, а вот что есть ему дать, не знаю.

– И он тебя не тронул? Значит, принял в свою семью, хозяина в тебе почувствовал. Обычно Верный чужих не любит. Это хорошо. Животное сразу разбирается, какой человек хороший, а который плохой. Пойдём, я налью собаке супа. На бойне ливер ему покупаю. Когда так даю, когда варю. Котов моих что-то не видно. Наверное, Васильевич опять не рыбалке был. Он им мелочь привозит... Нажрались уже и спят по кустам. Ты дрова не коли, у меня их полный сарай. Это для бани.

– У вас и баня есть?

– Есть, конечно. Завтра топить будем.

– Вот на завтра и наколю, чего из сарая таскать.

– Тебе что приготовить? Могу яичницу с колбасой, омлет, кашу или макароны с сарделькой...

– Давайте яичницу.

– Слушаюсь! И курицу вчерашнюю доешь. Кофе будешь пить, или молочка налить?

– Кофе.

– Меню согласовано. Занимайся дровами, а я пошла на кухню. Потом обойдём всё моё царство, всё тебе покажу, всё расскажу, потом решим одну важную проблему. Мысли кое-какие у меня появились. Сильно не расслабляйся, минут через пятнадцать-двадцать позову.

6

– А теперь, как и обещала, пошли на экскурсию. Дом ты мой видел наполовину. Есть ещё и второй этаж. Он разделён перегородкой. На одной половинке комната, а на другой чердак. Иван Алексеевич превратил его в склад. А что там лежит, посмотришь сам. Лестница в жилую комнату идёт из прихожей, вот ключ, пойди посмотри.

Николай поднялся на второй этаж. Это было большое помещение с двумя окнами, дающими много света. Посередине стоял круглый стол, покрытый красной, с огромными цветами, скатертью. Справа от входа находился шифоньер, а слева на стенке висел

посудный шкаф. На одной стороне размещался диван, на другой – кровать, в углу стояла этажерка с хорошо подобранными книгами.

Ему всё очень понравилось. Он спустился вниз.

– Я восхищён! – произнёс он.

– Это для гостей. За всю жизнь только два раза там и жили люди. А всё равно раз в месяц приборку там приходится делать.

На чердаке Николай просто ахнул от увиденного. Там аккуратно хранились коробки с посудой и сервизами, кухонный комбайн, дрели, швейная и стиральная машина-автомат и ещё масса коробочек, кулёчков и свёртков. По полу были проложены трубы водяного отопления. Теперь он вспомнил, что и в жилой комнате по углам тянулись такие же трубы.

«Как грамотно и с любовью сделано. Хозяйственный был муж у тёти Нади! Всё продумано до мельчайших подробностей. С годами наживалось имущество, и было где его безопасно хранить», – подумал Николай.

Он выключил свет, плотно закрыл дверку, запер её и спустился вниз.

– Ну как? – улынулась Надежда Митрофановна.

– Слов нет...

– Раз нет, пошли дальше. Только, Коля, не подумай, что муж мой, Иван Алексеевич, всё это нажил нечестным трудом. Кого-кого, а его все считали порядочным и справедливым руководителем совхоза. Потом он был депутатом на всех уровнях, включая и Верховный Совет, а там платили не деньги, а деньжищи. Он как поедет на заседание в Москву, так и везёт всё оттуда. Им это продавали в специальных магазинах за копейки. Собаку ты видел, курятник тоже...

– А я туда не заходил.

– Пойдём, посмотришь, как курочки у меня живут.

Они зашли в курятник. И снова Николай обомлел. Это было просторное помещение с бесчисленными стеллажами и гнёздами. Внизу по обе стороны стояли кормушки с зерном и посередине жёлоб с водой. Вода всегда была чистой и наполнялась из крана, вмонтированного в стену, вытекая с другой стороны в наружную яму. По обеим сторонам тоже проходили трубы отопления, а в крыше были вмонтированы окна, дающие свет.

– Здесь жить можно! – воскликнул Николай.

– Вот они и живут. Зимой всегда тепло, оттого и яйца несут. Там дальше несколько помещений для цыплят.

– Зимой окна снегом заносит?

– Нет. Стёкла как-то обогрываются, подробности не знаю, поэтому здесь всегда светло. И ещё лампочки горят. И два инкубатора имеется.

– Я в шоке! Америка отдыхает.

– Не знаю, как Америка, а я точно. Идём дальше. Вот баня. Открывать не буду, завтра посмотришь. Гараж, – показала она рукой. – Здесь средства передвижения. Вот старенький велосипед, а это мотоцикл, как называется, сказать не могу.

– Ничего себе! Это военный мотоцикл «Урал», если я не ошибаюсь. И почти новый. Вот это мощь, вот это сила! А можно мне потом прокатиться?

– А чего нельзя, конечно, можно. В нём и бензин, по-моему, есть. Идём. В этих сараях пусто. В одном коровки жили, а в другом – свинок держали. А здесь, под навесом, комбайн стоит и веялка, а трактор с сеялкой в поле. Я землю в аренду сдаю. От этого зерно получаю, овощи... Воц, – она показала пальцем, – подвал, где я храню припасы, а в том амбаре зерно лежит. Туда не пойдём, устала. Если захочешь, сам сходишь, ключи покажу где висят.

– Тётя Надя, а кто же вашей землёй сейчас распоряжается?

– Соколов Виктор Петрович. Он в нашем колхозе был главным инженером. Очень порядочный человек! На десять лет моложе будет Ивана Алексеевича. Они были друзья, не разлей вода. Вот ему я и дала попользоваться своей землёй. Да плюс ещё и у него земли столько же. И дочка вся в него, очень хорошая девочка. В Кургане в сельскохозяйственной академии учится, на экономическом факультете. В июле на практику к отцу приедет, а потом каникулы. Между прочим, не замужем. Сегодня вечером Виктор Петрович придёт к нам, за столом и порешаем, как нам жить дальше. Иди, надень что-нибудь, и пойдём в центр сходим. Сегодня у нас рынок, в магазин зайдём, хлеб надо купить и спиртное на вечер. Нам вино, а мужчинам покрепче. И приедет тебя хочу.

Николай попытался что-то возразить.

– И даже не перечь мне. У нас с тобой ещё предстоит на эту тему длинный разговор. А если ты насчёт денег, – она махнула рукой, – не переживай, разбогатеешь – отдашь.

7

Купив хлеб и всё, что намечали, они двинулись на площадь, где были развёрнуты палатки с одеждой. Николая тут же лишили слов, и он только примерял или махал головой, нравится ему это или то.

Часа через два он был одет полностью, снизу доверху. Сюда входили: костюм, четыре рубашки, майки, футболки, джинсы, брюки, шорты, двое полуботинок, тапочки, шлёпанцы и всё остальное, включая десять пар носков.

– Это тебе пока на лето, – произнесла довольная Надежда Митрофановна. – Донесёшь или за мотоциклом сходишь?

– Донесу, – сказал он, забрасывая огромный полиэтиленовый мешок за спину. – Тётя Надя, зачем вы так потратились? Я неловко себя чувствую.

– Знаешь что, Коля, я живу одна, и надеяться на то, что домой вернётся дочь, так же нереально, как найти клад на огороде. Я вот что думаю, сынок, оставайся жить у меня. Пропишу тебя и завещаю дом, землю и всё имущество. Осенью заочно пойдёшь учиться. Сегодня вечером с Виктором Петровичем мы всё и решим. Может, вместе с ним объединишься на первых порах, и начнёте вести общее хозяйство...

– Тётя Надя, вы же меня абсолютно не знаете. А вдруг...

– Милый мой, я в жизни много чего и кого видела. Поверь, умею разбираться в людях и могу сразу отличить плохого от хорошего.

8

Под вечер пришёл широкоплечий, коренастый мужчина в вытертых джинсах и футболке. На плечи была наброшена спортивная куртка. В его внешнем виде чувствовалась сила и твёрдый, волевой характер.

– Виктор Петрович, – крепко пожал он руку Николаю.

Вместе с ним пришла его жена, Татьяна Ивановна, напоминающая своей строгой красотой актрису Валерию Заклунную.

В конце ужина Виктор Петрович наполнил рюмки.

– Ну что, моряк, ты готов с завтрашнего дня пойти на работу?

– Готов, – твёрдо сказал Николай.

– Почему не спрашиваешь, на какую?

– Главное, что с землёй буду работать, а кем – не важно. Если в дело вкладываешь свою любовь и душу, а земля это чувствует, то она вознаградит потом за это своим урожаем.

– Молодец, хорошо сказал. Надежда Митрофановна, стоящий человек к тебе пришёл. Из него выйдет толк. За тебя, Николай! – и все выпили. – Но пока пойдёшь на трактор. У меня тракторист ногу поломал. Потянешь?

– Потяну.

– Вот и славно. А за осень не волнуйся. Восстановим тебя в нашем институте. На заочное отделение пойдёшь?

– Так точно!

– Вот и лады. А там дальше видно будет... Завтра в шесть часов без опозданий на стан. А сейчас будем прощаться. Надо и поспать немного.

9

– Ну, как тебе этот Виктор Петрович, сынок? – спросила тихо тётя Надя.

– Толковый мужик! Люблю таковых. Всё конкретно, поделовому. Терпеть не могу, когда мужик сопли жуёт. От таких никакого толку, одна болтовня.

– Вот и славно! В добрый путь, мой хороший! Благослови тебя, Коленька, Господи! Я такая радостная...

10

Шли годы. Виктор Петрович и Николай объединились, создав огромное фермерское хозяйство, которое теперь занималось и земледелием, и животноводством. Коля окончил институт, а через полтора года женился на Ольге, дочери Виктора Петровича. Вскоре у них родились двойняшки, мальчик и девочка.

Надежда Митрофановна не могла нарадоваться на своего приёмного сыночка. Всем он её тешил. Теперь она всецело занялась воспитанием их детей.

А Виктор Петрович с Николаем параллельно занялись благоустройством села. Строили дома, ремонтировали дороги, возвели шикарный Дом культуры, детский сад, школу, насытив её компьютерами. На большой площади посадили фруктовые деревья. Жизнь в селе резко преобразилась. И уже никто отсюда не уезжал, а наоборот, стали прибывать к ним новые силы. Другие фермеры тоже тянулись к ним.

Дети подросли и пошли в школу. И повела их за ручки самая счастливая на свете бабушка – Надежда Митрофановна. За ними с огромными букетами цветов шли родители, Николай и Ольга. Рядом гордо шествовали Виктор Петрович и Татьяна Ивановна.

А впереди и сзади тоже шли празднично одетые и счастливые люди. Ведь жить в радости и труде на благо себе, селу и стране – великое счастье.

Отпраздновав Рождество, Надежда Митрофановна сильно простудилась и слегла в койку. Как потом выяснилось в больнице, у неё диагностировали сливную пневмонию. Через три дня она, не приходя в сознание, умерла.

Николай для своей второй мамы справил пышные похороны и заложил в её честь на взгорье церковь.

Прочитав это, люди скажут: мол, такого не бывает, сказки всё это.

А вот и бывает! К великому сожалению, очень и очень редко. Но очень хочется, чтоб так было везде.

Ведь именно труд является источником счастья, радости и благополучия!

Была когда-то замечательная песня, в которой звучали лозунгом слова: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...»

Скорее бы стало таких сказок больше!

Напрочь забыв притчу, что рождённый ползать летать не может, я, в 2013 году издав книгу «По местам стоять!», захотел написать пьесу о флоте, его быте, тяжёлой, суровой, но почётной службе. И чтобы – с юмором, с огоньком!

Это желание было настолько сильным, что затмило всё остальное. Думалось только об этом.

Прочитав несколько пьес Островского, Чехова и Горина, я решил, что готов это сделать, воочию наблюдая происходящее на сцене, слыша голоса героев и звучащую из оркестровой ямы музыку.

В конце концов, творческие муки привели меня в Союз писателей к Качурину Вячеславу Тимофеевичу.

Сев за стол, я поделился с ним своими планами.

– Хочешь – пиши, – без энтузиазма посоветовал он. – Только это совсем другой жанр. Тут каждое слово, сказанное со сцены, несёт в себе глубокий смысл. Думаю, пьесу ты написать не сможешь. У тебя получаются хорошие рассказы с живым юмором и ненадуманной трагедией. Вот и пиши их. А пьеса... Забудь о ней.

На фото: А. В. Вербец и А. В. Финогеев.

– Вячеслав Тимофеевич... – канючил я.

– Хорошо. Я познакомлю тебя с местным светилой, заслуженным артистом Украины, профессиональным драматургом Вербецом Альбертом Васильевичем. Мне даже кажется, что вы с ним земляки, он вроде бы тоже родом из Пензенской области.

Созвонившись с Альбертом Васильевичем, мы встретились на улице Потёмкинской и медленно пошли в сторону театра, где он работал. Была весна. Ласково грело солнышко, деревья одевались в свои зелёные платья, и неистово горланили воробьи.

Мы представились друг другу. Передо мной предстал в сером свитере, чуть выше среднего роста, сухопарый, подтянутый, уже в возрасте мужчина со слегка мясистым носом, растрёпанными ветром волосами и не совсем ухоженной седой бородкой.

Его прищуренные, глубоко посаженные, с хитринкой глаза смотрели на меня пронизательно и изучающе. Они искрились неподдельной простотой и добротой. В нём не было напыщенности и высокомерия, а исходило тихое спокойствие. Говорил Альберт Васильевич негромко, приглушённо, слегка в нос, шёл неторопливо.

Внешне он несколько не отличался от тех, кто сотнями проходит мимо тебя и на кого ты никогда не обращаешь внимания.

Мы неторопливо шли, а я с пеной у рта рассказывал, доказывал и очень хотел произвести на него положительное впечатление. Он слушал не перебивая, слегка сощурился глазами, и улыбался.

– Я, к сожалению, из-за большой занятости в театре и работы над новой книгой своих пьес не смогу тебе физически уделить много времени, но советами, основами драматургии помогу обязательно. Ты пиши, привози, а я почитаю, дам оценку и подскажу, как писать дальше.

Он долго рассказывал, как пишутся пьесы, а я, получивший благословение Маэстро, был в таком неопишемом восторге, что практически эти советы и не слушал.

– Такое условие нашего сотрудничества тебя устроит? – спросил он, когда мы подошли к театру.

– Вполне! Спасибо вам.

– Вот мой телефон, – протянул он визитную карточку. – Пиши, звони, – Вербец, прощаясь, протянул руку. – Извини, мне надо идти

на репетицию. Ты хоть подари мне свои книги, почитаю, о чём ты пишешь. Между прочим, мы с тобой отчасти коллеги. Я несколько лет отработал в Мурманском драматическом театре Северного флота и даже пьесу написал о подводниках, но её запретили. Члену Военного Совета не понравился длинный диалог офицера в момент поломки на лодке атомного реактора. Он написал красной пастой: «К постановке не разрешаю! В сложной ситуации офицер должен решение принимать мгновенно, а не разглагольствовать в течение десяти минут!»

Правда, потом эту пьесу всё равно поставили, даже в нескольких театрах страны. И она имела большой успех.

– Здорово! – искренне порадовался я. – Вячеслав Тимофеевич сказал, что вы тоже из Пензенской области.

– И ты оттуда?

И здесь мы нашли ещё одну точку соприкосновения. Я понял: «Пьесе – быть!»

– До свидания, Саша, я пошёл, а то мне ещё переодеться надо, грим кое-какой нанести.

Мы расстались, а я помчался реализовывать свою мечту.

Начались мои мытарства. Я писал, а он читал и браковал. Я снова писал, а он браковал, внушая каждый раз понятия об особенностях пьесы и драматургии в целом. Доказывать что-либо было просто невозможно и бессмысленно. Но я упорно продолжал писать. Писать днём и ночью. Каждый раз мне казалось: теперь всё написано гениально и пьеса вызовет у всех восторг, – но в ответ слышал то же самое.

Так прошло чуть более года, а мечта так и осталась мечтой. С пьесой ничего не вышло, а радужные надежды рассеялись.

– Саша, – говорил он улыбаясь, – читаю твои рассказы. В них ты мастер, я от смеха просто рыдаю. Зачем тебе была нужна эта ненужная затея? Больше не терзай себя. Только время зря потратил. Не каждый писатель, даже самый одарённый, способен написать пьесу. Ведь в ней каждая фраза, каждое слово имеют определённый смысл. Тут нужен совершенно другой склад ума. Ты что-нибудь новенькое написал?

– Немного есть.

– Пришли на мою электронную почту. Хочу почитать.

Занятый трудом праведным, я около года не заходил в Союз писателей.

– Что, Саша, принёс билеты на премьеру? И какого числа она состоится? Мне надо костюм погладить и цветы купить для автора, – заметил с хитрой улыбкой Качурин.

– Вам весело?..

– Я тебе сразу говорил, что не надо заниматься тем, чем не следует заниматься. Не расстраивайся. Садись к столу. У меня есть для тебя успокаивающие капли.

Он достал из шкафа начатую бутылку коньяка и уже порезанную колбаску. Мы молча выпили.

– Теперь ты понял, что это не так просто? Так бы все стали писать пьесы. Даже я! Пишешь рассказы, получаются – и пиши. Их и печатают, и читают. Славы ему захотелось... – и он снова засмеялся.

С Альбертом Васильевичем мы продолжали встречаться, у нас были общие интересы, и нам эти встречи приносили обоюдную радость. Иногда мы созванивались, несмотря на его постоянную занятость в театре.

Не могу сказать, что за это время мы стали друзьями, но хорошими приятелями – точно.

Шло время. Я усиленно что-то печатал на компьютере, когда в начале декабря, вечером, что было само по себе необычно, зазвонил телефон.

– Вербец, – послышалось в телефоне.

– Узнал, Альберт Васильевич. Что случилось?

– Саша, ко мне завтра приходят гости, у тебя есть парочка смешных анекдотов?

Я рассказал. В трубке послышался смех.

– Подожди, я запишу, чтоб не забыть.

Было слышно, как он скрипит ручкой по бумаге.

– Спасибо, спокойной ночи, – и телефон отбился.

Когда приходят газеты, я в обязательном порядке их перед сном просматриваю.

Открыв однажды «Вечерний Николаев», я обомлел. На последней странице в чёрной рамке был помещён портрет Альберта

Васильевича Вербеца, значимого человека в Николаеве и Украине. Вот несколько выдержек из некролога, разрывающих сердце пополам:

«Совершенно неожиданно ушёл из жизни наш известный драматург, актёр Академического русского художественного драматического театра, заслуженный артист Украины Альберт Васильевич Вербец.

И мы с болью принимаем сей факт...

Мы не забудем его, пока в памяти – блестящие роли, сыгранные на сцене театра русской драмы на протяжении практически сорока лет. И помним его глубокие драмы, трагикомедии, сказки, которые шли в театрах бывшего СССР и всей Украины...

В историю драматургии и театра навсегда вошли такие произведения А. Вербеца, как «Восьмое чудо света», «Новоселье», «Экипаж Летучего Голландца», «Дорога из Черного царства», «Голгофа», «Марья-краса – Золотая коса», «Избушка на курьих ножках», «Из ночи в ночь», «Каменный цветок» и другие».

Мне о его кончине никто не сказал и не позвонил, и я не смог с ним попрощаться. Человека, а хорошего человека тем более, обязательно надо было проводить в последний путь. Тем более приятеля, коллегу и земляка.

Он умер на 72 году жизни, переполненный творческими планами и безудержной энергией.

Альберт Васильевич родился 18 марта 1943 года в селе Салтыково Салтыковского района (теперь это Земетчинский район) Пензенской области. Как шутил он: «Не было б в этот день Дня Парижской коммуны, я бы не стал появляться на свет».

Это было трудное для страны время, когда, недосыпая и недоедая, люди делали всё для фронта, для победы.

Отца Альберт Васильевич не помнил, он умер, когда ему не было и трёх лет.

Мама, Полина Петровна, была учительницей и работала не покладая рук с утра до ночи, в две смены, чтобы прокормить четверых детей. Старшая дочь в это время училась в Московском университете, а трое мальчиков жили с ней.

После смерти мужа Полина Петровна переезжает к родственникам в Липецк. Здесь Альберт оканчивает среднюю школу и в

1961 году поступает в Ростовское художественное училище имени М. Б. Грекова. С 1965 года актёр Вербец начинает свой долгий путь к Олимпу.

Он работает актёром в театрах Новочеркаска, Вологды, драматического театре Краснознамённого Северного флота в Мурманске, Рязанском ТЮЗе.

Поначалу трудно складывалась его актёрская судьба. Профессия требовала большой самоотдачи. Несколько раз пытался уйти из актёрской профессии. Не получалось. Возвращался снова.

В 1975 году он переезжает в Николаев, где до конца дней своих служил в Русском драматическом театре, вначале актёром, а затем и как режиссёр-постановщик. Поставил более десяти спектаклей в Николаеве, Киеве и других городах.

В 1968 году Вербец увлекается драматургией. Первая же его драматическая новелла «Глубина» получила высокую оценку специалистов.

Окрылённый успехом, он за два года пишет ещё три пьесы.

Всего же Альберт Васильевич написал полтора десятка пьес, большинство из которых поставлены в Николаевском художественном русском драматическом театре, театрах Украины и бывшего СССР, в том числе на сценах Киева и Санкт-Петербурга. Многие пьесы переведены на украинский, белорусский, таджикский, английский языки. Все его пьесы увлекательны, здравы по смыслу и жизненно правдивы, а те, что написаны для детей, – смотрятся с затаённым дыханием. Герои пьес реалистичны, со сложными, колоритными и выразительными характерами, поднимающие актуальные проблемы нашей сложной жизни.

За сорок лет театральной деятельности им сыграно множество разноплановых ролей в театре и кино, поставлены десятки спектаклей, выпущены сборники пьес.

В 1988 году Вербеца приняли в Союз писателей СССР.

В 1991 году Альберт Вербец оканчивает Высшие литературные курсы Московского литературного института им. А. М. Горького.

Жена Вербеца, актриса Слобожанинова Светлана Борисовна, – заслуженная артистка Украины. Сын Сергей работает в Москве.

В 1999 году Указом Президента Украины актёру Николаевско-го художественного русского драматического театра Вербецу Альберту Васильевичу было присвоено почётное звание заслуженного артиста Украины.

А 21 апреля 2015 года в Центральной библиотеке имени М. Л. Кропивницкого города Николаева состоялся творческий вечер Альберта Васильевича и презентация его нового сборника пьес «Из ночи в ночь», которые вызвали у почитателей его таланта большой интерес. На сцене звучали сцены из спектаклей театра и отрывки пьес автора в исполнении самого Маэстро и молодых актёров театра. Пелись песни, Вербец читал дружеские шаржи на своих коллег.

Собравшиеся, а их было очень много, это и актёры театра, и собраты по перу, друзья, родственники и просто люди, кто ценил и любил творчество этого актёра, тепло встретили выход в свет этого сборника пьес.

Неумолкающие аплодисменты долго звучали в зале библиотеки в честь талантливого актёра и драматурга.

А он стоял и беспрестанно кланялся, прижав руки к груди. По его щекам текли слёзы. Это были слёзы радости за проделанный труд и предчувствие скорого расставания.

Альберт Васильевич подарил мне свою книгу с дарственной надписью.

После этого мы с ним больше не встречались, лишь только один раз разговаривали по телефону.

Решаеву
Спасибо!
Ты мне бесценен
в радость!
Ты жебь хочь зиньто;
свезаженое само
радишь Тебже
ну, хочь а бес Тиме мриво
На память!
апрель 2015 г.

Альберт

ЖИТЬ, ЧТОБЫ ВЫЖИТЬ

Документальная повесть

Ведёт Судьба человека своей дорогой, и кажется ему, что эта дорога прямая-прямая и уходит прямо за горизонт. И шагает он по ней, теряя бдительность и внимание.

Часто случается, что эта самая дорога делает резкий, крутой поворот, а человек, увлечённый своими радужными мыслями, и не замечает этого, продолжая идти прямо, со всего маху летя в кювет.

И всё у него рушится, жизнь становится адом, а радость – горем. И солнце уже не светит, и небо сплошь покрыто тучами, и в глазах не видно огня...

Через много-много лет я встретил своего старого сослуживца по бригаде, Олега Тамолина*, явно замученного этой самой судьбой и жизнью. В его глазах не было блеска, который присутствует у всех, чья жизнь сложилась благополучно, радость на лице не отражалась, а о душевном настроении и говорить не было смысла. Глаза излучали скорбь человеческой души. Передо мной стоял молодой старичок, побитый со всех сторон и судьбой, и жизнью, и людьми.

* Фамилии героев этой повести изменены по этическим причинам.

Каждый знает, что у тельняшки две полосы – чёрная и белая. Точно так же и в жизни. И ширина одной из полос может быть безмерно большой. В конкретном случае эта тёмная полоса у него затянулась на многие годы.

Мы сидели за столиком небольшого кафе, пили коньяк, а я, включив диктофон, слушал его исповедь. И казалось, этой печальной истории не будет конца.

– Всё возникло прозаично! – он закурил. – Начало нового тысячелетия принесло в нашу 181-ю бригаду строящихся и ремонтирующихся кораблей сумятицу и брожение. Положение в государстве зеркально отражалось и на военной службе. Всё рушилось, началось сокращения. В конце января 1999-го сократили и меня, флагманского штурмана бригады. А это означало одно – возвращаться в Севастополь и всеми силами попытаться найти себе достойную должность, что было чрезвычайно трудно. С учётом того, что в «академиях» я не учился, Главным штурманом Черноморского флота мне была предложена должность дивизионного штурмана тральщиков Охраны водного района (ОВРа). Эта должность была, естественно, ниже по штату, чем та, на которой я служил в Николаеве. Перебирать «харчами» было не с руки, и я согласился.

По ходу дела выяснилось, что особо там меня никто и не ждал, а на случай, если вдруг не буду справляться, прикрепили ко мне ещё и преемника. Когда я представлялся о назначении всем начальникам в бригаде, наконец дошла очередь визита к начальнику политического отдела бригады, капитану первого ранга Верникову Ю. В., являющемуся «серым кардиналом» в этой части и, по слухам, владельцем автобизнеса нескольких городских маршрутов Севастополя. Первое, о чём он заявил, даже не поинтересовавшись, кто я и что я, чтоб у меня не возникало никогда никакой мысли о постановке на очередь по распределению жилья. Именно это и было первым серьёзным ударом по мне, ведь я же сюда был назначен без согласования с ним! А без его ведома ничего в жизни бригады, военнослужащих и гражданского персонала не решалось, будь то назначение, присвоение воинского звания, ну и само собой разумеется – распределение материальных благ. Денежное довольствие тогда задерживали на два, а то и более месяцев, нерегулярно

выдавался продовольственный паёк. И только «с санкции» главного идеолога бригады, и не так часто, эти блага были доступны. Особыми заслугами, естественно, пользовались его любимчики – осведомители, а попросту стукачи. Зачастую даже в отпуск уйти можно было лишь с «добра» Верникова.

Командование дивизиона тральщиков и сослуживцы оказались либо моими однокашниками по училищу, либо отнеслись к моему появлению благосклонно – лишь бы не доставлял хлопот и справлялся с обязанностями.

Начальником штаба дивизиона был капитан третьего ранга Чижик Д. И. Он тоже был моим однолеткой по выпуску, с одной лишь разницей, что заканчивал Бакинское военно-морское училище. Одним словом, коллектив оказался сплочённым, но по-своему «закрытым».

И вдруг в бригаде происходит ЧП! Чижик к этому времени уже был командиром дивизиона.

Перед самым Новым годом в бригаде произошёл вопиющий случай с утратой Журнала боевой подготовки начальника штаба дивизиона, капитана третьего ранга Сланова Д. И., бывшего до этого политработником. И до сих пор никто не знает правды о том, как он его проворонил. Что тут началось! Во-первых, дивизиону ввели усиленный режим службы без схода на берег. Искали или изображали поиск по всему причалу и на всех тральщиках, стоящих у стенки. Под Новый год заместитель командира бригады капитан первого ранга Палек всё же разрешил сходной смене съездить по домам к семьям. Но до этого со всеми «ненадёжными» элементами, в число которых попал, оказывается, и я, проводил беседы начальник политического отдела бригады, капитан первого ранга Верников. Меня он вызвал как бы по случаю, и сразу, как только я зашёл в его кабинет, начал меня страшить. Я о себе столько узнал: и что я украл журнал, и что я непорядочный и распущенный офицер, и многое-многое другое. Он уже и милиционеров с военной прокуратурой хотел подключать, чтоб меня определили в камеру только с одной целью – чтобы я раскололся и дал показания, куда дел злополучный журнал. Вытерпеть подобное обвинение было невозможно. Его необоснованные упрёки я слушать не

стал, а хлопнул дверью и убыл в расположение части. Но через пару дней этот злополучный журнал выгребли из мусорного бака на улице Советской без двух или трёх листов (видно, кто-то использовал их по назначению, не зная, а может быть, и зная о том, что они все грифованные). Порядочные дворники отнесли его в гарнизонную комендатуру. Это произошло уже второго января. И всё равно я остался врагом для этого человека. А горький осадок в душе живёт до сих пор.

Олег постоянно курил и пил, практически не закусывая. Было видно, как он вновь переживал всё то, что с ним произошло более десяти лет назад.

– Олег, – предложил я, – думаю, нам пора на свежий воздух. Пойдём на Приморский бульвар, вдохнём запах моря.

– Может...

– Нет. На сегодня достаточно. Мы будем сидеть, дышать, а ты ещё и рассказывать. Возражения не принимаются.

– Согласен, – кивнул он головой.

Мы вышли из кафе и медленно побрели к морю. Лёгкий ветерок нёс прохладу. Мы сели на скамеечку под платаном, и я включил диктофон.

– Давай, Олег, продолжай. Я слушаю тебя.

– Прошёл год моей службы в ОВРе. Семья проживала на птичьих правах в общежитии. И тут я чисто случайно узнаю, что бригадная жилищная комиссия, председателем которой является всё тот же Верников, утвердила распределение жилья офицерам с ТАКИМ малым сроком службы, что сразу стало понятно – не видать мне хаты, если сидеть ровно! И написал я рапорт на имя командира бригады, капитана первого ранга Глицая С. П., с просьбой поставить меня на жилищный учёт. Переписка с комбригом оказалась очень неблагоприятным делом, учитывая то, что она шла вразрез с мнением начальника политотдела. Эта переписка была крайне утомительной и бюрократичной. Чем бы она закончилась, не знаю, но в апреле 2000 года пришло время весеннего сбор-похода кораблей и судов Черноморского флота. Для экипажей тральщиков это период круглосуточной и рутинной работы.

Штаб нашей бригады был размещён на флагманском тральщике МТЩ «Наводчик». Основная задача у нас на сбор-походе –

организовать и провести ряд учебно-боевых упражнений, свойственных данному типу кораблей, а впоследствии грамотно обработать эти данные и составить отчёт по призовому тралению на приз Главкома ВМФ.

Корабли отработаны, и всё обычно проходит без сучка и задоринки, так как из года в год это проводится одними и теми же людьми. Апогеем каждого сбор-похода является боевое упражнение с ракетными стрельбами. Для непосвящённого человека поясню, что в определённом месте открытой акватории Чёрного моря установлены стационарные бочки. Их местоположение выверено до миллиметра, и они отмечены на всех навигационных картах. Стрельба происходит с берега береговыми ракетными комплексами и с ракетных кораблей, находящихся в море. Этот район всеми имеющимися средствами связи заблаговременно объявляется закрытым для судоходства и при помощи «тружеников» моря – буксиров – оборудуется специальными судами-мишенями.

Но это ещё не всё! Около двух десятков кораблей и судов флота при этом привлекается к закрытию указанного района с определением им линии дозора с одной лишь целью – не допустить в район постороннего судна или летательного аппарата, потому как если таковые обнаружатся, они будут классифицированы как потенциальная цель для ракеты. Её выпустили, головка самонаведения сработала – и поминай как звали!

Для МТЩ «Наводчик» была определена линия дозора на одном из самых интенсивных в судоходном отношении участков Чёрного моря – от пролива Босфор в Крым. Но в этом деле оказалась маленькая неувязка – командира штурманской боевой части корабля не оказалось на борту при выходе его в море. Он незадолго до этого уволился из вооружённых сил. Для меня всё шло одно к одному!

Командир дивизиона Чижик даёт мне, дивизионному штурману, приказание выйти в море для исполнения всех обязанностей штурмана этого корабля. Я что – звякнул «шпорами», дело-то знакомое, сказал «есть» и вышел в море. Времени на то, чтобы подготовиться или что-то проверить, наладить технические средства, не было вообще. Выйдя в море и покинув прибрежную зону, я выяснил, что основной прибор для координирования места корабля в море по спутникам находится в нерабочем состоянии.

В период перестройки флот массово страдал от охотников за техническими драгметаллами. А исполнительный мичман, находящийся в подчинении командира штурманской боевой части (БЧ-1), во избежание разграбления вверенной ему техники взял да и по-вынимал все блоки из стойки прибора и аккуратненько сложил их у себя в каюте в рундук. Согласно закону парных случаев, мичмана на борту корабля тоже не было, он находился в госпитале. Кто же мог знать, кто же мог знать, куда дел он эти субблоки!

Проявил я тогда смекалку и сделал в навигационный журнал запись (если кто не знает: все записи делаются исключительно простым карандашом – таковы правила ведения), что начал проведение учения при плавании корабля по счислению. Другими словами – без определения точного места корабля, а лишь учитывая текущее место подручными средствами с учётом сноса течением и дрейфа от ветра. А как по-другому, корабль-то не развернёшь в базу – боевое распоряжение следовало выполнять. Вот таким образом, ближе к шести утра, по моим расчётам, корабль прибыл на заданную линию дозора. А далее, согласно боевому распоряжению, кораблю следовало по этой линии непрерывно ходить обратными курсами с заданной скоростью, чтобы максимально увеличить вероятность обнаружения попытки проникновения в закрытый район ракетных стрельб каких-нибудь объектов.

Комдив Чижик, страстный любитель сэкономить на дизельном топливе, дал команду командиру корабля застопорить ход и лечь в дрейф, что мной как вахтенным штурманом было тоже зафиксировано в навигационном журнале. Сам же Чижик до расчётного времени начала стрельбы отправился в каюту поспать.

Корабль дрейфует, а вахта несётся по ходовому и, естественно, документация тоже ведётся вся ходовая: вахтенный и навигационный журнал, журнал контроля за надводной и подводной обстановкой, а самое главное для Чижика – журнал в Посту энергетики и живучести с работающими судовыми механизмами, включая, конечно, и главные двигатели. Доклады о чистоте района производились с маниакальной скрупулёзностью.

Но в ту ночь и всё утро над морем был жутчайший по своей плотности туман – прямо сплошное молоко, что буквально делало

напрасным всё визуальное наблюдение. Но стрельбу почему-то никто переносить не собирався.

Подошло время «Ч», и от берега стартовала первая ракета на гиперзвуковой скорости, устремившись к установленным в открытом море мишеням. И в тот же миг в эфире на всё море прозвучал истошный крик: «В нас прямое ракетное попадание выше ватерлинии!!!»

Что в этом случае сразу делается? Правильно – замечаются следы. И по флоту вводится режим полного радиомолчания.

Наконец выясняется, что ракета, выпущенная по одной из мишеней, попала в теплоход «Верещагино», следовавший из Стамбула в Скадовск с партией кожаных изделий. То есть пострадали современные капиталисты.

По первой информации с пострадавшего судна получалось, что они должны были пройти как раз через линию дозора МТЩ «Наводчик». Вот с этого момента на ГКП «Наводчика» началась истерия! От Чижика не запахло – засмердело животным страхом быть уличённым в злоупотреблении служебным положением. Причин – предостаточно! Ведь вся документация велась исправно, и она явно свидетельствовала о том, что корабль не выполнил своего предназначения на линии дозора. Но... голь на выдумки хитра! Начал меня Чижик уговаривать стереть из навигационного журнала все или хотя бы часть записей о дрейфовании корабля. Он сам как бывший штурман понимал, что такого делать нельзя, и получил от меня отказ. Тогда он приказывает переписать навигационный журнал и, соответственно, вписать в него фиктивные записи с передвижениями и местонахождениями корабля. Короче, надавив морально, он пообещал, что вся ответственность полностью ляжет на него. В итоге несколько человек, включая и меня (чтоб почерки были разными), весь путь до базы переписывали этот злополучный журнал.

Чтоб я был в тонусе и расчёты правильные делал, мне фельдшер всю ночь таблетки кофеина таскал из амбулатории. Другими словами, чтобы записи в навигационном журнале стали фактическими и к ним никто не смог придраться, их непременно нужно рассчитывать на навигационных картах и планшетах и эти расчётные данные сохранить для предстоящей прокурорской проверки.

Когда корабль с унынием возвращался в базу, мы понятия не имели о последствиях «ракетного удара». Готовились к самому худшему. А худшее на причале было представлено рядом должностных лиц из штабов бригады и флота, выстроившихся на причальной стенке, как на строевом смотре. Вид у них не предвещал ничего успокаивающего и обнадеживающего. Они, как цепные собаки, с готовностью ждали, чтоб побыстрее добраться до корабельной документации и до нас, вымотанных таким походом.

Флот – это театр не только боевых действий, но и театр выживания. Овровцы в этом отношении ребята тёртые. Они и тут нашли выход. Когда корабль кормой подходил к стенке на швартовку, его правый борт умышленно коснулся рядом стоящего тральщика. Этого касания было вполне достаточно, чтобы подготовленный мичман с несколькими переписанными, но не зарегистрированными журналами, включая, естественно, и мой, как кошка, скрытно перебрался на соседний корабль, а оттуда бегом в секретную часть штаба, чтоб проштамповать всю документацию, а когда сходяня была спущена на причал, как ни в чём не бывало пронести журналы за пазухой вновь на корабль.

Комиссия заработала с волчьей страстью, все документы были изъяты для проверки. Подвоха уловить никто не рассчитывал. Но он всё-таки нашёлся.

Проверкой штурманских расчётов занимался заместитель главного штурмана ЧФ, капитан первого ранга Кузнец Г. И. Он тупо проанализировал расчёты на навигационных картах и в журнале, найдя в них механические описки, что в итоге вылилось в виде акта о том, что штурманская прокладка полностью не соответствует установленным требованиям, и нарушения в расчетах привели к ошибочному местоположению корабля с невязкой в 5,2 мили. Не мог же я тогда заявить ему, что всю ночь под кофеином пересчитывал эту прокладку и журнал по «просьбе» своего непосредственного начальника.

Итог проверки был плачевен. У Министерства обороны в лице Черноморского флота была своя задача в решении вопроса этого инцидента. Чтобы замять это грязное дело, надо наказать всех, пусть даже невиновных. От командира бригады всем было вынесено «неполное служебное соответствие», и это с учётом того, что на

теплоходе «Верещагино» был лишь один пострадавший – раненый в ноги 3-й механик. Даже трудно себе представить, что могло бы быть в случае наличия на судне хотя бы одного погибшего члена экипажа или вообще его затопления.

Пройдёт время, и мы узнаем вопиющий факт: оказывается, теплоход «Верещагино» немногим ранее того, как МТЩ «Наводчик» занял свою линию дозора, в нарушение запрета вошёл в район ракетных стрельб и на момент старта первой ракеты был ошвартован у одной из мишеней! Воистину, нет границ человеческой тупости и глупости. И не только теплоход «Верещагино», но и многие другие последователи контрабандного промысла частенько стояли на этих самых бочках. Какое им дело до каких-то ракетных стрельб, у них, видите ли, бизнес! А из-за этого разгильдяйства пострадали невинные люди.

В отношении меня дело не обошлось без командования бригады ОВРа, и Верникова в первую очередь. Уж как-то слишком ретиво стали меня «мочить», причём, как водится в таких случаях, – чужими руками. Почти сразу же после окончания сбор-похода и «награждения» НССом мне предложили пойти в отпуск, даже не задействовав в оформлении отчётности по призовому тралению, что уже само по себе должно было насторожить. За время отпуска «отцы командиры» отменили мне НСС от командира бригады и перед выходом на службу из отпуска, приказом уже командующего ЧФ, я был отстранён от занимаемой должности и назначен на нижестоящую должность – штурманом на тральщик. Вот тогда я и понял, кто есть кто.

Комдив Чижик первый повернулся ко мне тем местом, которое так у себя оберегал. Но самое активное участие в этом приняла «правая рука» замполита Верникова – помполит дивизиона капитан третьего ранга Виноградский. Какие он только не изобретал извращённые методы по превращению меня в «козла отпущения». По всему стало ясно, что командиры ОВРа так и жаждут отторгнуть меня от себя подальше. Здесь метод «Нет человека – нет проблем» сработал чётко! Особенно это проявилось после моей долговременной переписки с гарнизонной и флотской прокуратурами, в которых я пытался найти правду и хоть какую-то управу над

начальствующим беспределом. Активизировались и кадровые работники ОВРа. Кадровик Феленко заявил, что сделает на меня представление с назначением на должность заместителя коменданта города Моздок. А что, прекрасная перспектива в одночасье лишиться и проблемы, и свидетеля! И здесь тоже чувствовалась направляющая рука вездесущего Верникова. Не знаю, правильно ли я сделал, но пришлось кадровика во всеуслышание послать на три буквы! И тогда, уже в качестве командира боевой части на тральщике, те же Чижик, Виноградский и иже с ними начали готовить меня к увольнению. Тянулось это больше года. За этот период времени я был обеспечен исключительно «голым» окладом денежного довольствия, а о каких-либо премиях и помышлять не мог – начальники неумолимо всё резали под ноль.

В итоге командир бригады руками моих начальников заполнил мою служебную карточку очень нелицеприятными взысканиями (четыре только за пьянство) и подписал представление о моём досрочном увольнении за несоблюдение условий контракта. Приказ о моём увольнении командующий Черноморским флотом подписал. Иными словами, вышвырнули меня без жилья и права на что-либо, с выслугой семнадцать с небольшим лет.

Так человек оказался на распутье. И сзади мосты сожжены, и впереди пропасть. В этот критический для меня момент я встретился в пивном баре со своим давним сослуживцем по Николаеву, Сашей Щадило. Теперь он в Севастополе служит в отделе воспитательной работы всё той же ОВРы.

Скажу честно, многие глобальные проблемы решаются в простой и непринуждённой обстановке.

Как вариант, Саша, будучи проинформированным о скором визите в Севастополь начальника Главного управления кадров ВМФ, вице-адмирала Ярыгина В. П., предложил записаться к нему на приём для разрешения моего вопроса.

Как это полагается, через приёмную начальника отдела кадров флота мной был подан рапорт. Но... военная бюрократическая машина снова творит чудеса, и мой рапорт просто бесследно растворился в кабинетах отдела кадров. Нельзя же им было допускать меня до высокого начальства, ну не с руки!

И что тогда делает загнанный в угол офицер? Идёт ва-банк! Осведомлённый о времени и дате визита главного кадровика ВМФ, я, с иголки одетый, прихожу в штаб бригады ОВРа. Увидев меня, комбриг Глицай приказывает мне немедленно покинуть территорию бригады. Не перечая, я выполнил его требование и занял позицию у ворот части. Когда показалась ведомственная «Волга» отдела кадров Черноморского флота, я встал на середине дороги, вытянувшись по стойке смирно, отдавая воинскую честь, и так стоял, пока из машины не вышел адмирал. На вопрос, к чему этот спектакль, – был дан исчерпывающий ответ, что мне необходимо по личному вопросу обратиться к вице-адмиралу Ярыгину. Далее машина проследовала на территорию бригады, и пока проходила церемония приветствия комбригом, подоспел и я со своими выкладками на пяти листах. Их я и вручил лично Ярыгину, при этом лицо комбрига Глицая стало сразу землистого цвета, а сам он стал походить на побитого пса.

Процесс был запущен. Адмирал оказался человеком с большой буквы. Через пару дней ко мне домой явился оповеститель с приказанием прибыть в отдел кадров Черноморского флота, где и состоялся приём у Ярыгина в присутствии начальника отдела кадров ЧФ, контр-адмирала Погорелова. Мои письменные соображения относительно предшествующего увольнению с военной службы и самого увольнения Ярыгиным были подробнейшим образом проработаны, а документы испещрены красной ручкой. Беседа была недолгой, но в своём деловом журнале у него моё дело было взято на контроль, а начальнику отдела кадров были даны указания приостановить моё увольнение и повторно пересмотреть вопрос о моей службе с последующим докладом ему лично. На этом Ярыгин отбыл в Москву, а я снова вышел на службу.

Спустя три недели я был вызван на флотскую аттестационную комиссию под председательством вице-адмирала Сучикова, где после выступления комбрига Глицая С. П. мне даже не дали возможности открыть рта. Все дружно проголосовали за увольнение меня из рядов ВМФ. Со слов комбрига, и по его мнению, перед комиссией стоял не капитан третьего ранга с выслугой семнадцать лет, а некий упырь, отморозок, пропойца, неизвестно как

появившийся в рядах ВМФ. Теперь стало ясно, что пора сушить вёсла! Начался процесс сдачи мной дел и обязанностей и последующая канитель по оформлению документов на увольнение. Я даже ходил к своему Главному штурману Граматенко Сергею Ивановичу, нет, не за защитой, – искал понимания. Так вот, он мне прямо заявил, что нужно было своевременно пробиваться учиться в академии, а так он на меня как на человека и смотреть не желает. Мелок я был для него теперь.

Получив расчётные документы, я был отправлен в отпуск с последующим увольнением и постановкой на воинский учёт в городе Новороссийске.

Как и что меня натолкнуло на мысль обратиться в администрацию Президента, уже и не вспомню. Порядка двух недель я писал письмо, излагая в нём абсолютно всё, что только могло бы мне помочь. Верховный Главнокомандующий был теперь моим последним шансом, так как обращение в военный суд ни к чему бы не привело, это я уже уяснил после неоднократного общения с военными прокуратурами.

Написав письмо, я отправил его по электронной почте в администрацию Президента. Ответ получил на удивление быстро. В нём мне предлагалось прибыть в Москву на приём в администрацию, имея при себе подтверждающие свою правоту документы.

Уезжая в столицу, я в трёх экземплярах заверил копии всех 72-х документов, включая переписки с командованием и прокуратурами.

Администрацию я нашёл довольно быстро, прошёл контроль, отстоял длинную очередь в окошко за получением номерка и, наконец, был принят одним из многочисленных юристов, скучного вида, который до беседы со мной даже не потрудился ознакомиться с моим обращением. Он безразлично посоветовал мне обратиться в военный суд, где и попытаться отстаивать свои права.

Пришлось ему немного жёстко напомнить, с какой целью я обращаюсь сюда. Причём не забыл указать, что в случае такого вялого рассмотрения моего письма я оставляю за собой право переправить все имеющиеся у меня материалы здравствующему на то время, правда, в изгнании, оппозиционеру Березовскому Б. А. К слову сказать, Борис Абрамович к тому времени был учредителем особого

фонда помощи военнослужащим и членов их семей. Сказать, что клерк преобразился, – это значит ничего не сказать. От такого заявления он просто подпрыгнул в своём кресле, после чего внимательно прочёл письмо и аккуратно, с соблюдением всех законов, принял полный пакет моих документов.

Выйдя из администрации, я как в прострации побрёл по столице и оказался на Лубянке, перед зданием ФСБ. Что-то подсказало, что нужно посетить и это заведение, так как вопрос касался и махинаций с секретными документами. Там меня приняли «как родного», не знали где усадить. После повествования всей подноготной от начала и до конца ФСБэшники также получили от меня комплект документов и радостно проводили меня к выходу, снабдив на прощание справочным пособием с адресами, телефонами и данными всех военных чиновников Министерства обороны и Военно-морского флота.

Найдя в справочнике телефон начальника Главного управления кадров ВМФ вице-адмирала Ярыгина В. П., я позвонил ему и сообщил о цели своего приезда в Москву. Он немедленно потребовал приехать к нему. Выйдя всего лишь спустя два дня после отпуска, он даже не успел ничего узнать насчёт моего увольнения.

Адмирал принял меня и внимательно выслушал. После этого он прошёл в кабинку ЗАСовской связи в своём кабинете. Я никогда в жизни не слышал таких витиеватых матов, с которыми он обращался к кадровику Черноморского флота. Далее мой вопрос был перепоручен направленцу по ЧФ. И тогда я понял, что Ярыгин мою судьбу на самотёк не пустит.

После Москвы я решил съездить на недельку в Санкт-Петербург, побродить по местам былой юности. Но на четвёртый день моего пребывания в северной столице позвонила жена и сказала, что её разыскали из Управления воспитательной работы штаба ЧФ, а меня вызывают подписать какие-то документы, связанные с получением распределённой нам квартиры в г. Севастополе. Оказалось, вероятнее всего, что после того как я задействовал некие невидимые рычаги, у всех военных чиновников сработал инстинкт самосохранения и командующий ЧФ распорядился выдать моей семье квартиру из своего фонда!

Позже на мой адрес стали приходить письма из Москвы за подписью адмирала Ярыгина по вопросам поэтапного рассмотрения моего восстановления на службе. И как итог – я был вызван новым начальником отдела кадров ЧФ с предложением быть вновь призванным на военную службу, но продолжить её уже в Новороссийске, ввиду того, что в Севастополе, по известным причинам, служба у меня не заладится.

Адмиральский эффект сработал! А может быть, и результат того, что мои документы (как хлеб насущный) попали в разные ведомства.

Да, я как был капитаном 3 ранга, так им и умру. Было бы нелепо полагать, что после ТАКОГО я пошёл бы вверх по карьерной лестнице. И всё же правда и справедливость порой выше карьеры!

Вот и вся моя обратная сторона службы. Как тебе эта история?

– Потрясающе! Ты прошёл через весь этот ад и остался жив. Ты не сунул голову в петлю, не вскрыл вены, не ударился в беспробудное пьянство... Ты победил непобедимую систему! Один против закостенелой бюрократии и чиновничества. Невероятно! Не расстраивайся, что на погонах не было много больших звёзд, не в этом счастье. Ты – герой! Ты – Самсон, разорвавший пасть льву! Твоя жизнь – пример для тех, кто пасует перед трудностями. Хочу выпить за тебя и твоё огромное желание выжить. За то, что у тебя всё получилось! Веди, я угощаю, – я обнял его и крепко пожал ему руку.

На его глазах я заметил слёзы. У настоящих мужчин такое бывает. Только не нужно им в этом мешать.

– Саша, скажи, а ты сможешь эту историю написать в своей новой книге?

– Олег, я обязательно постараюсь. Только бы получилось передать все твои переживания и бездушие хозяев жизни. И слава Богу, что он почти всех их наказал.

Тамолин легко вздохнул и улыбнулся.

Теперь, когда он высказался, ему стало легче. Душа как бы очистилась, а в глазах появились искорки.

Здоровья тебе, ЧЕЛОВЕК, и долгой-долгой жизни! И пусть на твоём дальнейшем жизненном пути у тебя никогда больше не будет чёрной полосы! Будь счастлив!

1

Вот уже двадцать с лишним лет отток наших людей за границу всё возрастает и возрастает. И в основном это женщины, ищущие «счастья» в чужих краях, напрочь забывая, что оно за забором. А с другой стороны – дома никакой романтики. Мат, песок и низкая зарплата... А там?.. Звёзды с неба сами в руки падают, кофе в постель негр подаёт, биде, ванна, сэндвич и прочая сказочная «красотища». И все на английском говорят... С ума можно сойти!

Мы сейчас с разинутыми ртами и умилением смотрим на Запад, в большом его понимании. Все считают, что, войдя в Евросоюз, манна небесная начнёт сыпаться всем на голову, а кошелек трещать от евро. Никто даже не задумывается, что капиталист бездельнику не платит. Поэтому и у них безработица, со всеми вытекающими из этого последствиями. И у них от голода пухнут и гибнут люди. И там от наркомании и алкоголизма рождаются уроды... И там молодёжь косит СПИД.

Так ли за кордоном хорошо, как об этом размышляем?

Исторически повелось, что мы всё должны испытать на собственной шкуре и убедиться, «что такое хорошо и что такое плохо».

Мы же никогда не учимся на чужих ошибках. Мы должны совершить их сами, а вот потом...

Запад и Америка всегда привлекали наше пристальное внимание. Разве только привлекали? Они и сейчас это делают с утроенной силой. Причём во всех сферах.

Пример.

Турция. Вроде бы высокоразвитое государство. Но бедному человеку жениться там невозможно. Уж слишком велик калым за невесту. И ходит он, бедный, бобылём до скончания века на своём поле, со своей мотыгой, мечтая об эфемерном счастье.

И вот выход для него всё ж таки нашёлся сам собой.

Славяне, став «свободными», в поисках утраченного и наживы ради потянулись за рубеж. Нет, конечно же, не отдыхать и веселиться, а за шмотками. Надо жить и выживать в этой жизни! Ой как надо! Поэтому и появился бизнес «купи-продай». И понесли их ветры перемен по разным странам и весям, включая и Турцию.

Теперь несчастные турки находили себе в этом огромном потоке приезжих какую-нибудь Наташу (так там зовут всех украинских и русских женщин), которой и дома жилось не сладко.

Начали в изобилии образовываться семьи, причём турецкие. На шару и без больших затрат, со сменой религии, подвязыванием голову платком, работой от зари до зари и рождением детей, сколько получится. И домой погостить не пускали. Нельзя! Наверное, таким тоже бывает счастье. Зато теперь родственники в милой сердцу отчизне хвалятся, что их дочери живут не где-нибудь, а в самой Турции! И как им повезло! А другие завидуют... И тоже мечтают попасть туда.

Скопив денег, мчатся в дальние края, пополняя бордели и уменьшая количество бобылей.

Вскоре у нас появился новый бизнес. Бизнес по-нашему.

Молодые и здоровые ребята искали молодых и красивых девушек, предлагая им поработать за границей на высокооплачиваемых должностях. Паспорта, естественно, забирали якобы для оформления документов, ну а потом объявляли, что те едут в страны Ближнего Востока в публичные дома. С отказавшимися ничего хорошего не происходило. Остальные, пройдя месячное обучение

и перелетев Средиземное море, с широко распростёртыми руками и ногами становятся жрицами плотской любви.

Последнее время в наших странах десятками тысяч начали пропадать молодые люди и дети. Причём бесследно. Это заработал ещё один новый жестокий, но очень прибыльный бизнес. Тела пропавших расчленились на органы, которые переправлялись за границу. А заказов оттуда поступало и поступает всё больше и больше. И их надо выполнять! Вот ещё один отток населения из страны. И опять на Запад.

Сейчас у них появился спрос, причём у всех – от малолеток до перезрелых пенсионеров, – на наших невест, особенно у американцев, где Лас-Вегас призывно манит неоновыми огнями, где стоят невиданные доселе небоскрёбы, где полицейский убивает ребёнка, а школьник расстреливает своих сверстников, где есть такие негритянские кварталы, куда боятся заходить даже полицейские...

Уже почти никто не знает, что сифилис и табак в Европу завёз из Америки Колумб, что СПИД тоже вышел из США, что колорадский жук и амброзия, делающая наши поля бесплодными, – подарок тех же заокеанских «друзей»... Это они уничтожают по всему миру людей бомбами, всеми видами оружия, сжигают, ссылают в резервацию и просто убивают лишь за то, что те по-иному мыслят, а по-другому думать просто не хотят.

«Ну и что? – думает обыватель. – У нас же всё спокойно... Моя хата с краю. А Иран и Вьетнам очень далеко. Поди знай, может, журналисты их очернить хотят...»

Знакомство полов теперь происходит очень просто – через интернет, через «Одноклассников».

Первое в этом деле – нужно создать вид respectable человека, несмотря на то, что внешне, может быть, пусть и отдалённо, он смахивает на Барака Обаму. С лица ведь воду не пить. И вот он выставляет на сайте свою фотографию: голый по пояс, со слегка намазанным маслом телом, загаром солярия, бритой грудью, чтоб седина не выдавала и без того перезрелый возраст, с поворотом головы, чтоб морщины не так бросались в глаза, с умным, так уж получилось, взглядом, устремлённым через очки вдаль. Пусть все видят, каков красавец!

И вот этот Билл, Вайс или Джон (какая, собственно говоря, разница) начинает поиски интернетного «счастья». Нет, ему не нужна двадцатилетняя, которая, кроме нервотрёпки, ничего не принесёт. Он ищет женщину солидную.

И вот на бескрайних просторах Украины или России находит симпатичную мордашку, а может быть, и не одну, знакомится с её анкетными данными и, если они его устраивают, наивно пишет, какое у неё милое и красивое личико, предлагает подружиться и просит изредка писать на её сайт. Она, растаяв от такого внимания к собственной персоне, естественно, даёт согласие. Потом новый американский знакомый рассказывает даме, в пределах разумного, разумеется, о себе и своих несметных богатствах.

Сердце женщины тает, наливаются груди, спазмируется живот, вокруг которого начинает порхать невиданное количество «бабочек».

Постепенно переписка перерастает в интернетную «любовь». Он вместе с текстом посылает подарки к её фотографии в виде цветочков с чужими мыслями: «Ты одна лишь такая», «Самой-самой», «Я рядом с тобой», «Скучаю очень и люблю. Я нашу встречу безумно жду», «Ты такая одна», «Я думаю о тебе шестьдесят одну секунду в минуту» и прочее, и прочее...

Сердце красавицы стучит в бешеном ритме. Из-за разницы во времени она засиживается у компьютера до поздней ночи, не в силах расстаться с любимым, просыпая утром на работу. Его это очень радует. Он даже счастлив.

Теперь и она, чтобы никто не догадался, посылает ему подобные, но приватные подарки с теми же чужими мыслями: «Мечтаю о тебе», «Я хочу мурлыкать с тобой по ночам» (какая пошлятина!), «Ангел любви», «Скучаю очень, люблю... И нашу встречу безумно жду», «Твоё имя у меня на сердце»... Но иногда со свойственной беспечностью, присущей только женщинам, она забывает перевести подарок в приватный, тогда её имя начинает мелькать в интернетном мусоре.

Любовь всегда делает ошибки, и тайна становится явью. Так уж диктует нам природа.

Наконец назначается время и место их встречи.

Лето. Столица. Аэропорт.

А дальше по плану.

Он летит знакомиться со своей возлюбленной. А так как американцы очень практичные люди, обожающие всё детально просчитывать наперёд, то их встреча для него пока является предварительной. Нельзя сразу в омут и головой...

Милых и симпатичных мордашек много, а жизнь одна...

2

Она с огромным букетом алых роз, в умопомрачительном платье, со сногшибательным запахом, на высоченных каблуках, подмазанная, подкрашенная, невероятно волнуясь, стоит в зале встречающих аэропорта «Внуково 2». Вокруг слышится иностранная речь, что ещё больше усиливает переживание.

Наконец самолёт приземляется. Надев очки и подслеповато прищурив глаза, она в толпе ищет своего «мачо». Среди элегантно одетых мужчин его почему-то нет.

«Неужели не прилетел?» – ёкает сердце.

И вот она видит его! Он идёт не торопясь, с сумкой, перекинутой через плечо, как хозяин по огороду или минимум директор Вселенной. Его одежда не отличается изысканностью. На нём грязно-зелёная футболка навывпуск с яркой надписью на английском языке: «Я не могу без тебя жить», но перевести это она не может, поскольку в школе, а затем и в институте преподавали немецкий, из которого помнила лишь три фразы: «Auf Wiedersehen», «Hände hoch!» и «Ich liebe dich». Дальше шли джинсовые, с бахромой, шорты, белые носки и жёлтые туфли. Но была ещё одна деталь, которую она пока не знала. Перед посадкой самолёта он в туалете слегка подмылся и надел белоснежные трикотажные плавочки, выбросив старые в мусорное ведро.

Наконец встреча состоялась, с поцелуями, рестораном, гостиницей и всем остальным.

Её, когда они были на людях, постоянно тревожило чувство неловкости. Одетая с иголки, она выглядела рядом с ним жалкой и ничтожной...

Потом был путь на её родину.

В его же облики ничего не менялось. Пришлось и ей надеть свои джинсы и бежевую футболку, а к ним купить кроссовки, спрятав красоту на дно сумки.

3

Спустя три недели, рассчитавшись на работе, она улетела к нему в каменные джунгли.

Подписав, по наивности и незнанию законов, какие-то бумаги, в которых на лаконичном английском языке говорилось, что при разводе ей ничего не отходит из принадлежащего мужу имущества, они зарегистрировали брак.

Любовь для американца – товарные отношения, в которых нельзя терять свои деньги. Они должны приносить прибыль.

Вначале было всё-всё интересно, всё необычно.

Но вскоре разум начал превалировать над эмоциями.

Человек рождён для общения, которого она сразу лишилась из-за незнания языка. Здесь было всё чужое: и культура, и взаимоотношения, и быт, и даже природа...

Примерно через год стал точить червь ностальгии. И чем дольше она жила, тем интенсивнее он это делал. И вновь захотелось увидеть величавую речку, и прикоснуться к родной берёзке, и почувствовать запах черёмухи, и услышать утром соловья, и ощутить, как в тебя впивается комар, и увидеть подружку, что живёт напротив, услышав её ласкающий мат, а в воскресенье сходить на рынок...

И не думать больше ни о ком шестьдесят одну секунду в минуту...

ЧУТЬ-ЧУТЬ О ПООЩРЕНИЯХ, СПРАВЕДЛИВОСТИ И ДРУГОМ

Поощрение должно осязаться, обоняться, быть приятным на вкус... Но только никак не слышаться. Ещё оно должно иметь вес. Что толку от пустого содрогания воздуха пустыми словами: «Я объявляю вам благодарность». Сотрясли атмосферу и забыли. А вот поощрение в виде денежного эквивалента простой смертный трудяга получает редко, и то если пересчитать её на бутылки водки, получается литр и триста граммов колбасы. Семейная путёвка на солнечное побережье или круиз на белом теплоходе вокруг... получают только боссы и космонавты. Последние значительно реже. У начальства – мозги, которые любят море, солнце, пляж, Булонский лес Франции, Букингемский дворец в Англии или дворец Кристиансборг Дании... А вот учитель, врач, инженер, крестьянин прекрасно могут отдохнуть и дома или съездить к родственникам в замызганном и грязном вагоне.

Плазменный телевизор, ноутбук или домашний кинотеатр получают тот же начальник, его заместитель, главный бухгалтер и главный инженер, а микроволновая печь, соковыжималка или механическая мясорубка достаётся тем, кто пашет, плавит, лечит и учит.

Когда-то очень давно мой друг, земляк и авиационный врач Зуев Владимир Григорьевич, сказал сакраментальную фразу: «Лучшее поощрение – это отрез на брюки». Так оно и есть! Лучше, весомее и конкретнее сказать невозможно.

А вот пьяный сын великого руководителя, крупного бизнесмена или депутата самого высокого ранга сбил машиной на пешеходном перекрёстке человека и... ничего. За хорошее поощрение должностному лицу прохожий автоматически становится виноватым. Нечего по улицам шататься, пусть дома сидит, целее будет.

А вот если рабочий украл, разумеется, что это очень не хорошо, горсть гвоздей, а колхозник жменю зерна – показательный суд и... небо в клеточку.

Получается, что мир, труд, май рабочим, а счастье, радость и веселье – их начальникам, жёнам и детям.

Где вершится Высший суд человеческому бесправию? Говорят, что на небе... А можно один раз и на Земле?.. Но это трактуется как самосуд.

Так пусть тогда убийцы, насильники, садисты и прочая нечисть весело живут на этой земле в качестве поощрения, а их жертвы гниют в ней. Так получается?

Неправильно всё это!

Нечестно по очереди получать звёзды Героев и носить их на пиджаках, а по разрядке вешать медали на фуфайки.

Разве для этого создан человек? И осталось ли в наше время в человеке что-то человеческое?

Нет, наверное. И с уверенностью можно сказать, что никогда не было.

А справедливость?

И её тоже нет!

Всё это на бумаге, в законах и учебниках, что пишутся для школьников и студентов... И ещё в отчётах, чтоб потом поощрение получить за ударный труд.

Да ещё и писатели порой пишут про это.

А чего бы и нет?

Надо и об этом напоминать, что справедливость должна быть!

А её нет!

Жалко!!!

Помнится, кто-то сказал: «Гений должен быть нищ»!

Вот кем-кем, а гением себя не считаю. Но очень больно осознавать, что ты многого не можешь себе позволить из-за отсутствия брэнного металла в кармане, в том числе и издать книгу.

Но есть ещё на этом белом свете благородные, великодушные, щедрые люди, которые, сами не купаясь в золоте, готовы тебе помочь и уже помогали издать не одну книгу. Их доброта вызывает слёзы умиротворения и неимоверно добрые чувства – чувства гордости за то, что они существуют в этом жестоком мире.

С одними я когда-то учился в Военно-медицинской академии на разных курсах и факультетах, порой даже не зная друг друга. Теперь это солидные дяди со званиями и высоким положением, но это не мешает им оставаться людьми. А вот те, с кем действительно сидел в одном классе, в одной аудитории, узнав, что Финогеев стал писать и чего-то достиг в литературе, напрочь отказались со мной общаться.

– Они тебе просто завидуют, – сказал на это председатель Союза писателей, спросив меня об этом.

Но не о них сейчас пойдёт речь, а о тех, кто лишён чувства зависти, кто готов не только мне, но и любому протянуть руку помощи. Вот они.

Дармаев Андрей Дашиевич, врач-невролог Иркутского военного госпиталя. В 1977 году он окончил факультет авиационной и космической медицины Военно-медицинской академии имени С. М. Кирова в городе Ленинграде. Прослужив авиационным врачом в частях, он осел в Иркутске, где сейчас живёт и работает. Этот человек – мозговой центр, ось, вокруг которой концентрируются все выпускники академии, включая и наших ребят. Он является организатором и вдохновителем всех добрых дел и начинаний. Без него, без его участия не было бы и этой книги. Огромное спасибо тебе, Андрюша, за всё. Пусть на твоём пути всегда горит зелёный свет!

Шагов Василий Семёнович, человек необыкновенной доброты и высокой порядочности, врач воинской части, в прошлом начальник военной кафедры Иркутского государственного медицинского университета. Василий Семёнович окончил авиационный факультет ВМА имени С. М. Кирова в 1974 году, всю жизнь прослужил в Забайкальском военном округе и остался жить в Иркутске, несмотря на свои одесские корни. Он никакого отношения к нашему факультету подготовки врачей для Военно-морского флота, 1977 года выпуска, не имел. Но его благородство заключается не только в постоянной материальной помощи мне как писателю в издании книг. Я точно знаю, что Василий Семёнович Шагов неоднократно посылал и посылает деньги на издание книг по истории медицины бывшей заведующей кафедрой госпитальной терапии Иркутского медицинского института (ныне медуниверситета), заслуженному деятелю науки РСФСР, профессору Сизых Тамаре Петровне, ныне проживающей в городе Красноярске! Это поистине благородный поступок Гражданина, военного человека, выпускника ВМА им. С. М. Кирова!

Чичкалюк Валерий Александрович, кандидат медицинских наук, доцент. В настоящее время заведует кафедрой психологии Иркутского государственного университета путей сообщения. Он тоже не имеет конкретного отношения к нашему выпуску, поскольку

он окончил авиационный факультет ВМА имени С. М. Кирова на год позже нас. То ли веление сердца, то ли порыв его души (ведь он родом из города Николаева), но Валера всегда, безотказно и бескорыстно, помогает мне материально в издании книг. Стоит отметить, что преемственность поколений – это отличительная особенность выпускников Военно-медицинской академии. В своё время, после окончания факультета руководящего состава ВМА имени С. М. Кирова, Валерий Александрович попал на военную кафедру Иркутского мединститута, впоследствии достойно сменив в должности Шагова Василия Семёновича. Пытливый ум и склонность к научной деятельности – отличительная особенность Валерия Александровича. Благодаря его успешной научной деятельности и под его непосредственным руководством весь коллектив военной кафедры Иркутского мединститута защитил кандидатские диссертации. Его работоспособности и кипучей энергии можно позавидовать.

Шамгунов Асхат Николаевич после зимней сессии 3-го курса авиационного факультета ВМА имени С. М. Кирова по состоянию здоровья уволился из Вооружённых сил и продолжил учёбу в Челябинском мединституте, по окончании которого в 28 лет защитил кандидатскую диссертацию. Сейчас он доцент кафедры патологической физиологии этого медицинского вуза. Ностальгия по академии до сих пор волнует душу Асхата Николаевича, который накрепко связан с теми, с кем когда-то учился и жил. Его благородное сердце и светлая память о совместной учёбе в Ленинграде подвигла Асхата на материальную помощь в издании очередной моей книги. Он продолжает оставаться таким же искренним и доброжелательным человеком, каким и был в те далёкие годы!

Шакула Александр Васильевич окончил факультет подготовки врачей для авиационной и космической медицины в 1977 году. Пройдя тернистый путь от лейтенанта до полковника, Александр Васильевич достиг невиданных высот. Он в числе первых выпускников, в 1980 году, защитил кандидатскую диссертацию, а потом стал и доктором медицинских наук, профессором. Сейчас он заместитель директора Российского научного центра медицинской реа-

билитации и курортологии в Москве. О положительных качествах, бескорыстии, доброте этого человека и говорить не приходится.

Александрин Николай Сергеевич, врач крупного лечебного специализированного учреждения в Подмосковье. Николай Сергеевич – тоже выпускник ВМА имени С. М. Кирова 1977 года, факультет подготовки врачей для авиационной и космической медицины. Помню его с тех далёких времён учёбы как скромного и очень порядочного слушателя. Таким он и остался по жизни, пройдя суровую школу военной службы. Несколько лет назад судьба нас свела буквально на 15 минут на Киевском вокзале города Москвы, откуда я собирался ехать домой. Даже за то короткое время, в течение которого мы с ним общались, я твёрдо понял одно: Николай – настоящий Человек, Врач и Гражданин! Годы нисколько не изменили его.

О нём можно говорить много и только хорошо. Его доброта, отзывчивость и порядочность не имеют границ.

Дальше идут люди, с которыми я длительное время служил на Краснознаменном Черноморском начальником медицинской службы на эскадренном миноносце «Благородный» и флагманским врачом в 181-й бригаде строящихся и ремонтирующихся кораблей.

Шевченко Григорий Николаевич, мой командир корабля, а в последующем командир бригады. Выросший вдали от моря, на полтавских землях, Григорий Николаевич стал настоящим моряком и командиром с большой буквы. Он до самого окончания службы оставался и остаётся сейчас порядочным, честным и справедливым человеком. Надёжен во всех отношениях и крепок в своих убеждениях. Так воспитывал и нас, за что все мы остались ему очень благодарны.

Плехов Пётр Иванович, заместитель начальника штаба. С этим человеком было легко служить. При его достаточно нервной должности и занятости он всегда находил время, чтобы помочь офицеру, подсказать ему и подставить плечо оступившемуся. И что характерно – он никогда не кричал. Его любили и любят все!

Седов Владимир Иванович. Он матросом срочной службы служил вместе со мной на эсминце «Благородный», теперь Володя –

человек искусства в Санкт-Петербурге. Занимается художественным литьём. В его благородстве и порядочности тоже не приходится сомневаться.

Курятенко Сергей Дмитриевич. С этим человеком я познакомился в «Одноклассниках». Он из города Печоры Псковской области. Сергей просто прочитал мои книги... Он тоже военный, двадцать два года служит в пограничных войсках. Стремление помочь другому характеризует человека только с положительной стороны.

Вот эти люди являются спонсорами моих книг.

Огромное спасибо вам, ребята, и земной поклон! Будьте всегда здоровы! Да хранит вас Бог!

* * *

Приходит ли мудрость с годами? Опыт – да. А вот мудрость...

* * *

Почему мы свято верим тем, кто постоянно врёт? И знаем же, что врёт. Но верим! Не хотим быть умными, или мир дураков сделал нас тоже дураками? Может, так проще жить? Не понимаю этого.

* * *

Женщина, которая долго верила, терпела и прощала, если уходит, то это делает неожиданно и навсегда.

* * *

Среди множества людей мы дорогих и любимых выбираем сердцем. Их нельзя выкинуть из него. Это наше единое целое, зовущееся дружбой или любовью.

* * *

В ежедневном хаосе мыслей научись выбирать те, которые сподвигнут вас сделать что-то полезное и нужное. Будь их хозяином и не позволяй им командовать собой.

* * *

Душа заставляет скучать нас о другом человеке. Тело в этом деле не участвует. Оно лишь воет от уныния.

* * *

В жизни всё не просто так... По ней нас ведёт Судьба. Она решает, куда пойти и где свернуть. Мозг ей только повинуется.

* * *

Если в борьбе за любовь вдруг начинает принимать участие третье лицо, бороться можно прекращать. Не повезёт никому. Все останутся в проигрыше.

* * *

Иногда мужчина вдруг находит то, что потерял много лет назад. Он даже забыл об этом. И вдруг... Это его половина, без которой он жил все эти годы. И не жил даже, а прозябал.

* * *

Для одного счастье в съеденном пирожном, для другого – переплыть океан, а для третьего – покорить вершину... И каждый из них от этого получает своё удовлетворение.

* * *

Прекрасное понятно всем. Только люди с искривлённой психикой делают мир злым и непонятным. Убожество равнодушно к красоте.

* * *

Каждый стремится к самовыражению, но это далеко не у всех получается. Чаще мы выражаем волю другого, выдавая её за свою.

* * *

С каждым годом, как это ни печально, у молодых людей уменьшается интеллект, а с ним и словарный запас. Их умственные способности ограничиваются знанием марок пива и выкуренных сигарет. Нужно ли было в древности изобретать колесо? И зачем мыть руки, если они всё равно вновь станут грязными? А может быть, не следует рождаться, если неминуемо придёт смерть?

* * *

Правду ищут все, но её никто не находит. Да многим она и не нужна. Без неё прожить можно. Порой даже хорошо.

* * *

Корабль – единый механизм. От действий каждого зависит жизнь всего экипажа.

* * *

Разумом гражданский человек не может понять военной организации, как белый медведь не понимает пребывание на другом конце планеты пингвина. Условия существования вроде бы одни, но среда обитания абсолютно разная.

* * *

Всякое разочарование в очередной раз раскрывает нам глаза. Мир в это время – сер и мрачен, а душа и сердце захлопнуты.

* * *

Я не могу переделать историю в себе, но себя в истории – можно попробовать.

* * *

Тоска всегда имеет зелёный цвет.

* * *

Как правило, дураки на свет рождаются, но иногда ими в жизни ещё и становятся.

* * *

Незаменимых людей нет. Есть неизгладимые.

* * *

Можно выйти из грязи, но князем не стать.

* * *

Пьющий человек всегда двулик.

* * *

Стихи – это песни сердца. И пусть на сердце всегда будет тепло и радостно.

* * *

Очень хочется верить, что когда-нибудь мы проснёмся счастливыми. Неужели такое будет?! Вряд ли... Но верить надо!

* * *

Мы ищем ответы на вопросы? Но на них всегда и достоверно ответит время.

* * *

Фотография – миг прошлого человеческого бытия.

* * *

Ценить надо такого друга, с которым в любой ситуации чувствуешь себя человеком!

* * *

Наступит ли когда-нибудь время, когда, проснувшись, мы окажемся счастливыми?

* * *

Каждый человек может дать на любой вопрос свой совет.

* * *

Если человека любят, то боль, причинённая им, в сотни раз сильнее другой боли.

* * *

Только идиот верит в удачу лотереи. Она сама охотится за неудачниками. Так же, как деньги идут к деньгам, так и выигрыш достаётся обласканному судьбой.

* * *

Чтобы растопить лёд, надо излучать тепло.

* * *

У каждого своя дорога, и каждый счастлив по-своему.

* * *

Водка морали не имеет.

* * *

Ценят мужчину не за красоту и его место под солнцем, а ценят того, с кем одинаково хорошо и в горе, и в радости, с которым женщина чувствует себя женщиной, слабой и ранимой.

* * *

Звезда – Солнце влюблённых.

* * *

В этой жизни всегда должен быть человек, который и подскажет, и поймёт, и простит, и обнимет, и приласкает. Без этого всё человеческое бесчеловечно.

* * *

Жизнь – самое великое счастье на земле!

* * *

Жить без улыбки – значит не видеть солнца, не слышать пения птиц, не чувствовать дуновения ветра и аромата цветов.

* * *

Сон – явь ночью, полёт мыслей души!

* * *

Нельзя быть односторонним человеком, не интересно жить. Скучно!!!

* * *

Наша жизнь, как смена времён года. Но для одних зима приходит летом, а у других весна не кончается никогда.

* * *

Человек создан для общения. Без него он безмолвное животное.

* * *

Гордость мешает стать величием. Простота и радушие – вот путь к нему.

* * *

В душу нельзя входить в грязной обуви.

* * *

Мир – разнообразен и безалаберен, но среди его хаоса всегда находится нечто красивое.

* * *

Утром мы всегда в спешке. Нам некогда взглянуть в окно и удивиться новому дню, порадоваться свежести и прохладе воздуха, поразиться радости пробуждения жизни.

* * *

Каждый знает своё место, но не каждый это место красит.

* * *

Когда всё хорошо – это плохо!

* * *

Для любви возраста не существует.

* * *

У каждого корабля должна быть пристань, где он отдыхает от шторма и бурь. И еще маяк, который манит к себе и указывает путь, чтобы не сесть на мель и рифы.

* * *

След тени – работа Солнца.

* * *

Сколько людей – столько и мнений. Все живут и думают по-своему. Здесь стандарт отсутствует.

* * *

Мозг живёт воспоминаниями и мечтами.

* * *

Сказка и жизнь должны быть всегда вместе. Без жизни нет сказки, как без сказки жизнь безлика.

* * *

Счастлив и весел всегда только дурак.

* * *

Нельзя жизнь прожить без грусти и слёз.

* * *

Расстояние не является преградой любви.

* * *

Желать нужно только здоровья. Всё остальное – пустая бравада.

* * *

Без грусти нет радости.

* * *

В жизни должна быть благая цель.

* * *

Весна – рассвет жизни.

* * *

Есть храбрые и трусы, но и те и другие боятся стоматолога.

* * *

Понятие красоты у всех разное. Разве можно любить «Чёрный квадрат» Малевича или квадратную голову у Пикассо? Только большое воображение способно на такое.

* * *

Без памяти о прошлом нет будущего.

* * *

Охарактеризовать женщину нельзя. Она многолика и непредсказуема.

* * *

Где бы мы ни жили, где бы ни были, ностальгия по Родине, как червь, постоянно точит наше сердце.

* * *

Мы не вправе судить о дыхании сердца. Только оно способно решать, кого любить, а кого обходить стороной. Разум здесь бессилён.

* * *

Счастливы те, кто любил и любит.

* * *

Жизнь в прозябании не несёт радости.

* * *

Зеркало – наш враг. Мы видим в нём свои внешние изменения и расстраиваемся. Но ты молод, пока молода душа. Состарилась она – ты можешь быть стариком в двадцать лет. Зеркало уже здесь ни при чём.

* * *

Как здорово, когда есть родные, близкие и понимающие люди.

* * *

Слеза моет и чистит душу.

* * *

Мы все в жизни мечтатели. Одни хотят одного, другие другого. Но это всё желания о благе! Надо, чтобы люди хотели мира! Война, в которую играют политики, – горе людское. Это страшно.

* * *

Люди, прощайте друг друга!! Мир от этого станет добрее и ласковее.

* * *

Хорошие песни поются сердцем, но чем-то поют и другие песни.

* * *

Расставание – обоюдная сердечная боль. Берегите друг друга!

* * *

Быть терпимее друг к другу – путь к миру и примирению.

* * *

Мы не любим школу в детстве, но все обязательно мечтаем в неё вернуться, став взрослыми.

* * *

У каждого свой океан жизни, и каждый в нём тонет по-разному.

* * *

Зачем ломиться в дверь, за которой тебя никто не ждёт.

* * *

Глаза могут сказать больше, чем слова. И когда нам больно, мы отворачиваемся.

* * *

Порой одиночество толкает нас в объятия человека, к которому не лежит душа. Остерегайтесь: эти объятия могут разрушить всё тело.

* * *

Ко всему надо относиться проще.

* * *

Трудно не любить тех, кто тебя любит.

* * *

Только время сокращает минуты радости, удлиняя часы терзаний.

* * *

Если долго стучать, обязательно кто-то откроет.

* * *

Мир, во всех его проявлениях, строится на взаимном уважении. Когда идёт самовозвеличение, начинается война, холодная, горячая – без разницы.

Морская душа	6	Бумеранг	189
Дождь	9	Культурная программа	194
Драматическое свидание	40	Тридцать лет спустя	208
Пятница, тринадцатое	49	Мышиная возня	226
Дорога, которая нас выбирает	110	Неуместная шутка	230
Фокусник	120	Перевозбуждение	235
Аванс	124	И снова про девочку Олю ...	240
Поэзия любви	130	Дети	253
На привале	132	Родственные души	277
Новогодние перипетии	137	Будем помнить!..	293
Миг счастья	144	Жить, чтобы выжить	300
Михалыч	161	«Я думаю о тебе шестьдесят одну секунду в минуту...»	314
«Хомяк»	165	Чуть-чуть о поощрениях, справедливости и другом ...	320
Перипетии дня	169	О людях хороших	322
Одна кровь	179	Разговор с собой	327
Диалог	181		
Чрезвычайное происшествие	183		

Літературно-художнє видання

ФІНОГЄЄВ
Олександр Віталійович

КРУГИ НА ВОДІ

Оповідання

Російською мовою

Формат 60×84¹/₁₆. Ум. друк. арк. 19,5. Тираж 1000 пр. Зам. № 534-391.

ВИДАВЕЦЬ І ВИГОТОВЛЮВАЧ
Товариство з обмеженою відповідальністю фірма «Іліон».
54038, м. Миколаїв, вул. Бузника, 5/1.
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ДК № 1506 від 25.09.2003 р.